

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М.А. Фельдман** — Место стахановского движения в пред-
военной советской истории 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Н. Нестеренко** — Довмонт (Тимофей) Псковский 20

СООБЩЕНИЯ

- А.П. Шекшеев** — Революция 1917 г. и енисейское крес-
тьянство 39

- В.В. Волков** — Кабальные отношения в промышленности
России в конце XIX — начале XX в. 55

- И.М. Супоницкая** — Маккартизм: новый взгляд? 74

- Л.И. Ивонина** — Тридцатилетняя война в информации и
пропаганде Речи Посполитой 90

- Е.П. Тельменко** — Костры во Флоренции в конце XV в. ... 102

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- А.С. Дербенёв** — Саудовская Аравия и США в 1942 — начале 1946 г. 115

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Г.А. Гребенщикова** — К вопросу о роли Ламбро Кацониса в российской морской истории 133

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- С.В. Артамошин** — Немецкий консервативный мыслитель Эрнст Юнгер 139

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- С.А. Пискунов** — К вопросу о периодизации политики аграрного переселения второй половины 1940-х—1980-х гг. 148

- Е.Ю. Колобов** — Основные этапы создания Союза писателей РФ в 1957—1958 гг. 154

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ю.С. Зеленцова** — Формирование образа «Другого» у христиан и мусульман 164

- В.В. Поликарпов** — Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. Документы и материалы 169

- И.С. Яжборовская** — А. Кавко. Мои белорусы: Встречи — расставания. Очерки. Посвящения 173

Место стахановского движения в предвоенной советской истории

М.А. Фельдман

В августе 2015 г. исполняется 80 лет с момента появления знакового события советского времени — стахановского движения. Ряд обстоятельств: колоссальный пласт исторической литературы, посвященной стахановскому движению¹, политизация событий 1930-х гг. в постсоветскую эпоху заметно осложняют задачу исследователей — мифологизация событий второй половины 30-х гг. продолжает заполнять страницы исторических публикаций². Слова о системном подходе к изучению исторических событий остаются скорее заявлением о намерениях, чем руководством к действию. Если говорить о стахановском движении, работы, рассматривающие это явление в контексте социальной, экономической, политической истории, в ракурсе управленческой науки, являются редкостью.

Структурные вопросы: почему рождение стахановского движения произошло летом 1935 г.; степень реальной поддержки и реального участия в нем рабочих СССР; качество управления этим процессом в 1935 — июне 1941 г.; экономический эффект от стахановского движения; его социально-психологическое воздействие на рабочий социум до сих пор, по сути, не имеют научно обоснованных ответов.

В этой связи характерна статья южнокорейского историка Чжун вэ Чжо «Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935—1936 гг.», опубликованная в 2014 году³. Знание советской историографии стахановского движения, цитирование работ ведущих зарубежных специалистов по рабочей истории предвоенного периода в СССР, правда, опубликованных главным образом в 1980-е гг. прошлого века (Д. Фильцера, Дж. Барбера, Л. Сигельбаума), не помогло исследователю вырваться из плена устоявшихся советских штампов, в частно-

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Уральского института управления — филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Екатеринбург.

сти, о некой «самостоятельности» профсоюзных организаций в сталинскую эпоху. Обращает на себя внимание и отсутствие ссылок на получившие признание работы зарубежных историков-советологов ⁴ и российских исследователей стахановского движения, изданные в постсоветский период ⁵.

Недоумение Чжун вэ Чжо по поводу пассивности ВЦСПС, центральных советов профсоюзов в деле руководства стахановском движением до конца ноября 1935 г. частично находит объяснение в самой указанной статье: до середины ноября 1935 г. по поводу стахановского движения «Сталин хранил молчание». Однако именно поэтому привыкшие с конца 1920-х гг. следовать сталинским установкам профсоюзные лидеры не решались на какие-то самостоятельные действия. И только после выступления Сталина на Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановок, «с 23 ноября 1935 г. секретариат ВЦСПС стал регулярно включать в повестку дня пункт о стахановском движении» ⁶.

Однако, заключает Чжун вэ Чжо, профсоюзы не были готовы сделать поддержку стахановского движения своей основной задачей, поскольку «были заняты обсуждением Нового Устава и проблем социального обеспечения» ⁷. Если бы эти строки были написаны в 1975 г. или даже в 1985 г., они, возможно, могли бы не вызвать, мягко говоря, сомнение в исторической достоверности.

Но в работах современных российских историков, зарубежных авторов дана характеристика подлинного функционирования политических механизмов во второй половине 1930-х гг., принципов взаимодействия правящей партии и общественных организаций; дана оценка манипулирования «сверху» стахановским движением. Попробуем разобраться в поставленных выше вопросах.

Летом 1935 г. руководство Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) во главе с С. Орджоникидзе подготовило ряд проектов, существенно менявших курс социально-экономической политики в советской индустрии ⁸. На взаимосвязь широкомасштабной программы обязательного технического обучения и переобучения рабочих без отрыва от производства и «социалистического соревнования» в советской историографии указывали многие исследователи ⁹.

Составной частью проектов (и не менее значимой) было преобразование «социалистической организации труда», поскольку функции планирования, производства, снабжения и сбыта на советских предприятиях разделялись по административному принципу и были плохо скоординированы. Между тем, закупленные за рубежом, прежде всего в США, заводы с системой поточно-массового производства могли эффективно работать лишь при обеспечении соответствующих условий: непрерывного поступления сырья и материалов, наличия инженерных кадров нужной квалификации, дисциплинированных и квалифицированных рабочих ¹⁰. Систематические поездки советских специалистов на американские заводы, обобщение опыта первых лет второй пятилетки привели руководство НКТП к пониманию необходимости единства трех названных выше задач.

К середине 1930-х гг. советская промышленность в основном освоила технологии массового производства и строительства крупных индустриальных объектов. Сборочные конвейеры, сложнейшее обо-

рудование, масштабное производство современных образцов машиностроения стали очевидным свидетельством успехов индустриализации, даже с учетом того, что «пересадка» зарубежных технологий в неадекватную среду оборачивалась непредсказуемыми и неисчислимыми затратами на преодоление несовместимости ¹¹.

Успешное выполнение относительно умеренных плановых показателей 1934 и первой половины 1935 г., более или менее стабильные отношения между высшим партийным руководством и экономическими наркоматами ¹², казалось бы, создавали благоприятные предпосылки для проведения реформы на производстве.

Однако самостоятельность действий Орджоникидзе не могла не вызвать настороженности Сталина. К тому же выполнение программы обязательного технического обучения и переобучения рабочих без отрыва от производства требовало немалых средств, между тем как с июля 1935 г. Сталин добился необоснованного экономически увеличения капиталовложений на второе полугодие 1935 г. в новое строительство (и, соответственно, роста плановых показателей) почти в полтора раза ¹³. Исходя из этого, в принципе, стахановское движение несло в себе серьезный риск для правительственной программы максимизации инвестиций. Кроме того, поощрение прогрессивной оплаты труда давало возможность рабочим по собственному желанию увеличивать потребление, подталкивая государство к сокращению инвестиций ¹⁴.

Даже с учетом постоянной практики корректировки годовых планов наркоматов ¹⁵, масштаб увеличения капиталовложений в июле 1935 г., по справедливой оценке Р. Дэвиса и О.В. Хлевнюка, свидетельствовал об очередном повороте «генеральной линии»: ставке на новый производственный скачок ¹⁶. В рамках этого «скачка» Сталин рассматривал стахановское движение с чисто утилитарных позиций: как возможность без существенных капиталовложений резко повысить производительность труда рабочих, главным образом, за счет интенсификации их труда, а также веры, что освоение новых технологий само по себе может творить чудеса ¹⁷. Характерно, что во второй половине 1935 г. нормы выработки промышленных рабочих были увеличены от 13—20 % в черной металлургии до 55 % в авиационной промышленности. Показателен комментарий Орджоникидзе: «Мне мысль о нормах покоя не дает. Боюсь, как бы нормировщики не убили стахановское движение» ¹⁸.

По мнению П. Грегори, «вдохновленные стахановским движением планы становились все более грандиозными» ¹⁹. Однако, как уже отмечалось выше, решение Сталина и Политбюро ЦК ВКП (б) об увеличении капиталовложений на второе полугодие 1935 г. было принято в июле 1935 г., то есть до начала стахановского движения. Таким образом, для Сталина и его ближайшего окружения стахановское движение было не более чем вспомогательным инструментом.

Сопоставление стандартной ситуации для самых различных предприятий промышленности СССР в сентябре-декабре 1935 г. — щедрого денежного вознаграждения первых стахановцев; предоставления квартиры с мебелью, осуществленных в кратчайшие сроки; вал публикаций о стахановцах в газетах и журналах, сюжеты в кинохронике — приводит к выводу о запланированном и осуществленном по команде сверху широко рекламируемом эксперименте.

На эту же мысль, в частности, наводит и откровенный рассказ участника областного слета стахановцев военной промышленности Среднего и Западного Урала, проходившего в декабре 1935 г. в Свердловске, начальника участка на Пермском авиамоторном заводе о том, как выбирались стахановцы: администрация отобрала наиболее подготовленных рабочих и создала им соответствующие условия. Об этом же говорит и стенограмма первого областного совещания стахановцев в Свердловске в ноябре 1935 года. Характерно и то, что все выступления рабочих — первых стахановцев — отличались очевидным прагматизмом: при ритуальном упоминании Сталина и партии упор делался на высочайшие заработки и покупки ранее недоступных одежды и обуви²⁰. Заметим, что оптимизм лишь немногих первых стахановцев (например, Янкина, Батуева) оказался долговременным. Что касается молодых, 17—18-летних стахановцев, открывавших слет, то их фамилии не встречаются в печати более позднего времени.

Однако даже с учетом очевидного присутствия властных органов при рождении стахановского движения во второй половине 1935 г. наглядно проявились два подхода к развитию советской промышленности и освоению новых технологий.

Первый — предложенный руководством НКТП — лежал в русле управленческих подходов развитых индустриальных стран.

Второй, связанный со Сталиным и его партийным окружением, основывался на максимальной интенсификации труда занятых на производстве.

Различные подходы к стахановскому движению нашли отражение и в документах Декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП (б), единственный раз в истории коммунистической партии рассмотревшего специальным вопросом проблемы организации труда (стахановского движения) и технической учебы рабочих. По мысли Сталина, стахановское движение должно было произвести революцию в промышленности. Но на первый план (и это вошло в резолюции пленума) Сталин выдвигал борьбу с «врагами стахановского движения»²¹.

На что же было ориентироваться хозяйственникам, профсоюзным работникам, рабочим, если незадолго до пленума передовая статья «Правды» важнейшей проблемой стахановского движения называла вопросы совершенствования оплаты труда рабочих²². Обращало на себя внимание противоречие между высказыванием на пленуме секретаря ЦК А.А. Андреева — «все справочники по нормированию должны быть выброшены как хлам» — и словами наркома НКТП Орджоникидзе о том, что пересмотр норм должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учетом мнения самих рабочих²³. Приведенные факты убедительно говорят о различных подходах к методам достижения целей.

С одной стороны, стахановское движение рассматривалось Сталиным как упрощенный и экономичный вариант увеличения норм выработки. Инструментом достижения цели выступала невиданная ранее агитационно-пропагандистская кампания: во всех средствах массовой информации систематически подчеркивался факт высоких и сверхвысоких заработков стахановцев. Фамилия стахановца сопровождалась цифрой заработка и указанием на то, что рабочий-передовик получил квартиру с «меблировкой». Цифры впечатляли:

стахановцы получали в 5—10 раз больше, а в ряде случаев их дневной заработок превышал месячный у обычных рабочих. Бодро звучали и заявления «знатных» стахановцев: «жить стало лучше и веселее»²⁴.

Еще одним инструментом стало запугивание всех сомневающихся во «всепообеждающей» силе стахановского труда. Так в декабре 1935 г. прокурор СССР издал циркуляр, приравнивавший антистахановские действия к терроризму²⁵.

С другой стороны, решения Пленума ЦК ВКП (б) содержали основы самой серьезной программы повышения культурно-технического уровня рабочих крупной промышленности из тех, что принимались в 1930-е годы. Сочетание подготовки рабочих в рамках профтехшколы и непосредственно на производстве давало возможность существенно повысить квалификацию рабочих кадров. Анализ источников позволяет сделать вывод о планах Наркомата тяжелой промышленности и руководителя НКТП Орджоникидзе обучить основную массу рабочих на курсах повышения квалификации к 1942 г., и на КМСТ (курсах мастеров социалистического труда) — к 1947 году²⁶. КМСТ создавались для наиболее квалифицированных рабочих. Успешно окончившие курсы получали звание мастера соцтруда²⁷. Количество рабочих профессий, подготовка по которым становилась обязательной, было увеличено до 500. Новые учебные планы предусматривали овладение рабочими элементами материаловедения, изучение оборудования и инструмента, некоторых основ экономических знаний. В основу обучения рабочих было положено постижение стахановских методов труда²⁸.

Для реализации указанных планов в отраслях крупной промышленности при наркоматах, главках, предприятиях была создана централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих. В частности, на предприятиях возникали Советы по техническому обучению рабочих во главе с директором. Деятельность самих предприятий оценивалась по состоянию массовой технической учебы рабочих²⁹. К преподаванию привлекли ведущих специалистов предприятий, ученых, преподавателей вузов. В кратчайшие сроки (всего за 70 дней) было написано и издано 253 учебника по техминимуму для рабочих 403 различных профессий³⁰.

Таким образом, отличия новой (с декабря 1935 г.) системы технической учебы рабочих без отрыва от производства были следующими: во-первых, обязательность обучения для всех рабочих. По сути, государство (правда, в лице одного наркомата) провозгласило лозунг всеобщего технического образования. Во-вторых, обязательность обучения предусматривала и последовательность прохождения рабочими стадий профессиональной подготовки, включая высшее звено — КМСТ, готовящих высококвалифицированных рабочих. КМСТ (курсы с двухлетней общеобразовательной и технической подготовкой) существенно отличались от предшествующей системы подготовки рабочих кадров, так как действующие в 1933—1935 гг. производственно-технические курсы второй и третьей ступеней за отведенное время обучения могли готовить только рабочих массовых профессий. В-третьих, возникала централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих, адекватная системе управления в

промышленности. В-четвертых, государство впервые вкладывало крупные инвестиции в подготовку рабочих кадров непосредственно на производстве. В-пятых, создавался разветвленный и централизованный штат преподавателей системы технической учебы рабочих без отрыва от производства.

По замыслу руководства НКТП стахановское движение могло развиваться только в неразрывной связи с системой технической учебы рабочих без отрыва от производства ³¹.

На предприятиях тяжелой промышленности создавался централизованный (от цеха до главка) штат инструкторов стахановских методов труда. Обобщение опыта передовых рабочих и обсуждение проблем стахановского движения велось на страницах специально созданного в январе 1936 г. журнала «Стахановец». На предприятиях создавались и стахановские школы, где квалифицированные рабочие передавали свой производственный опыт. В то же время, следует отметить, что развитию системы передачи передового опыта сильно мешал отказ администрации предприятий и ведомств финансировать труд руководителей стахановских школ. Только с мая 1940 г. это препятствие было устранено.

Немаловажно и то, что стахановское движение увязывалось с принципиальным изменением оплаты по труду (декларировалась прямая зависимость заработной платы от величины выработки). Это понималось рабочими и руководителями НКТП как стержень стахановского движения.

Однако — и в этом заключался корень проблемы — система оплаты труда, предусмотренная стахановским движением, оказалась несовместима с финансовой несамостоятельностью предприятий. Дело в том, что Постановление ЦИК и СНК от 19 апреля 1936 г. «О фонде директора», во-первых, сводило все виды премий в один премиальный фонд — директорский. Во-вторых, рамки фонда были ограничены 4% от чистой прибыли предприятия, из которых только 2% могли быть направлены на премирование. В-третьих, в связи с созданием фонда директора ликвидировались фонды улучшения быта рабочих ³². Этот документ следует назвать знаменательным: государство показывало свое подлинное отношение к нуждам рабочих. В этой связи стахановское движение можно рассматривать и как заведомо неудачную попытку усовершенствования материального стимулирования рабочих за счет расширения премиального фонда.

В реальности, система заработной платы позволяла власти манипулировать рабочими: восхваляя «знатных» стахановцев, призывать остальных трудящихся к максимальной интенсификации труда. Но в этих же самых выступлениях прослеживается, частично или полностью, скрытая информация, отражающая подлинные взгляды и настроения рабочих, черты социально-культурного облика. К ним можно отнести указание на то, что материально-бытовое положение рабочих на момент начала стахановского движения было тяжелым: заработки и расценки малы, нормативы высоки, возможность купить нужные товары и продукты невелика. Такую оценку своей трудовой жизни, как видно, далекую от восторженной и иллюзорной, дали, например, сами рабочие-стахановцы областного слета военной промышленности уральского региона в декабре 1935 года ³³.

С началом стахановского движения ситуация мало изменилась: на заработанные деньги в магазинах купить что-нибудь практически было невозможно. В таких условиях едва ли не единственным выходом было приобретение заводской администрацией одежды и обуви для стахановцев. Любопытный вывод сделала Комиссия советского контроля при СНК СССР, проверявшая положение рабочих на Урале в конце 1935 г.: заявки на приобретение товаров учитывались и выполнялись далеко не у всех стахановцев, а только у узкого круга «знатных рабочих», включенных в особые списки. Судя по величине заработков, на Уралмаше, например, к кругу «знатных» были причислены 15 стахановцев (примерно 0,1% от численности трудового коллектива)³⁴. Поэтому недовольство основной массы рабочих реалиями стахановского движения относилось не к стахановцам вообще³⁵, а к избранным властью «героям труда». Однако, рабочие, недовольные своими заработками, всегда могли оказаться в рядах лиц, занятых принудительным трудом.

Фактически, в составе каждого трудового коллектива существовал слой рабочих-стахановцев, имевших более высокие заработки. Заметим, что внутри этого слоя следует выделять как большинство рабочих, получавших повышенную, но не столь высокую зарплату, так и незначительное количество «особых» стахановцев, превращенных пропагандой в символы героического рабочего класса. Например, в июне 1936 г. только 5,7% из 2500 стахановцев Уралмаша получали зарплату, превышавшую вдвое заработок рабочего, причем только 30 рабочих-уралмашевцев зарабатывали от 1 000 до 1 500 руб., или в 4—6 раз больше, чем в среднем по заводу. На 30 165 рабочих-металлургов треста «Востоксталь» в 1939 г. приходилось 48 «знатных» стахановцев (примерно 0,16% от численности трудового коллектива)³⁶.

Архивные документы раскрывают необычный ракурс биографий стахановцев: в своей массе это были вчерашние неграмотные или малограмотные рабочие. Справедливость данного вывода подтверждает анализ биографий 500 наиболее известных стахановцев — 60,7% из них являлись выходцами из деревни; почти половина имела трудовой стаж 3—4 года. Получалось, что опорой ВКП (б) выступали рабочие, пришедшие на производство в начале 1930-х годов³⁷.

Выделение привилегированного слоя наиболее заметно при сравнении удельного веса рабочих с заработками, в три и более раз превышающими среднюю зарплату по крупной промышленности СССР: в 1914 г. 0,67% и 1,9% в 1939 году³⁸. Однако и из этого социума к «знатым стахановцам» причислялись только политически лояльные рабочие. Единицы из рабочих, чьи заработки во много раз превосходили среднюю оплату труда, так называемые «знатные стахановцы», должны рассматриваться как новая советская «рабочая аристократия», происхождение которой связано преимущественно с политическими, но не экономическими факторами.

Судьба стахановского движения была во многом решена в январе 1936 года. По инициативе Сталина с первого дня 1936 г. набирала силу кампания за проведение «стахановских суток» на каждом рабочем месте. Вера в магическую силу приказа еще раз давала о себе знать. 20 января 1936 г. газеты страны сообщили о начале «стаханов-

ской пятидневки» на всех предприятиях, как о свершившемся факте. Анализ материалов позволяет сделать вывод: «штурм рекордов» начался без учета материальных стимулов для основной массы рабочих. Газеты января 1936 г. печатали диаграммы роста ежедневного выпуска промышленной продукции. Но в конце января кривая показателей устремилась вниз. Однако тут же последовал призыв высшего руководства страны к «стахановскому году»³⁹.

За счет чего же намечалось превзойти плановые рубежи? Исследование архивных источников 1936 г. дает ответ: прежде всего, за счет усиления интенсивности труда советских рабочих. Так, на Мотовилихинском (Молотовском) оружейном заводе рабочие в январе 1936 г. вместо положенных 150 часов отработали 250—300. На предприятиях треста «Востоксталь» в 1936 г. сверхурочно было отработано 996 тыс. часов. Это привело к увеличению травматизма металлургов на 20% в сравнении с 1935 годом. Более чем на треть вырос травматизм на военных заводах Урала; заметно увеличился удельный вес бракованной продукции. Например, в январе 1936 г. бракованными оказались 77% снарядов Серовского механического завода⁴⁰.

Итоги января 1936 г. — «месяца рекордов» — были ошеломляющими: не только не произошло ожидаемого рывка в экономике, но, напротив, в ряде отраслей был зафиксирован спад промышленного производства⁴¹.

Казалось бы, наибольшие обвинения в саботаже стахановского движения были предъявлены инженерно-техническим работникам⁴². Однако, как представляется, призыв к труду «по-стахановски» ударял и по основной массе рабочих. Если для горстки «знатных рабочих» администрация создавала особые условия, то большинству рабочих предлагалась фактически максимальная интенсификация труда — 420 мин. «максимальной загрузки». Рядовые рабочие восприняли стахановское движение как попытку заставить их больше работать за ту же зарплату. Осенью 1935 г. враждебное отношение к стахановцам отмечалось в докладах НКВД и сообщениях партийных работников⁴³.

Общество нуждалось в анализе происходящего. Но с февраля 1936 г. тема стахановского движения практически, пусть на время, исчезает со страниц газет и журналов. Молчание выдавало неудовольствие руководства ВКП (б): плоды патерналистской политики государства оказались отличными от замыслов. Слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев был невелик — и это тоже было естественно в условиях регламентации фондов заработной платы.

Если судить по цифровым выкладкам ЦУНХУ, то стахановское движение во второй половине 1930-х гг. набирало силу⁴⁴. В январе 1936 г. по официальным данным 18,5% рабочих считались стахановцами, а в январе 1938 г. — каждый четвертый⁴⁵. То есть армия стахановцев, согласно этим сведениям, насчитывала 1,6 млн промышленных рабочих⁴⁶.

Однако фактически положение дел обстояло иначе. В докладной записке инструктора промышленного отдела ЦК ВКП (б) секретарю ЦК Н.И. Ежову о состоянии стахановского движения в Свердловской области в 1936 г. отмечалось, что даже на крупных заводах Урала в стахановцы произвольно записывали тысячи людей, нередко и тех, кто перевыполнял план на 3—5%. «В деле нормирования имеются

крупные безобразия...», способствующие безудержному росту зарплаты вне связи с ростом производительности труда. Так Пермский (Мотовилихинский) оружейный завод, формально насчитывая 4500 рабочих-стахановцев (около трети рабочих предприятия), в то же время не выполнял производственный план ⁴⁷.

Произвольное установление норм и расценок, несоблюдение тарифной дисциплины в 1935—1936 гг. носило общесоюзный характер ⁴⁸, свидетельствуя о феномене масштабного обмана рабочих. Обследование молодых рабочих промышленности крупных городов СССР показало, что треть из них считались стахановцами. В то же время разница в среднем выполнении нормы у стахановцев (167,9% от плана) и остальных рабочих (113,4%) не носила качественных отличий ⁴⁹. Проблема же для власти заключалась и в том, что стахановское движение (как и движение ударников в ранний период) не привело к превращению рабочих в покорную массу, готовую к любым манипуляциям.

«На деле идет сокращение числа стахановцев в черной металлургии» — проговорился журнал «Стахановец» в августе 1937 года ⁵⁰. Аналогичным было и положение в других отраслях: основная же масса рабочих, расценив увеличение норм выработки при сохранившихся ставках оплаты как обман, не желала подменять повседневный труд героическим перенапряжением. Стахановское движение из реальной формы организации труда сотен тысяч рабочих в 1935—1936 гг. переходило, начиная с 1937 г., в мифологическую сферу. Ситуация, как и с движением ударников, повторялась: при ставке на количественные показатели роста и экономии на заработной плате вместо миллионов плановых «плакатных стахановцев» в реальную жизнь входили «бумажные» стахановцы. В этой связи утверждение Чжун вэ Чжо о «превращении стахановского движения во всенародную кампанию» ⁵¹, справедливо лишь в части масштаба агитации и пропаганды «высшего этапа социалистического соревнования».

Курс на экономию средств на подготовку рабочих кадров также наглядно проявился во второй половине 1930-х годов. Сталинское руководство могло провозгласить высокую цель сближения культурно-технического уровня рабочих и инженерно-технических работников, но тратить каждый год на обучение одного рабочего на КМСТ по 500 руб. при альтернативе расходов в 35—40 руб. в стахановских школах и на курсах и 60 руб. на курсах техминимума власть не желала. Так например, за 1938—1940 гг. расходы на техническую учебу рабочих-металлургов СССР сократились в два раза: с 30 до 15 млн рублей. Близки к этому были и сокращения указанных расходов по всем отраслям промышленности ⁵².

Противостояние различных подходов к реализации экономической политики приближалось к логической развязке. Летом 1936 г. дело дошло до серьезных разногласий между хозяйственным и политическим руководством страны по поводу стахановского движения. В очередной раз это недовольство проявилось в конце июня 1936 г. на совете при НКТП. Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР ⁵³, проходивший 25—29 июня 1936 г., представлял собой вполне конкретный форум: собрание хозяйственных руководителей (заместителей наркома, руководителей главков, директоров

112 крупнейших предприятий тяжелой промышленности), освященное присутствием члена Политбюро ЦК ВКП (б) Оржоникидзе. Состав участников Совета заведомо претендовал на место в политической жизни СССР: объективно, это было одно из наиболее заметных и значимых событий 1936 года. Не случайно, в официальном названии Совета имелось уточнение: второй Пленум — культовое слово для советских людей.

«Правда» 29 июня 1936 г. в несколько ироничной манере отмечала: «Четыре дня заседает Совет. Уже выступил седьмой десяток присутствующих». Двусмысленно звучало сообщение о том, что «на вечернем заседании с яркой речью выступил Пятаков, которого зал встретил и проводил продолжительными аплодисментами»⁵⁴. Известно, что к этому времени положение Пятакова было более чем шатким⁵⁵.

Заседание Совета было важным событием в жизни страны уже в силу состава присутствовавших. Только газета «Известия» сообщила данные о социальном составе Совета. Из 334 членов — 112 чел. являлись директорами крупнейших предприятий страны. Из них 50 чел. получили высшее техническое образование. Еще 163 чел. являлись инженерами. На Совете присутствовали 6 академиков и 9 профессоров; были приглашены и лучшие стахановцы⁵⁶. Таким образом, 25—29 июня 1936 г. в Москве собралась хозяйственная элита СССР.

Публикация кратких сообщений в газетах о форуме хозяйственников, чаще всего, не на первой странице, сокрытие содержания выступлений представителей директорского корпуса на протяжении пяти июньских дней свидетельствовали о сознательной акции, осуществленной по приказу Сталина. В этом же ключе следует рассматривать и задержку публикации заключительного обширного выступления Оржоникидзе.

О чем же действительно говорилось на заседаниях Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР? Представление об этом дает более чем четырехсотстраничный источник — стенографический отчет «Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25—29 июня 1936 г.»⁵⁷. На совете было немало сообщений (в большей степени стахановцев, в меньшей — директоров предприятий), насыщенных цифрами, но похожих на дежурные парадные отчеты и столь же дежурные просьбы о помощи разного рода.

Тем не менее, директорский корпус нашел возможность высказаться. Пять дней работы Совета (последнее заседание 29 июня завершилось почти в час ночи) демонстрируют решимость значительной части его участников положить конец репрессиям против хозяйственных руководителей. Уже в первый день работы Совета, В.М. Бажанов, заместитель начальника Главугля и начальник треста Донбассуголь, отвечая на обширную критику инженерно-технических работников со стороны партийных организаций, печатных органов за «вредительское отношение к стахановскому движению», подчеркивал: в Донбассе, на родине стахановского движения, были многочисленные перегибы: большая группа инженеров и техников была незаслуженно обвинена в саботаже. Извращения стахановских методов работы необходимо искоренять путем убеждения массы инженеров и техников, путем разъяснения инженерам и техникам, как нужно вне-

дрять стахановские методы работы. Развитие стахановского движения, преодоление массовой текучести рабочих кадров, по мнению Бажанова, зависело от технической модернизации рабочего места, совершенствования системы оплаты труда ⁵⁸.

Речь Бажанова во многом задавала тон остальным докладчикам. Показательным было прозвучавшее вскоре выступление А.Г. Стаханова — короткое, достаточно конкретное, и... ни разу не упомянувшее имя Сталина. Отметив первые положительные достижения инструкторов по внедрению стахановских методов труда, сам Стаханов указал на плохое использование техники — врубовых машин и отбойных молотков ⁵⁹.

Директор Уралмаша Л.С. Владимиров отметил: «Стахановское движение в промышленности охватило только самую верхушку рабочих. Как правило, стахановцами у нас являются члены партии, комсомольцы и передовая часть рабочих — это в лучшем случае». Такое пронизательное высказывание резко отличалось от общепринятого парадного освещения стахановского движения. «Существующее у некоторых товарищей мнение, что инженерно-технический персонал не хочет идти в ногу со стахановским движением, — продолжал Владимиров, — неправильно. Беда заключается в том, что мы еще до сих пор не переключили инженерно-технический персонал на творческую плодотворную работу. Инженер и техник часто работают не головой, а ногами». Поясняя последнее заявление, Владимиров отметил: «мы недостаточно разгрузили инженерно-технический персонал и не поставили его в такие условия, чтобы он мог более плодотворно работать» ⁶⁰. Кого же Владимиров имел в виду под собирательным «мы»? Думается, для участников Совета было ясно: под видом самокритики, речь шла о высшем партийном руководстве.

Поздно вечером 29 июня 1936 г. состоялось заключительное выступление Орджоникидзе. Он назвал обвинения в адрес инженерно-технического персонала чепухой. «Какие там саботажники! ... Это наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за советскую власть». Однако не только эти положения содержались в выступлении Орджоникидзе. Развитие стахановского движения зависит от научного подхода к организации рабочего труда, подчеркнул нарком. Орджоникидзе высмеял утверждения о близости производительности труда советских и американских рабочих. На одном и том же оборудовании, по словам Орджоникидзе, американский рабочий выпускал продукции в 9 раз больше, чем наш ⁶¹.

И все-таки главный посыл прозвучал у Орджоникидзе в конце его доклада. «Пора нам отказаться от планирования выполнения плана по валовой продукции», — заявил он. «Надо планировать выполнение программы не по валовой продукции, а по товарной — сколько готовой продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства» ⁶². Внимательный читатель сразу вспомнит: подобный тезис будет содержать экономическая реформа 1965 года. Кто знает, насколько лет раньше была бы реализована «косыгинская» реформа, если бы предложение Орджоникидзе было реализовано! Как видно, хозяйственная элита СССР, сформулировав иные подходы к курсу экономического развития страны, вышла на иное понимание самого содержания такого курса. Отметим, что работа Совета при на-

родном комиссаре тяжелой промышленности СССР 25—29 июня 1936 г. завершала более чем годовую напряженную дискуссию в верхнем эшелоне страны, формально, по вопросам руководства стахановским движением, по сути — по проблемам социально-экономического развития. Судя по материалам Совета, представители директорского корпуса во главе с наркомом тяжелой промышленности не стали послушными и безмолвными.

Обсуждению назревших проблем Сталин и его сподвижники предпочли физическое уничтожение тех, кто в глазах вождя выглядели антипартийными вольнодумцами. 29 августа 1936 г. до ареста Пятакова оставалось две недели; до гибели большинства управленцев — участников Совета, включая Орджоникидзе — полгода.

События 25—29 июня 1936 г. несут черты исторической закономерности. Перед нами логическое проявление длительной борьбы двух подходов к реализации государственной политики: рационального и идеалистического. Период нэпа привел к появлению в большевистском руководстве группы хозяйственников, которые в значительной степени методом проб и ошибок, интуитивно вышли на понимание процесса государственного управления как целенаправленной деятельности, связанной с реализацией государственно-властных полномочий субъектами публичной власти, регламентированной юридическими нормами. Для них в процессе государственного управления основную роль играли экономические знания, направленные на анализ последствий государственной деятельности. Выработка и реализация экономической политики была связана с использованием рациональных альтернативных вариантов, использующих сравнение с идеальной моделью.

Генетическое продолжение такой политики вывело Орджоникидзе в последний час работы Совета на понимание качества распоряжения ресурсами как наиболее надежного показателя учета общенациональных интересов. В свою очередь, параметрами этого показателя объективно должны были выступать соразмерность объявленных мер и имеющихся ресурсов, социально-приоритетное, целевое и подконтрольное их использование. Собственно говоря, длительная борьба рациональной и идеалистической тенденций государственной политики пронизывала всю советскую историю, приводя в смущение исследователей — сторонников одной, «единственно верной» парадигмы.

Репрессии против работников НКТП, директорского корпуса, инженеров и техников в конце 1936 г. — зимой 1937 г., гибель Орджоникидзе подвели определенную черту под историей проекта НКТП. Но каковы же подлинные итоги стахановского движения?

Если брать экономические показатели 1936 г. формально, можно отметить высокие темпы роста (29 % в 1936 г. по сравнению с 23% в 1935 г.)⁶³. Вместе с тем, Хлевнюк и Девис пришли к выводу, что в лучшем случае стахановское движение оказало на производительность труда и производство мимолетный эффект, при первоначальном всплеске производительности труда в конце 1935 года. В течении пятнадцати месяцев, прошедших после достижений Стаханова, средний рост производительности труда был ниже, чем в предыдущие шесть месяцев⁶⁴. Научно обоснованные подсчеты ученых противоречат официальным данным, утверждающим что рост производи-

тельности труда в 1936 г. (21,4%) был на треть выше аналогичного показателя 1935 г. (15,6%)⁶⁵. Любопытно, что еще один официальный источник советского времени дает более низкий показатель: 12,9% в 1935 году⁶⁶.

Отметим и наблюдение американского исследователя Д. Фильцера: «объемы производства, зачисленные в качестве результата стахановского движения, были нереальными, а последующие остановки производства и постоянная неэффективность вспомогательных работ съедали большую часть роста производительности труда рекордсменов»⁶⁷. Несмотря на отдельные трудовые рекорды, производительность труда советских рабочих к концу 1930-х гг. была в среднем в три раза ниже, чем в США и Германии на аналогичном оборудовании⁶⁸.

Кроме того, значительную часть продукции, как уже отмечалось выше, составлял брак, появившийся в ходе «волны рекордов. Но и в дальнейшем, в силу высокой текучести кадров до 26 июня 1940 г., массовых репрессий 1936—1938 гг., недостаточной квалификации рабочих масштаб бракованной продукции оставался значительным; бракованным оказалось, например, 10% выплавленного в 1938—1940 гг. в СССР чугуна. По официальным данным общие потери от брака за 1938—1940 гг. в промышленности составляли 5,9 млрд руб., из них 4 млрд руб. — в машиностроении, включая оборонное производство⁶⁹. Так, на предприятиях наркомата вооружений по отдельным деталям процент годности не превышал 40⁷⁰.

Сокращение потерь от брака в 1940 — первой половине 1941 г. было связано, во-первых, с определенной отдачей от системы технической учебы. Так, КМСТ к июню 1941 г. закончили примерно 100 тыс. чел. или 1 % от числа рабочих промышленности СССР, ставших ядром высококвалифицированных рабочих индустрии. За 1937—1940 гг. повысили свою квалификацию в стахановских школах около 1 млн промышленных рабочих. Судя по предприятиям Урала, за 1936 — первую половину 1941 г. более половины рабочих крупных предприятий, прошедших техническую подготовку, закончили курсы повышения квалификации.

Согласно данным обследования Госплана, весной 1941 г. из 2640 тыс. рабочих девяти промышленных наркоматов по уровню производственной квалификации 42,3% относились к категории квалифицированных, 35,5% — полуквалифицированных, 22,2% — неквалифицированных⁷¹. Проблема заключалась в том, что с наиболее сложными задачами оборонного характера могли справляться только рабочие 6—8 разрядов, удельный вес которых, например, на предприятиях-гигантах машиностроения колебался от 10% на ЧТЗ до 23% на Пермском оружейном заводе.

Во-вторых, приближение войны заставило власти обратиться к мерам по совершенствованию организации производства, предложенным НКТП в 1935 году. Были повышены требования к точности и строгому выполнению норм технологического процесса и чертежей. Началось массовое применение на заводах современных контрольно-измерительных приборов, расширено число измерительных лабораторий, были сделаны первые шаги по автоматизации станков⁷².

Куда менее результативной оказалась кампания борьбы за качество продукции, подкрепленная, главным образом, жесткими административными и карательными мерами, начавшаяся сначала на предприятиях наркомата вооружений (октябрь 1939 г.), а затем и в остальных отраслях промышленности ⁷³.

Подведем черту. Если рассматривать стахановское движение только как форму «социалистического соревнования», очевидно, что оно, с момента зарождения до реального исчезновения после 1936 г., носило искусственный, мифологический и агитационно-пропагандистский характер, прикрывая на деле возросшую интенсивность труда советских промышленных рабочих.

Если проследить судьбу проекта НКТП 1935 г., нацеленного на комплекс изменений в курсе социально-экономической политики в советской индустрии, то картина складывается несколько иная. Несмотря на гибель практически всех инициаторов проекта НКТП, даже фрагментарная его реализация обусловила ряд позитивных изменений в рабочем социуме, прежде всего, существенное повышение уровня технической подготовки рабочих. Это, в свою очередь, позволило к началу Великой Отечественной войны справиться с напряженными заданиями последних предвоенных месяцев, снизить масштаб бракованной продукции.

В этой связи замечание английского историка Дж. Барбера о том, что «стахановское движение выявило пределы сталинской системы середины 1930-х гг., где принципиальное совершенствование методов труда и организации производства вряд ли было возможно» ⁷⁴, нуждается в корректировке. Приближение войны заставило Сталина и его окружение взять на вооружение ряд рационалистических подходов к организации работы промышленности из арсенала устраненных «врагов народа».

Противоречивость оценки стахановского движения определяет и его место в советской истории. Односторонний подход, базирующийся на статьях историков советской эпохи конца 1930-х — первой половины 1980-х гг. опубликованных данных официальной статистики, приводит к утверждению о «героической странице рабочей истории», высокой степени трудового энтузиазма миллионов рабочих.

Комплексный подход, учитывающий исследования последних лет, самостоятельный анализ ставших доступными архивных материалов, позволяют увидеть в стахановском движении столкновение двух подходов к реализации государственной политики: рационального и идеалистического; разглядеть реальное социальное поведение конкретных групп промышленных рабочих, несовпадающее с курсом государственного принуждения и агитации.

В истории стахановского движения отразилась и судьба «Советского проекта» в целом. Конкуренция со странами капитализма заставляла руководителей СССР обращаться к опыту реализации новейших управленческих технологий на Западе в различных областях, в том числе и в сфере труда. Однако выборочность и фрагментарность использования передового опыта в управлении «человеческим фактором» не позволяли добиться устойчивого роста экономики и последовательного развития социально-трудовых отношений. Репрессии 1930 — начала 1950-х гг. против сторонников рациональных методов уп-

равления могли смениться в последующий период советской истории «мягкими мерами наказания». Общим же оставалось непонимание со стороны партийных руководителей (и отрицание) закономерностей экономических и социальных процессов в реальной жизни, а также игнорирование приоритета потребностей людей в рамках государственной политики.

Примечания

1. См. например: КУЗЬМИНОВ И.И. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М. 1940; ВОРОЖЕЙКИН И.Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М. 1975; ГЕРШБЕРГ С.Р. Стаханов и стахановцы. М. 1985; КОЗЛОВ В.А., ХЛЕВНЮК О.В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М. 1988.
2. Наиболее показательны в этом плане публикации Ю.Н. Жукова: См.: ЖУКОВ Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг. М. 2003; ЕГО ЖЕ. Народная империя Сталина. М. 2009.
3. ЧЖУН ВЭ ЧЖО. Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935—1936 гг. — Вопросы истории. 2014, № 12, с. 51—68.
4. См. например: ДЭВИС Р., ХЛЕВНЮК О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса. — Отечественная история. 1994, № 3, с. 102—103; ФИЦ-ПАТРИК Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. 2001; ГРЕГОРИ П. Политическая экономия сталинизма. М. 2006; ДЭВИС Р. Советская экономика и начало «Большого террора». — Экономическая история: Ежегодник. 2006. М. 2006, с. 439—476; KHLEVNYUK O., DAVIES R.W. The End of Rationing in the Soviet Union. — Europe-Asia Studies. 1999, vol. 51, № 4; DAVIES R.W., KHLEVNYUK O. Stakhanovism, the Politburo and Soviet Economy: Доклад на конференции: «Сталинское Политбюро, 1926—1953». Флоренция. 2000.
5. ХАУСТОВ В., САМУЭЛЬСОН Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М. 2010; ХЛЕВНЮК О.В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 1930-е гг. М. 1993; ЕГО ЖЕ. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М. 1996; ЕГО ЖЕ. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. 2010.
6. ЧЖУН ВЭ ЧЖО. Ук. соч., с. 52, 55, 57.
7. Там же, с. 59—60.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7297, оп. 7, д. 108, л. 47; д. 217, л. 17—18.
9. См. например: КОЗЛОВ В.А., ХЛЕВНЮК О.В. Ук. соч., с. 170—174.
10. ШПОТОВ Б.М. Компания Форда в Советском союзе в 20-30-е гг. — Экономическая история. Ежегодник. 2007. М. 2008, с. 272—273, 276.
11. ЕГО ЖЕ. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928—1933. Там же. 2005. М. 2005, с. 189—190.
12. ДЭВИС Р., ХЛЕВНЮК О.В. Ук. соч., с. 102—103.
13. Там же.
14. ГРЕГОРИ П. Ук. соч., с. 137.
15. МАРКОВИЧ А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. — Экономическая история. Ежегодник. 2003. М. 2003, с. 37, 40.
16. ДЭВИС Р., ХЛЕВНЮК О.В. Ук. соч., с. 104.
17. ГРЕГОРИ П. Ук. соч., с. 134—135.
18. КОЗЛОВ В.А., ХЛЕВНЮК О.В. Ук. соч., с. 173.
19. ГРЕГОРИ П. Ук. соч., с. 135—136.
20. См.: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО), ф. 4, оп. 13, д. 533, л. 42; д. 129, л. 1—55.
21. Правда. 22, 26.XII.1935.
22. Там же. 24.XI.1935.

23. Там же. 26.XII.1935. См. также докладную записку С. Орджоникидзе В.М. Молотову: РГАЭ, ф. 7297, оп. 7, д. 108, л. 47—48.
24. ЦДООСО, ф. 4, оп. 13, д. 129, л. 14—15, 19; д. 348, л. 40—42, 71, 130; Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 33, оп. 2, д. 130, л. 103.
25. ГРЕГОРИ П. Ук. соч., с. 138.
26. РГАЭ, ф. 7297, оп. 7, д. 108, л. 47; д. 217, л. 17—18.
27. См.: Новая система массовой техучебы рабочих тяжелой промышленности. М.—Л. 1936, с. 13—15.
28. В сентябре 1936 г. сроки обучения на курсах техминимума были уменьшены до 4 мес., на стахановских курсах — до 2—3 мес. за счет сокращения или изъятия (на стахановских курсах) общеобразовательных дисциплин. Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 123, оп. 1, д. 2403, л. 163—164.
29. РГАЭ, ф. 8875, оп. 47, д. 52, л. 73—74.
30. КОЗЛОВ В.А., ХЛЕВНЮК О.В. Ук. соч., с. 174.
31. РГАЭ, ф. 7297, оп. 7, д. 108, л. 47; д. 217, л. 17—18.
32. СУ СССР. 1936, № 20, ст. 169.
33. ЦДООСО, ф. 4, оп. 13, д. 533, л. 9.
34. Там же, л. 77; д. 346, л. 55; д. 375, л. 25; д. 129, л. 16.
35. РОГОВИН В.З. Сталинский неонэп. Б.г. Б.м., с. 230.
36. ГАСО, ф. 262, оп. 2, д. 716, л. 34; ф. 1814, оп. 1, д. 838, л. 1.
37. ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 381, л. 83, 89; д. 382, л. 7, 28, 131; КОЗЛОВ В.А., ХЛЕВНЮК О.В. Ук. соч., с. 153—154.
38. Подсчитано по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 37, д. 1031, л. 4об.—5.
39. За индустриализацию. 26.I, 4.II.1936.
40. ГАСО, ф. 841, оп. 1, д. 36, л. 123—125; ЦДООСО, ф. 4, оп. 13, д. 329, л. 2—3; оп. 14, д. 445, л. 7, 17—18.
41. Правда. 29.IV, 21.V.1936.
42. ЦДООСО, ф. 4, оп. 13, д. 122, л. 8; д. 348, л. 64—71; д. 533, л. 11.
43. ГРЕГОРИ П. Ук. соч., с. 138.
44. КУЗЬМИНОВ И.И. Ук. соч., с. 153.
45. История советского рабочего класса в шести томах. Т. 2. М. 1984, с. 293; КОЗЛОВ В.А., ХЛЕВНЮК О.В. Ук. соч., с. 175.
46. Подсчитано по: История социалистической экономики СССР в семи томах. Т. 4. М. 1978, с. 98.
47. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 671 (фонд Н.И.Ежова), оп. 1, д. 57, л. 30—32, 35.
48. ФИРИН М. Организация заработной платы в тяжелой промышленности. — Плановое хозяйство. 1937, № 1, с. 107—120. Отметим эту статью, как одну из немногих аналитических публикаций 1937 года.
49. Социальный облик рабочей молодежи. М. 1980, с. 139.
50. Стахановец. 1937, № 8, с. 34.
51. ЧЖУН ВЭ ЧЖО. Ук. соч., с. 65.
52. РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 394, л. 260; ф. 8875, оп. 47, д. 109, л. 79—81.
53. Созданный в июне 1935 г. Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности по инициативе С. Орджоникидзе, первоначально предназначался для обсуждения важнейших вопросов освоения промышленных предприятий и активизации социалистического соревнования. См.: За индустриализацию. 14.V.1936, с. 1.
54. Правда. 27, 30.VI.1936.
55. ХЛЕВНЮК О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг., с. 88. Автор приводит выдержку из письма Сталина Орджоникидзе 1932 г.: «Пятаковым не трудно стать на меньшевистский путь».
56. Известия. 26.VI.1936.
57. Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25—29 июня 1936 г. М. 1936.
58. Там же, с. 41—41об., 46.
59. Там же, с. 55—57.

60. Там же, с. 347—348.
61. Там же, с. 390—395, 406.
62. Там же, с. 410.
63. История советского рабочего класса, т. 2, с. 176.
64. ГРЕГОРИ П. Ук. соч., с. 137.
65. История советского рабочего класса, т. 2, с. 176.
66. История социалистической экономики СССР, т. 4, с. 93.
67. ЧЖУН ВЭ ЧЖО. Ук. соч., с. 53.
68. Технический прогресс и социальная активность рабочего класса в переходный период: информационные материалы. Свердловск. 1989, с. 16.
69. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 293, л. 35.
70. МАРКЕВИЧ А.М. «Советское — значит надежное»: военпреды и проблема качества в советской оборонной промышленности. Экономическая история. Ежегодник. 2005, М. 2005, с. 371.
71. РГАЭ, ф. 4372, оп. 41, д. 2169, л. 7—8.
72. См. например: ШАХУРИН А.И. Крылья победы. М. 1984, с. 84—85.
73. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 293, л. 35.
74. ЧЖУН ВЭ ЧЖО. Ук. соч., с. 53.

Довмонт (Тимофей) Псковский

А.Н. Нестеренко

Как писал Н.М. Карамзин, в истории «бывает примес лжи»¹. Одной из задач исторической науки является определение того, что является подлинным историческим фактом, а что вымыслом, призванным приукрасить историю. Но, зачастую, историки, следуя социальному заказу, отражают историю не такой, какой она есть на самом деле, а такой, какая больше соответствует потребностям общества в формировании референтных фигур исторической памяти. Это подтверждает биография псковского князя Довмонта, источники о котором настолько противоречивы, что не позволяют достоверно установить, что в ней является вымыслом, а что констатацией исторических фактов. Несмотря на это, отечественная историография оценивает Довмонта исключительно как «воина великого и ревнителя веры христианской»².

Сведения, на основании которых воссоздается исторический портрет Довмонта, основываются, прежде всего, на его агиографическом Житие³. Однако в нем содержится много вымыслов, не находящих подтверждения в других источниках. А. Энгельман отмечает, что образ Довмонта в «Сказании о благоверном князе Довмонте и храбрости его» выглядит «сказочным»⁴, ему приписывается «дарование особой благодати, преимущество перед всеми, собственно русскими, князьями»⁵.

В «Сказании...» еще нет описания чудес с ангелами, уничтожающими противника, и гипербол о всемирной славе князя, которые появляются в «Житие Александра Невского», написанном на его основе. Но в нем уже присутствуют литературные вымыслы, призванные приукрасить исторические факты.

Дидактический характер «Сказания...» наглядно проявляется в сравнении его с погодными летописными свидетельствами. Например, в Псковской второй летописи (П2Л) о смерти Довмонта (1299 г.)

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

летописец кратко повествует: «В лето 6807, 4 марта разграбили Немцы посад у Пскова. Князь Довмонт выехал с малой дружиной и победил их у церкви апостолов Петра и Павла. Того же лета представился благоверный князь Довмонт 20 мая. Того же лета был злой мор во Пскове»⁶.

Рассказ «Сказания...», помещенный в начале той же летописи, в отличие от скупого летописного свидетельства, развернут и полон подробностей: «В тридцать третий год княжения Довмонта во Пскове 4 марта Немцы неожиданно разграбили псковский посад. Убили Василия игумена Святого спаса, Иосафа игумена Снетной горы и монахов многих и жен и детей, а мужей бог уберег. В тот же день поганые Немцы осадили город. Князь же Довмонт, не дожидаясь подмоги, вышел против них с малой дружиной с Иваном Драгомиловичем и с помощью святой троицы победил их у церкви апостолов Петра и Павла, одних убив, других ранив, а третьи бросились с крутого берега, а самого предводителя ранил в голову. Нескольких взяли в плен и послали великому князю Андрею. А прочие, побросав оружие, побежали под страхом мужества Довмонта и псковичей. И был тогда во Пскове очень большой мор. Тогда и благоверный князь Довмонт, недолго болея представился богу в вечную жизнь 20 мая. Был он милостив безмерно, священников любя, церви украшая, нищих милуя и все праздники честно проводя за сирот и вдов заступаясь и обижающих их наказывая. И проводили его священники иноки, дяки монахи и все люди и святое его тело положили в церкви Троицы с похвалами и песнями духовными. Была же печаль и жалость великая псковичам»⁷.

Таким образом, если погодная запись, сообщая о смерти Довмонта, ограничивается одним эпитетом в его адрес — «благоверный», то в «Сказании...» она трансформируется в эпический панегирик, достоверность которого подчеркивается описанием всенародной скорби по усопшему.

«Сказание...» дополняет летописное свидетельство сведениями о жестоком погроме «немцами» псковских пригородов, сопровождавшемся убийством монахов, женщин и детей. Обличив коварство и бесчеловечную жестокость «поганых», оно подробно описывает разгром противника, перечисляя все мыслимо возможные причины его поражения. Довмонту приписывается подвиг очередного личного поединка с вражеским полководцем. При этом следует отметить, что князю в то время было уже далеко за пятьдесят — не тот возраст, чтобы участвовать в единоборствах. Сообщает «Сказание...» и о неупомянутых в летописи причинах смерти князя и подробностях его погребения.

Однако из этого подробного, по сравнению с летописным свидетельством, описания остается неясным, почему Довмонт вступил в бой только после того, как враг безнаказанно уничтожил псковские посады. Почему мужчины бежали («мужей бог уберег»), оставив на погибель монахов, женщин и детей? Не понятна и причина, по которой «немцы» проявили такую, до сих пор им несвойственную, жестокость.

Описание «Сказания...» о последней обороне Пскова Довмонтом не находит подтверждения в других источниках. НПЛ сообщает о смерти князя, не говоря о том, что послужило ее причиной. О сраже-

нии, предшествующем смерти Довмонта, и завершившемся очередным сокрушительным разгромом «немцев», она тоже умалчивает⁸. При этом, если бы это сражение под Псковом действительно имело место, то новгородский летописец не мог о нем не знать, потому что согласно «Сказанию...», оно завершилось ритуальной отсылкой пленных «немцев» великому князю. Если он о нем не знал, то рассказ «Сказания...» — не описание исторического факта, а литературный вымысел. Ливонские источники также ничего не сообщают об этом нападении на Псков⁹.

Возникновение мифа о предсмертном подвиге псковского князя и его кончине от постигшего город мора в 1299 г., возможно, обусловлено тем, что к тому времени Довмонта уже не было в живых. И погиб он не в Пскове, который покинул задолго до описываемых в «Сказании...» событий, а в своем отечестве, куда вернулся вскоре после Раковорской битвы (1268 г.)¹⁰. В пользу данной версии свидетельствует и то, что в Троицком соборе псковского Крома есть только декоративное надгробие Довмонта, но нет его останков. Где на самом деле погребено его тело, неизвестно¹¹. Анализ сообщений «Сказания...» о деятельности Довмонта после Раковорской битвы, которые не подтверждаются другими источниками, очевидно, являются вымыслом.

Подробности жизни Довмонта до его появления в Пскове неизвестны. Из летописных источников невозможно понять, чьим сыном был Довмонт; виновен ли он в убийстве Миндовга; почему он вынужден был покинуть историческую родину; почему он бежал именно на Русь. Загадочным остается и внезапное избрание чужеземца из враждебной Литвы псковским князем.

Первое упоминание о Довмонте в новгородской летописи относится к 1266 году¹². Псковский летописец пишет, что «князь Довмонт прибежал в Псков», но не сообщает откуда¹³. ПЛ относит эти события к 1265 году. Под этим же годом НПЛ сообщает о том, что «бежали в Псков 300 литовцев с женами и с детьми, и крестил их князь Святослав с попами псковскими и с псковичами; а новгородцы хотели их убить, но не выдал их князь Ярослав»¹⁴. Возможно, что указанные в НПЛ литовские беженцы и были Довмонт и его дружина, которые, судя по словам летописца, узнав о намерении новгородцев их убить, сначала бежали в Новгород, а уже оттуда в Псков¹⁵.

Возникает вопрос, почему новгородцы хотели убить беглецов и почему за них заступился великий князь Ярослав Ярославович, только что призванный новгородцами на княжение и сразу вступивший с ними в конфронтацию по этому, в общем-то, не принципиальному поводу? Почему, наконец, Довмонт уже в следующем году занял место сына великого князя Святослава, который до его прихода целых десять лет княжил в Пскове?

Чтобы понять причины внезапного возвышения чужеземца Довмонта в качестве Псковского князя, необходимо разобраться в причинах его появления на Руси. «Сказание...» сообщает только о том, что Довмонт «оставил свое отечество» и бежал в Псков со своей дружиной и «всем своим домом» по причине разразившейся в Литве междоусобицы, в ходе которой Войшелк «взял землю литовскую»¹⁶.

Интересно, что это первое и последнее сообщение о сопровождавшей князя дружине. В дальнейшем следы этих трехсот воинов

теряются, а славу за все свершенные Довмонтом подвиги разделяют с ним одни только псковичи. Именно к ним он обращается перед сражениями с патетическими речами и раз за разом малым числом побеждает многочисленные полчища врагов. Хотя логика фактов требует, чтобы не псковичи, а оставившая отечество вместе со своим князем литовская дружина Довмонта была в эпицентре описываемых событий.

Прояснить истинные причины бегства Довмонта из Литвы невозможно, поскольку не известны подробности его происхождения и, следовательно, роль, которую он сыграл в начавшейся после убийства Миндовга междоусобице. На этот счет существует несколько гипотез. Карамзин пишет, что Довмонт — это один из родственников первого великого князя литовского Миндовга, не уточняя, кем именно он ему приходится ¹⁷.

Из НПЛ можно предположить, что Довмонт был сыном убитого князя полоцкого Товтивила, который приходился Миндогву племянником. Как сообщает летописец, в 1263 г. убийцы Миндогва, «убив доброго князя полоцкого Товтивила, а бояр полоцких схватили и просили у половчан убить сына Товтивила; и он бежал в Новгород с мужами своими» ¹⁸. И далее летопись не упоминает больше сына Товтивила, но зато в ней появляется Довмонт. В.Н. Татищев тоже упоминает Полоцк как вотчину Довмонта: «вотчину свою град Полоцк взял» ¹⁹.

Дж. Феннел считает, что сына Товтивила звали Константин, а Довмонт принадлежал к числу его противников. Константин вместе с отцом участвовал в походе новгородско-владимирского войска на Дерпт в 1262 году. Поэтому, после убийства отца он и бежал в Новгород, надеясь найти убежище у своих боевых товарищей. А когда, спустя два года, в Новгородскую землю бежал Довмонт, который был противниками Товтивила и Миндовга, «новгородцы (действуя, несомненно, по совету Константина) решили, что самый удобный способ решить проблему — это просто казнить всех до одного» ²⁰:

Согласно хроникам Быховца и Матея Стрыйковского, Довмонт был вторым из пяти сыновей великого князя литовского Ромунда (Романа) Гилигиновича и после смерти отца княжил в Утянах ²¹.

По сообщению Густынской летописи, Довмонт был зятем жемайтійского князя Тройната. В 1263 г. они, сговорившись между собой, «убили спящего в ночи великого князя и храброго короля (Миндовга. — *А.Н.*), деда своего, княжества ради». В результате этого заговора Тройнат стал великим князем литовским ²².

Есть и другая, романтическая версия, объясняющая мотивы убийства Довмонтом Миндовга. Согласно «Хронике Матея Стрыйковского», причиной вражды между князьями стало то, что Миндовг отнял жену у Довмонта. Случилось это так: когда у Миндовга умерла жена, он пригласил ее родную сестру, которая была женой Довмонта, на похороны и поминки. «А когда та приехала на похороны, король Миндовг сразу же влюбился в нее и, желая взять ее себе в жены, сказал ей: “Сестра твоя, а моя жена, умирая, просила меня, чтобы взял тебя себе в жены на ее место”, и приневолил ее с собой жить» ²³. В интерпретации С.М. Соловьёва, Миндовг представил это не как просьбу, а как приказ, обусловленный тем, что умершая хотела устроить судьбу своих детей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила» ²⁴.

Довмонт, «думая, как бы ему отомстить своей жене за лживость и легкомыслие, а также не спал и задумывал убийство Миндогово; но не мог этого доказать в открытом бою, ибо его силы были малы, а тот был могущественным королем»²⁵. Поэтому Довмонт вступил в сговор против Миндогва с Тройнатом, и в результате Миндогв и два его сына были убиты.

Хроника Быховца пересказывает эту же историю, но с другим составом участников. В ее интерпретации Довмонт и его старший брат Наримунт были женаты на сестрах — дочерях ливонца Флерда. Жена Довмонта заболела и умерла. «И князь великий Наримунт, будучи и сам болен, услышав о смерти своей невестки, очень опечалился и послал жену свою к брату своему Довмонту, чтобы выразить свою скорбь. И когда жена Наримунта приехала в Утяны, выражая соболезнование своему деверю князю Довмонту, князь Довмонт, видя невестку свою, очень обрадовался и сказал так: “Мне нужно было искать жену, а тут мне бог дал жену”, и взял ее в жены». Наримунт с остальными братьями и тестем осадили Утяны. «И тогда князь Довмонт уразумел, что он не в силах обороняться, он просил своих горожан, чтобы они не сдавали города, пока он не пройдет сквозь войска Наримунта. И сам спустился из города и, пройдя сквозь войска Наримунта, побежал, и пришел к городу Пскову. И мужи псковские, видя его, мужа честного и разумного, взяли его себе государем и назвали его великим князем псковским»²⁶.

НПЛ причины возникшей в Литве перед бегством Довмонта усобицы объясняет тем, что принявший христианство и ушедший в монахи сын Миндогва Войшелк после убийства отца покинул монастырь и, собрав войско, поддержанный сторонниками Миндогва, пошел «на поганую Литву», одержав победу над своими врагами. Об этой победе Войшелка новгородский летописец восторженно сообщает, как о неотвратимом торжестве христианства над язычеством: «тогда окаянным воздал господь по делам их: ибо всю землю их оружием пленил, а в христианской земли веселие было всюду»²⁷.

По описанию Карамзина, «весть о несчастной смерти отца произвела в Воишелге (Войшелке. — А.Н.) действие чрезвычайное: он затрепетал от гнева, схватил меч и, свергнув с себя монашескую одежду, дал Богу обет чрез три года снова надеть ее, когда отмстит врагам Миндогва. Сия месть была ужасна: собрав полки, Воишелг явился в Литве как зверь свирепый и, признанный там единодушно Государем, истребил множество людей, называя их предателями»²⁸.

Следовательно, если Довмонт и бежавшие с ним литовцы были из числа причастных к убийству Миндогва, то новгородцы, солидарные с Войшелком, хотели их убить, как язычников, обративших оружие против христиан. В этих обстоятельствах Довмонт был вынужден принять другую веру не в силу горячей приверженности христианским ценностям, а ради спасения своей жизни. И поэтому он изо всех сил доказывал искренность своего обращения.

«Сказание...» обосновывает бегство Довмонта его желанием обратиться в христианство, что явно противоречит летописному свидетельству о торжестве христианства над язычеством в Литве в результате победы Войшелка²⁹. Так как ничто не мешало Довмонту принять крещение на Родине, следовательно, причина его бегства

объясняется только тем, что его партия проиграла в междоусобной войне.

Псковичи, согласно «Сказанию...», избирали Довмонта князем, еще и потому, что были поражены его христианскими добродетелями. И эту версию нельзя признать соответствующей историческим фактам. Поскольку передача княжеского престола Довмонту означала конфронтацию с великим князем, псковичи руководствовались соображениями не религиозными, а сугубо прагматическими. Довмонт стал орудием Пскова в реализации его стремления к автономии от Новгорода. Княжение Довмонта завершило длительную борьбу Пскова за фактическую независимость, обострившуюся в начале XII века. Именно поэтому псковичи и признали своим князем иноплеменика, впервые в истории Руси со времен призвания варягов. Под руководством Довмонта Псков стал выступать как самостоятельная сила.



Начало борьбы Пскова за независимость от Новгорода относится к 1228 г., когда псковичи отказались участвовать в походе Ярослава Всеволодовича на Ригу. Они не только не пустили дружину новгородского князя в свой город, но и заключили с Ливонией сепаратный мирный договор, предусматривавший оказание военной помощи в случае войны с Новгородом³⁰.

К этому времени набеги новгородцев и псковичей на эстов, которые они устраивали практически ежегодно, стали приводить к ответным набегам со стороны Ливонии, в состав которой земли эстов вошли к 1224 году. В силу своего географического положения от этих ответных ударов ливонцев страдал не Новгород, а Псков. Именно эту причину называют псковичи в ответе Ярославу Всеволодовичу, обосновывая свой отказ участвовать в походе на Ливонию³¹.

Союз с Ливонией рассматривался в Пскове как гарантия сохранения независимости от Новгорода. Именно поэтому псковичи участвовали в походе Ордена Меченосцев на Литву в 1237 г., а в 1240 г. принимали князя Ярослава Владимировича, который с помощью ливонцев возвратил свой престол. Но эти события вызвали раскол в

Пскове, обусловленный, в том числе, непримиримой позицией православной церкви (церковная власть в Пскове принадлежала новгородскому архиепископу). В 1242 г. новгородско-владимирская рать Александра и Андрея Ярославича, без боя восстанавливала контроль над городом со стороны Новгорода и великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича. Очевидно, это стало возможным в силу сепаратной договоренности с псковским князем Ярославом Владимировичем.

Последовавшее за этим нападением новгородцев и владимирцев на Дерптское епископство закончилось безрезультатно: часть русских была разбита, но и ливонцы, преследовавшие отступающих врагов, понесли поражение в Ледовом побоище. В результате Псков потерял политическую свободу и оказался под властью Ярослава Всеволодовича и его сыновей. К появлению в Пскове Довмонта там княжил внук Ярослава Всеволодовича — Святослав Ярославич (1259—1266 гг.)

Союз с Литвой, как и союз с Ливонией, рассматривался псковичами как противовес стремлению Новгорода и «низовой земли» подчинить Псков. Но если союз с католической Ливонией не был поддержан Церковью, то новообращенный в православие язычник на посту князя ее, видимо, вполне устраивал. Посадив на княжение Довмонта, псковичи надеялись не только обезопасить себя от Литвы, но и использовать ее как силу в случае возможного конфликта с Новгородом и стоявшим за ним великим князем владимирским. И эта задача была решена, о чем свидетельствует тот факт, что, несмотря на два или три успешных похода Довмонта на Литву (дважды в 1266 г. и в 1267 г.), ответных нападений со стороны литовцев на Псков за период его княжения не отмечено. В то же время Псков, если верить «Сказанию...», ведет себя при Довмонте как самостоятельная политическая сила по отношению и к Новгороду, примером чему служат описанные в «Сказание...» демарши, предпринятые дружиной Довмонта в Ладогe и Копорье (1282 г.).

Другим мотивом призвания Довмонта может быть стремление Пскова избежать судьбы Новгорода, который был принужден великим князем владимирским к выплате ордынской дани. Как часть Новгородской земли Псков должен был также вносить в нее свой вклад. Однако неизвестны ее размер, механизм сбора, а также выплачивалась ли она Псковом или нет. Возможно, что для Пскова приглашение князя «со стороны» — повод уклониться от выплаты ордынской дани.

Первым деянием Довмонта на княжеском посту стал успешный набег на Литву (1266 г.). НПЛ объясняет этот поход его стремлением «отмстить кровь христианскую»³². Согласно версии «Сказания...», Довмонт в этом предприятии проявил выдающиеся полководческие способности. Захватив полон и большую добычу, он, оставив при себе девяносто псковичей, нанес сокрушительное поражение бросившемуся за ним в погоню полоцкому князю Герденю и «прочим князьям», которых сопровождали семьсот воинов. Перед сражением Довмонт обратился к псковичам с патетической речью: «Братья мужи псковичи, кто стар, тот отец мне, кто молод, тот брат. Прославилось мужество Ваше во всех странах. Пред Вами жизнь и смерть. Братья мои, стоим за дом святой Троицы и за святые церкви, за свое отечество»³³. Потеряв в бою только одного человека, Довмонт наголову

разгромил врага. Описание победы псковичей выглядит так, как будто это они во много раз превосходили противника по численности, а не наоборот. Псковичи убили и многих князей, включая некоего «великого литовского князя Готорта»³⁴, и потопили литовцев в Двине, и загнали их на острова, и обратили в бегство³⁵. Этот удачный поход поднял авторитет Довмонта в Пскове на недостигаемую высоту и послужил доказательством того, что псковичи не ошиблись с выбором князя.

НПЛ, описывая данные события, не указывает ни численности войск противников, ни гибели в бою псковского воина, ни других подробностей описанных в «Сказании...». Новгородская летопись не сообщает и о том, что большую часть дружины Довмонт отправил с полоном, а с меньшей вышел навстречу врагу³⁶. В общем, никакие выдающиеся полководческие и личные качества Довмонта, перевозносимые в «Сказании...», новгородский летописец не отмечает. С его точки зрения, причиной победы стало счастливое стечение обстоятельств: «пособил бог князю Довмонту с псковичами». В погодной записи П2Л ни о каком походе на Литву в 1266 г. вообще не упоминается, из чего можно сделать вывод, что рассказ «Сказания...» о первом деянии Довмонта в качестве псковского князя сильно приукрашен.

Начиная с редакции в П2Л, «Сказание...» сообщает о том, что Довмонт женился на дочери великого князя владимирского Дмитрия Александровича княгине Марии³⁷. А. Энгельман называет это известие анахронизмом и утверждает, что такого брака быть не могло. Дело в том, что в то время Дмитрий Александрович еще не был великим князем, а его дочь была маленьким ребенком³⁸.

В этой же редакции «Сказания...» появляется упоминание о том, что в ходе этого похода Довмонту удалось захватить жену князя Ердена Евпраксию, которая приходилась ему теткой³⁹. Таким образом, переписчик находит объяснение причины бегства Довмонта в Псков и последующего его крещения и избрания князем: мать Довмонта была русской и, следовательно, он мог знать язык и быть воспитан в христианской традиции.

Но, остается непонятным, почему Довмонт, поубивав в ходе похода с псковичами на Литву многих литовских князей и тем самым расчистив себе путь к великокняжескому престолу, не воспользовался результатами своей победы, а предпочел остаться в Пскове. Ведь его положение там вряд ли можно было назвать прочным: великий князь владимирский Ярослав Ярославович был против того, чтобы он занимал пост псковского князя.

По сообщению НПЛ, Довмонт с псковичами зимой того же года совершил еще один поход против литовцев⁴⁰. «Сказание...» об этом событии не упоминает. В том же 1266 г. великий князь Ярослав Ярославович собрал суздальскую рать и выступил в Новгород, по словам летописца, с целью идти «на Псков на Довмонта». Феннел так комментирует это демарш: «Великий князь был решительно настроен вышибить чужака, который уже не только недвусмысленно продемонстрировал свою военную мощь, но также бесцеремонно сместил Святослава с княжеского престола в Пскове». Но новгородцы выступили категорически против этого, потребовав, чтобы князь сначала согласовал свои действия с ними: «Прежде княже договорись с нами,

а потом уже поезжай во Псков»⁴¹. Не желая ссориться с новгородцами, Ярослав был вынужден отослать свои полки назад.

Карамзин излагает эти события так: «Между тем Ярослав, досадуя на Псковитян за самовольное избрание Князя чужеземного, желал изгнать Довмонта и привел для того в Новгород полки Суздальские; но должен был отпустить их назад. Новгородцы не хотели слышать о сей войне междоусобной и сказали ему: «Другу ли Святой Софии быть неприятелем Пскова»?⁴²

Псковский князь не был самостоятельной фигурой, а рассматривался Новгородом как его наместник именно по той причине, что без военной поддержки новгородцев не мог обеспечить безопасность Пскова. Собственно описанный в «Сказании...» поход Довмонта против литовцев ярко демонстрирует это обстоятельство, так как все его силы составляли 270 воинов («три дявиноста»)⁴³. Именно поэтому новгородцы не видели смысла конфликтовать с Псковом из-за того, что они посадили на княжение Довмонта. Поэтому они и отказались идти на Псков с великим князем Ярославом, которым двигала, видимо, личная обида за то, что псковичи самостоятельно определились с выбором князя.

Более того, Новгороду было выгодно иметь в Пскове формально независимого от него князя, как прецедент, обосновывающий стремление самих новгородцев освободиться от власти потомков Ярослава Всеволодовича и стоящей за ними Орды.

В следующем 1267 г. состоялся еще один поход на Литву, но уже с участием новгородцев. НПЛ приписывает его инициативу новгородцам⁴⁴. По мнению Феннела, эти действия новгородцев должны были «поразить Ярослава своей дерзостью» и «выглядели уже прямым шагом к расколу», потому что поход на Литву был предпринят без разрешения Ярослава, и возглавлял его не княжеский наместник Юрий, а один из новгородских бояр⁴⁵.

Новгородцы в том же году закрепили свой успех в борьбе с княжеской властью, вынудив Ярослава подписать с ними второй договор (первый был подписан при его избрании на княжение в 1265 г.), еще больше ограничивавший княжескую власть.

На походе 1267 г. с новгородцами в Литву начавшаяся так деятельно активность Довмонта против своих соплеменников завершилась. Возможно, причина этого состоит в том, что после Раковорской битвы Довмонт покинул Псков, так как его интересы, направленные в сторону Литвы, разошлись с интересами Новгорода и Пскова, отдающих предпочтение не военным походам, а развитию торговых отношений в рамках Ганзейского союза.

Следующее летописное упоминание Довмонта связано с походом русских князей в Эстонию в 1268 году. Ему предшествовал случившийся в Новгороде страшный пожар (1267 г.), в результате которого сгорели даже купеческие суда на Волхове: «Богатые граждане в несколько часов обедняли, а бедные разбогатели, в общем смятении захватив чужие драгоценные вещи»⁴⁶.

Поправить пошатнувшиеся дела и возместить убытки погорельцы решили обычным способом: грабежом соседей. В 1268 г. новгородцы с князем Юрием собрались идти на Литву, но перессорились и направились туда, где можно было получить большую добычу, — в

датские владения в северной Эстонии на Раковор. Своими силами город взять не удалось, и новгородцы стали готовиться к повторному походу, на этот раз пригласив союзников. Псковичи присоединились к походу, поскольку были уверены, что он не приведет к войне с Ливонией. Ливонцы враждовали с датчанами из-за Эстонии, и прибывшие в Новгород «немецкие» послы заверили, что помогать датчанам не будут⁴⁷. Полагаясь на нейтралитет Ливонии, новгородцы и их союзники надеялись легко достичь своей цели в Эстонии⁴⁸. Но получилось наоборот. Ливонцы, забыв о своей вражде с датчанами, решили прийти им на помощь в отражении атаки со стороны общего врага. В результате Псков оказался втянут в конфликт с Ливонией, так как после отступления русских войск из Эстонии подвергся ответному нападению с ее стороны.

Участие Довмонта в реальных и вымышленных столкновениях с «немцами» стало основным лейтмотивом прославления его в «Сказании...» и основанием для канонизации в качестве местно почитаемого святого. Таким образом, Церковь, создавая образ Довмонта как ревностного и бескомпромиссного защитника православия от католиков и язычников, его деятельность, де-факто направленную на укрепление суверенитета Пскова, обернула в ее противоположность — борьбу с псковским сепаратизмом.

После Раковорской битвы Довмонт, согласно «Сказанию...», в отличие от остальных русских князей, не вернулся домой, а опустошил окрестные земли. Дидактическая задача этого не отмеченного другими источниками сюжета — показать выдающееся мужество Довмонта и его упорство в достижении цели по сравнению с другими русскими князьями, которые, понеся тяжелые потери в сражении, поспешили уйти восвояси.

НПЛ об этом рейде Довмонта не сообщает, как, впрочем, и не выделяет роли псковского князя в самой Раковорской битве, ограничившись упоминанием его имени в ряду князей, принявших участие в этом походе.

В том же году ливонцы совершили ответное нападение на псковские земли и сожгли несколько пограничных сел. В стычке на р. Пыжме (Мироповне) они были разбиты дружиной Довмонта (март 1268 г). Согласно рассказу «Сказания...», силами 60 псковичей он победил 800 немцев, а команды двух судов, попытавшихся найти спасение на некоем острове, уничтожил, поджегши траву⁴⁹. Новгородский летописец и этот подвиг Довмонта оставил без внимания.

В апреле 1269 г. ливонский ландмейстер Отто фон Лютенберг, «желая окончить дело одним ударом», созвал сейм, на котором решено было напасть на Псков общими силами. Это решение поддержали и датчане⁵⁰.

В мае 1269 г. 27-тысячное войско ливонцев, включая 180 братьев-рыцарей, переправилось через Чудское озеро, сожгло Изборск и осадило Псков⁵¹. На десятый день пришла подмога из Новгорода во главе с князем Юрием Андреевичем. Начались переговоры, результатом которых стало заключение «хорошего мира, обрадовавшего русских»⁵². Согласно ливонской хронике радость русских была вызвана тем, что ливонцы, несмотря на преимущество в силе и почти одержанную победу, согласились отступить.

Лендмейстер Отто в своей грамоте в Любек утверждал, что ему удалось разрушить «до основания» Псков, «бывший утешением и убежищем лицемеров, якобы исповедовавших христианство», возмужая, намекая на Довмонта и его людей. Но когда дело дошло до штурма «замка», новгородцы своими просьбами склонили его к миру.

Судя по ливонским сообщениям, ландмейстер Отто так и не узнал о том, что был разбит вышедшей ему навстречу из Пскова малой дружиной во главе с Довмонтом, с которым, согласно «Сказанию..», он не только сошелся в поединке, но и был ранен в лицо ⁵³.

Окончательное отступление ливонцев «Сказание..» связывает не с заключением мирного договора ливонцев с новгородцами, а с военной победой Довмонта. Собственно «Сказание...» не сообщает об участии новгородцев в этой кампании. По его версии, понесены большие потери от псковичей, погрузив погибших на корабли, враги пустились бежать.

Следующее сообщение «Сказания...» повествует о нападении ливонцев («поганых немцев») на Псков в год смерти Довмонта, в котором повторяются эпизод поединка с ранением в голову вражеского предводителя и разгром неприятеля силами одной только малой дружины. Такое повторение, а также то, что в «Сказании...» не указаны даты, привело к тому, что дальнейшие переписчики указанные два сражения превратили в три. Карамзин объясняет это тем, что псковский летописец, пересказывая историю «Сказания...» о нападении ливонцев в 1269 г. в погодных записях, «ставит время наугад». «Другие летописи (а за ними и наши Историки), следуя вместе и Псковскому, и Новгородскому, сделали из одной осады две, сказывая что Магистр и в 1269 и 1272 году приходил к Пскову — то есть впали в ошибку еще грубейшую: ибо Псковский Летописец не говорит, по крайней мере, о двух осадах» ⁵⁴.

В отличие от «Сказания...», новгородский летописец, описывая эти события, не упоминает ни имени Довмонта, ни то, что псковичам удалось нанести противнику поражение своими силами. По его версии, победа была достигнута только благодаря помощи новгородцев, войско которых через десять дней осады пришло к Пскову, и «увидев новгородские полки, немцы побежали за реку» ⁵⁵. После чего с ними был заключен мир «по всей воле новгородской». Почему такая разница между псковской и новгородской версиями описания событий 1269 года? Для псковичей Довмонт выступает как символ того, что они способны успешно оборонять свои пределы самостоятельно. Наоборот, цель новгородской трактовки — показать, что без помощи «старшего брата» Псков был бы захвачен врагом.

Карамзин реконструировал эти события, объединив сообщения «Сказания...», НПЛ и ЛРХ в один рассказ: «Злобствуя на Россиян, Магистр Ордена собрал новые силы; пришел на судах и с конницею в область Псковскую: сжег Изборск, осадил Псков и думал сравнять его с землею, имея множество стенобитных орудий и 18 000 воинов (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей Князь был страшен не только для Литвы, но и для соседственных Немцев, и незадолго до того времени истребил их отряд на границе. Мужественный Довмонт, осмотрев силу неприятелей и готовясь к битве, привел всю дружину в храм Святой Троицы, по-

ложил меч свой пред алтарем и молился, да будут удары его для врагов смертоносны. Благословенный игуменом Исидором (который собственной рукою препоясал ему меч), Князь новыми подвигами геройства заслужил удивление и любовь Псковитян; десять дней бился с Немцами; ранил Магистра. Между тем Новгородцы с Князем Юрием Андреевичем приспели и заставили Рыцарей отступить за реку Великую; вошли в переговоры с ними и согласились дать им мир. Те и другие остались при своем, потеряв множество людей без всякой пользы»⁵⁶.

Каковы же исторические последствия Раковорской битвы? Поход на Эстонию оказался неудачным экспромтом. По мнению Феннела, изначально новгородцы планировали продолжить экспансию на Литву и с помощью Довмонта остановить начавшееся при Миндовге ее стремительное расширение за счет бывших владений Киевской Руси. «Если бы Довмонт получал помощь и поддержку в осуществлении своих литовских авантур, то границы Восточной Европы в XIV и XV веках могли бы иметь совершенно другие очертания»⁵⁷. Но поход в Эстонию привел к обострению отношений с Ливонией, и от планов покорения Литвы пришлось отказаться.

Однако вряд ли Новгород вынашивал такие геополитические планы, как покорение Литвы. Тем более, ничего не мешало после заключения мира с ливонцами продолжить уже в союзе с ними борьбу с общим врагом — Литвой. Вероятнее всего, Довмонт не стал историческим деятелем, повлиявшим на судьбы Восточной Европы, как раз потому, что Новгород и Псков не желали вести наступательную войну против Литвы. В этой связи возникает вопрос о его дальнейшей судьбе. Согласно «Сказанию...», он продолжал благополучно княжить в Пскове до самой своей смерти весной 1299 года.

События двух лет, прошедших со времени бегства Довмонта в Псков до событий после Раковорской битвы (1266—1269 г.) составляют основное содержание «Сказания...». Оставшиеся тридцать лет княжения Довмонта умещаются в два, не подтверждаемых другими источниками, и, очевидно вымышленных сюжета: помощи своему литературному зятю Дмитрию в распри с Новгородом в 1284 г. и обороны Пскова от вымышленного нашествия в 1299 году.

При этом «Сказание...» умалчивает о событиях 1270 г., в которых Довмонт должен был бы принимать активное участие. В тот год разразился конфликт Новгорода с князем Ярославом Ярославичем. Великий князь даже обратился за помощью в Орду, обвинив новгородцев в тяжком преступлении — отказе от выплаты ордынской дани. Псковичи в этом конфликте стали на сторону Новгорода и оказали ему военную помощь. Очевидно, что возглавлять Псковскую дружину должен был князь, но новгородский летописец об этом не сообщает. До сражения дружин великого князя с новгородцами и псковичами дело не дошло. Под личные гарантии патриарха Кирилла (который даже пообещал в случае нарушения Ярославом клятвы, наложить на себя епитимью) того, что Ярослав не причинит никакого зла новгородцам, был заключен мирный договор «по всей воле новгородской»⁵⁸.

Но несмотря на невыгодные для Ярослава условия договора, он поступает как победитель, диктующий проигравшей стороне свою волю и «дает псковичам князя» некого Айгуста⁵⁹. Об Айгусте новгородский летописец больше не упоминает. Псковским летописцам князь

с таким именем не известен. Возможно, потому что Айгуст так и не стал псковским князем, так как не был принят в Пскове, что не удивительно, учитывая уступки, которые были сделаны Ярославом новгородцам. Но возможно и другое: назначение князя, тоже очевидно литовского происхождения, связано с тем, что Довмонт покинул Псков и ушел в Литву, в свою вотчину Полоцк, которую он, согласно Татищеву, взял еще во время своего первого набега с псковичами на Литву в 1266 году.

Возможно, в дальнейшем Довмонт не вернулся в Псков, а оставался в Литве и был убит в ходе начавшейся в 1278 г. очередной междоусобицы. По сообщению Густынской летописи, после смерти великого князя Нариманта на трон был посажен его младший брат Тройден (по другим источникам он стал великим князем в 1270 г.). Довмонт, завидуя ему, направил «злых людей», которые убили Тройдена, и сам занял великокняжеский престол ⁶⁰.

Хроника Мачея Стрыйковского подробно описывает эти события, относя их к 1282 году. «Довмонт Ромунтович, князь Псковский и Полоцкий, имея кровную обиду на младшего брата Тройдена, что обошел его в первородном праве в престолонаследии Великого княжества Литовского, всеми способами старался сжить его со свету. Но поскольку не мог этого добиться явной войной, подослал к нему шестерых холопов, которые, выбрав время, когда великий князь Тройден мылся в бане, стерегли, пока выйдет. И когда вместе с прислугой он выходил из бани, холопы встали по трое в ряд с обеих сторон дорожки, якобы собираясь подать жалобу о своих обидах, и с поклоном низко били челом. И когда он вошел между ними, спрашивая о причинах их жалобы, тут же все шестеро приложили его дубинами и убили на месте, а сами убежали» ⁶¹. Согласно этой Хронике, в то время Довмонт княжил и в Пскове, и в Полоцке ⁶².

В том же году, «видя, что нет ему соперника, который мог бы воспрепятствовать в овладении отцовским Великим княжеством Литовским, [Довмонт] собрал большое войско из Псковской, Полоцкой и Витебской Руси и с огромными силами двинулся на Литву, намереваясь мечом и натиском овладеть отчими Литовской и Жмудской землями, если добровольно не подчинятся» ⁶³.

Узнав об этом, племянник Довмонта монах Ромунт, собрав войско, двинулся против своего дяди, «намереваясь отомстить ему за предательское убийство своего отца Тройдена, и свою отчизну Великое княжество Литовское избавить от неожиданной тревоги». Противники встретились на поле боя, в ходе которого «все войско псковское и полоцкое [Ромунт] разгромил наголову и убил своего дядю князя Довмонта, кровью которого, как и хотел, отомстил за смерть своего отца» ⁶⁴. Густынская летопись сообщает ту же версию этих событий ⁶⁵.

В целом данная история повторяет описание событий после смерти Миндовга, так как Ремонт как и Войшелк был монахом и после свершения мести опять вернулся в монастырь.

В Лаврентьевской летописи под 1285 г. содержится известие о гибели литовского князя Довмонта во время литовского набега на тверское княжество ⁶⁶.

Таким образом, если принять во внимание сообщения источников об убийстве Довмонта, а также тот факт, что место его погребения

ния неизвестно, то сложившуюся в отечественной историографии версию о времени, месте и причине его смерти следует считать несостоятельной. Соответственно, и легендарное тридцатитрехлетнее княжение Довмонта сокращается до реалистичных четырех лет (1266—1270 гг.).

Возникает вопрос о том, зачем понадобилась эта легенда? В Пскове, даже более, чем в Новгороде, князь был простым кормленщиком, получавшим содержание от города за обязательства защищать его силами своей дружины. Также можно предположить, что одного князя в Новгороде избыточно хватало для решения всех возложенных на него задач в новгородской земле, частью которой являлся и Псков. Поэтому не было ни экономического, ни политического смысла содержать в новгородской земле еще одного князя и его дружину. Подтверждением этой гипотезы служит то, что в источниках нет известий о том, кто был псковским князем в следующие периоды: 1148—1178; 1222—1232; 1299—1307; 1307—1327; 1369—1375 годах. Возможно, это означает, что в эти годы псковичи довольствовались тем, что на них распространялась власть новгородского князя.

Что же касается «Сказания...», то его следующим сюжетом после обороны Пскова в 1269 г. является сюжет о событиях 1299 г, которому предшествует краткое сообщение о том, что «через некоторое время» после первого нападения на Псков «начала Латина насилие псковичам делать». «Боголюбивый же князь Тимофей не стерпел обид от поганой Латины и с мужами своими псковичами пленил их землю и села чудские пожег и привел большой полон в землю свою»⁶⁷. Таким образом, целых тридцать лет княжения Довмонта в «Сказании...» никак не отражаются, что говорит в пользу версии о том, что Довмонт покинул Псков скорее всего после событий 1269 года.

В НПЛ младшего извода появляется упоминание имени Довмонта в связи с распрей новгородцев с «зятем» псковского князя — великого князя Дмитрия Александровича (1282 г.). Путаный рассказ летописца не позволяет понять, что же именно произошло, и как в эти события оказался втянут псковский князь.

Карамзин излагает их так: «...новгородцы взяли дочерей и бояр Димитриевых в залог, дав слово освободить их, когда дружина Княжеская добровольно выступит из Копорья, где находился тогда и славный Довмонт Псковский, зять Великого Князя. Доброхотствуя тестю, он с горстиею воинов вломился в Ладогу, взял там казну его, даже много чужого, и возвратился в Копорье; но пользы не было: ибо Новгородцы немедленно осадили сию крепость и, принудив Довмонта выйти оттуда со всеми людьми Княжескими, срыли оную до основания»⁶⁸.

У Татищева несколько иная версия: «В тот же год пришел князь Дмитрий Александрович из заморья к Переславлю, имея воинов много нанятых. А в Копорье еще были бояре его и слуги и вся казна его, и весь быт его. Тогда ушел из Пскова зять его князь Довмонт псковский и взял из Копорья всю казну тестя своего, бояр его и слуг его вывел из Копорья и отослал их к тестю своему великому князю Дмитрию Александровичу. И придя, взял Ладогу, в которой были многие люди великого князя Дмитрия Александровича. Он же, выведя их, также отослал к тестю своему великому князю Дмитрию Александровичу»⁶⁹.

Вернемся к вышеупомянутой истории о якобы внезапном нападении немцев на Псков в 1299 г.: «Ливонские Рыцари неожиданно осадили Псков и, разграбив монастыри в его предместьи, убивали безоружных Монахов, женщин, младенцев. Князь Довмонт, уже старец летами, но еще воин пылкий, немедленно вывел свою дружину малочисленную, сразился с Немцами на берегу Великой, смял их в реку и, взяв в добычу множество оружия, брошенного ими в бегстве, отправил пленников, граждан Эстонского Феллина, к Великому Князю»⁷⁰.

Изложенная в «Сказании...» версия данных событий вызывает вопросы. Нападения ливонцев на Псков обычно совершались в ответ на нападения со стороны Руси. В данном случае мы имеем не только нападение, цель и причины которого неизвестны, но и немотивированную жестокость, которая была бы объяснима, если бы причиной ее была месть за аналогичные действия псковичей.

Надо отметить, что после Раковорской битвы Ливония нашла действенный инструмент принуждения своего воинственного соседа к миру: торговую блокаду. К концу XIII в. Новгород и Псков стали активными участниками торговли в рамках Ганзейского союза, в результате чего походы в Ливонию с целью получения военной добычи стали экономически невыгодными, так как вели к торговым потерям. Очевидно, этот инструмент умиротворения новгородцев впервые применил лендмейстер Отто, упомянутое письмо которого в Любек (1269 г.) было посвящено именно вопросам торговой блокады, которую по его просьбе Ганза установила в связи с нападением объединенного русского войска на датские владения в Эстонии.

Исходя из имеющихся фактов, можно констатировать, что «Сказание о Довмонте...» — один из первых опытов создания образа национальной идентичности на основе литературного вымысла, который потом был с успехом развит в «Житии Александра Невского». Только из «Сказания...» следует, что Довмонт был великим полководцем, героическим воином и ревнителем православия, сыгравшим выдающуюся роль в истории Пскова и Руси в целом. Из описанных в «Сказании...» деяний Довмонта другими источниками подтверждаются только его два или три похода на Литву и то, что он возглавлял псковскую дружину в Раковорской битве. Все другие подвиги, приписываемые Довмонту, следует рассматривать как фантазию автора «Сказания...».

Несмотря на то, что описанные в «Сказании...» деяния и подвиги Довмонта не подтверждаются или прямо противоречат сведениям других источников, это не стало для отечественной историографии основанием для критической оценки его агиографической биографии. Наоборот, именно противоречащий историческим фактам и полный вымыслов рассказ «Сказания...» служит основой для написания его исторического портрета. Типичная для отечественной исторической науки оценка деятельности Довмонта такова: «Его тридцатипятилетнее⁷¹ княжение было героическим периодом псковской истории, временем удалых подвигов и блестящих побед. Народ любил его. Он был храбр и имел дар воодушевлять подвластную толпу кстади и впору, и словом и примером. Довмонт остановил победительный наплыв немецкого племени; удержал Псков от набегов на него своих прежних соплеменников — литовцев, и остался в памяти народа святым мужем, чудотворцем и покровителем Пскова. Трудно представить себе

личность, которая бы так удовлетворяла нравственному взгляду своего времени, как этот литовский пришелец. Самое его таинственное происхождение, приход из чуждой земли, его доверчивая преданность новому отечеству — все придавало этому лицу особое достоинство в глазах современников и потомков»⁷².

Местное посмертное почитание Довмонта возникло стараниями Церкви. Из князя, который мог бы стать символом независимости Пскова от Новгорода и Владимирской Руси, она создала образ прозелита, который принял православие и истово боролся с католической Ливонией и со своими литовскими сородичами во имя новообретенной духовной отчизны.

Дальнейшее формирование централизованного государства превратило Довмонта в периферийную фигуру отечественной исторической памяти. Известный и чтимый в Пскове, его образ не получил распространения в массовом сознании, в котором не хватило места сразу для двух символов национальной идентичности из XIII века. В нем остался только один герой — Александр Невский⁷³.

Местная историческая память сохранила имя Довмонта в городской топонимике. Примыкающую к псковскому Крому часть города называют «Довмонтовой», хотя ни в «Сказании...», ни в русских летописях ничего не говорится о градостроительной деятельности Довмонта. Название «Домантова стена» в псковской летописи впервые встречается в 1395 году⁷⁴.

О том, что «Довмонт восстановил и старательно укрепил пришедшие в упадок стены замка и города Пскова» сообщает хроника Мачея Стрыйковского⁷⁵. Но и эта запись скорее отражает только то, что к моменту написания данной хроники в Пскове уже вошло в обиход называть район города «Довмонтовым».

В Пскове хранится меч, который называют Довмонтовым. В древности он вручался во время церемонии интронизации очередному князю или наместнику⁷⁶. Скульптурное изображение Довмонта присутствует на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде рядом с фигурой Александра Невского.

На декоративном надгробии, установленном в честь Довмонта в Троицком соборе псковского Крома, начертана художественная эпитафия неизвестного автора: «Святой благоверный князь Тимофей прежде крещения именовался Домант, родился в земле Литовского от литовского князя Миндовга и в лето 1266, оставив землю Литовскую, переселился во град Псков со всем своим родом и в нем святое крещение принял; мужества же ради и добронравия княжением Псковским был почтен. Во время же своего княжения во граде Пскове многие преславные одержал победы над Литвою и Немцами, многие грады их разорил и Чудь и Поморие пленил. За дарованные же от Бога победы в знак благодарения и для памяти будущим поколениям многим святым поставил церкви и, пожив свято и богоугодно, в посте и молитвах, преставился в небесную славу в лето 1299 месяца мая в 20 день и положено честное тело его в соборной церкви Пресвятой Троицы»⁷⁷.

Но, как нам известно, в действительности останков Довмонта в Троицком соборе не обнаружено. Но какая история может обойтись без «примеса лжи»?

1. КАРАМЗИН Н.М. История государства российского. Т. 1. СПб. 1818, с. 18.
2. ТАТИЩЕВ Н.И. Собрание сочинений. Т. 5—6. М. 1996, с. 68.
3. Сказание о благоверном князе Довмонте и храбрости его. М. 1990.
4. ЭНГЕЛЬМАН А. Хронологические изыскания в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб. 1858, с. 40.
5. Там же, с. 46.
6. Псковские летописи. П2Л. М. 1955, л. 170.
7. Там же, л. 165—166.
8. «Того же лета преставися Довмонт, князь Псковский, много пострадав за святую Софью и за святую Троицу». НПЛ, л. 152. Текст НПЛ старшего извода за 1272—1299 утерян. Поэтому неизвестно, были ли в нем сообщения о Довмонте. Сообщения НПЛ младшего извода уже могли быть приведены в соответствии с текстом «Сказания...». В ней содержится упоминание о нападении «немцев» на Псков, сожжении ими посада, убиении монахов и последующей победе Довмонта, которую летопись относит не к марту 1299, а к зиме 1298 года.
9. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. 4, с. 160.
10. Версии о гибели Довмонта в Литве изложены в Лаврентьевской летописи, Густынской летописи, Хронике Быховца.
11. ОКУЛИЧ-КАЗАРИН Н.О. Спутник по древнему Пскову. Псков. 1913, с. 92.
12. «Посадили псковичи у себе князя Довмонта Литовского». НПЛ, л. 142.
13. П2Л, л. 169об.
14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1950, л. 142.
15. «Остается под сомнением, о каких литвинах идет здесь речь, — о тех ли, которые прибежали во Псков, и Ярослав действовал здесь на праве первенства Новгорода над Псковом, или же кроме тех, которые пришли во Псков, приходили еще другие в Новгород, и речь идет о последних». КОСТОМАРОВ Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). Исторические монографии и исследования. М. 1994, с. 100.
16. П2Л, л. 162.
17. КАРАМЗИН Н.М. История государства российского. Т. 4. СПб. 1819, с. 97.
18. НПЛ, л. 140—140об.
19. ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. История Российская. Т. V. М. 1996, с. 45.
20. ФЕННЕЛ ДЖ. Кризис средневековой Руси 1200—1304. М. 1989, с. 176.
21. Хроника Быховца. М. 1966, с. 45. СТРЫЙКОВСКИЙ МАЧЕЙ. Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси. Т. I. Кн. 8. URL: vostlit.info/Texts/rus7/Strykovski_2/text8.phtml?id=12368.
22. Густынская летопись. ПСРЛ. Т. 40. СПб. 2003, с. 123.
23. СТРЫЙКОВСКИЙ МАЧЕЙ. Ук. соч.
24. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Кн. II. М. 1988, с. 178.
25. СТРЫЙКОВСКИЙ МАЧЕЙ. Ук. соч.
26. Хроника Быховца, с. 46—47.
27. НПЛ, л. 141об.
28. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 97.
29. «...вдохнул в него благодать святого духа и избавил как ото сна от дьявольского служения». П2Л, л. 163.
30. НПЛ, л. 104об.—105об.
31. «Князь Ярослав! Клянемся тебе и друзьям Новгородцам; а братьев своих не выдадим, и в поход нейдём, ибо Немцы нам союзники. Вы осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венден), и Медвежью Голову, но брали везде не города, а деньги; раздражив неприятелей, сами ушли домой, а мы за вас терпели: наши сограждане положили свои головы на берегах Чудского озера; другие были отведены в плен». КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. 3, с. 248—249.
32. НПЛ, л. 142.

33. П2Л, л. 163об.
34. О ком идет речь не понятно. Данное имя ни в одном другом источнике не упоминается. Великим князем литовским в то время был сын Миндовга Войшелк.
35. П2Л, л. 164.
36. «Князь же Гердень собрав силу Литовскую погнался за ними. Как увидели псковичи погоню, отослали полон, а сами стали крепко против нее по эту сторону Двину. Литва же начала переходить в брод на эту сторону; тогда псковичи сразились с ними; и пособил бог князю Довмонту с псковичами, и множество много их побили, а иных в реке утопили, только убежал один князь Гердень в малой дружине; псковичи же пришли все здоровы». НПЛ, л. 142—142об.
37. «И потом благоверный Довмонт испросил для себя дочь великого князя Дмитрия Александровича княгиню Марию». П2Л, л. 164. П1Л тоже называет Довмонта зятем Дмитрия Александровича, но не сообщает, когда состоялась свадьба и имени невесты. ПСРЛ. Т. 4. СПб. 1848, с. 181.
38. ЭНГЕЛЬМАН А. Ук. соч., с. 49, прим. 120.
39. П2Л, л. 163.
40. «В тот же год, на зиму, ходили снова псковичи на Литву с князем Довмонтом». НПЛ, л. 142об.
41. Там же.
42. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 98.
43. П2Л, л. 163.
44. «Того же лета ходили новгородцы с Елевферием Сбыславичем и с Довмонтом с псковичами на Литву, и много их повоевали, и вернулись все здоровы». НПЛ, л. 143.
45. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 177.
46. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. 4, с. 98
47. НПЛ, л. 143об.
48. «Считая Немцев друзьями, Россияне надеялись легко управиться с Датчанами». КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. 4, с. 99
49. П2Л, л. 164—164об.
50. Ливонская рифмованная хроника. Atskanu hronika. Riga: 1997, стихи 07677—07681.
51. ЛРХ, стихи 07689—07710.
52. Там же, стихи 7759—7760.
53. П2Л, л. 164об.—165.
54. КАРАМЗИН Н.М. Там же. Примечания к т. 4, прим. 128, с. 72.
55. НПЛ, л. 147.
56. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 104.
57. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 185.
58. НПЛ, л. 150.
59. Там же, л. 150—150об.
60. Густынская летопись. ПСРЛ. Т. 40. СПб. 2003, с. 125.
61. СТРЫЙКОВСКИЙ МАЧЕЙ. Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси. Т. I. Кн. 9. Гл. 4. URL:vostlit.info/Texts/rus7/Strykovski_2/text9.htm.
62. «Двинувшись из Пскова на Полоцк, [Довмонт] осадил его и взял замок и город Полоцк из-за доброжелательности руссаков, русского рыцарства и народа Полоцкого княжества, которые добровольно сдали ему эту твердыню и все [остальное]». Там же.
63. Там же.
64. Там же.
65. Там же, с. 125.
66. Лаврентьевская летопись. URL:expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php, л. 170об.
67. П2Л, л. 165.
68. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. 4, с. 132.
69. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., т. 5—6, с. 57.
70. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 170.
71. Согласно «Сказанию...» Довмонт княжил в Пскове с 1266 по 1299 г., то есть трид-

цать три года, а не тридцать пять лет, как пишет Костомаров.

72. КОСТОМАРОВ Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М. 1994, с. 100.
73. Если сравнить агиографические повести Довмонта и Александра, то Довмонт совершил подвигов больше, чем приписывают Александру. Одних поединков с вражеским предводителем у него три, против одного у Александра. И выигранных сражений у Довмонта больше. Причем все они одержаны силами «малой дружины». Александру такой подвиг приписан только в одной Невской битве. Но, зато у Александра было одно преимущество, делающее его образ более предпочтительным для общенационального почитания в качестве символа национальной идентичности — он был прямой предок той линии Рюриковичей, которая стала правящей династией.
74. «Построена каменная церковь святое Воскресение за Домантовою стеною». ПЗЛ, л. 179.
75. «И с того его правления есть и будет, пока Псков стоит, вечная память о стенах, поставленных упомянутым князем Довмонтом, которые Москва и ныне зовет *Довмонтова стена...*». СТРИКОВСКИЙ МАЧЕЙ. Ук. соч., т. I, кн. 9, гл. 2. URL:vostlit.info/Texts/rus7/Stryikovski_2/text9.htm.
76. НИКИТСКИЙ А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб. 1873, с. 116.
77. ВАСИЛЬЕВ И.И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб. 1898, с. 240.

Революция 1917 г. и енисейское крестьянство

А.П. Шекшеев

Проблема поведения крестьян в условиях начавшейся революционной трансформации деревни длительное время находилась в центре внимания современников и историков. Однако, несмотря на обилие исследований, в том числе и концептуального характера, а также появление современных публикаций о формировании общественных настроений, эта часть крестьянской жизни характеризовалась учеными неоднозначно и считалась наименее изученной страницей истории революции. Незначительным можно назвать и интерес к этой теме среди сибирских историков.

Между тем, исследование, сделанное на материалах одного из сибирских регионов, не только углубляет и конкретизирует общие представления о движущих силах и массовых последствиях революции. В силу отсутствия в Сибири помещичьего хозяйствования, аграрного перенаселения и, напротив, наличия свободных территорий и категорий населения с разной земельной обеспеченностью оно позволяет осветить особенности реагирования более чем миллионного местного крестьянства на политические события и точнее определить характер этого явления в целом.

Известие о революции и смене политического строя население енисейской деревни, за исключением части казаков, сомневавшихся в возможности «жизни без царя», встретило в основном спокойно и даже с радостным воодушевлением. Лишь в некоторых местностях крестьяне-переселенцы восприняли эту весть настороженно и больше интересовались налоговой, церковной и винной политикой новой власти, в других же — случалось, сводили счета с прежней администрацией¹.

С приездом представителей революционной общественности и по инициативе политических ссыльных и местной интеллигенции во многих селениях губернии состоялись митинги и сходы с широким

Шекшеев Александр Петрович — кандидат исторических наук. Абакан.

участием жителей, которые высказались в поддержку революции, Временного правительства и за созыв Учредительного собрания. Крестьяне упразднили прежние органы управления, избрали волостные и сельские комитеты общественной безопасности (КОБы) и народную милицию. Как правило, такие мероприятия включали молебны и панихиды по погибшим «героям революции» и заканчивались сбором пожертвований для нужд армии, а также отправкой приветственных телеграмм в адрес Временного правительства, Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Одновременно в уездных городах, ряде сел и деревень оформились группы партии социалистов-революционеров (ПСР), а в некоторых селениях — крестьянские советы.

Организуемые КОБаами народные собрания, открытые заседания привлекали массу крестьян, обсуждавших политические и текущие вопросы. Комитеты принимали меры по учету продуктов и налаживанию торговли, искоренению самогонарения и хулиганства. В результате такие селения как Бейское и Шушенское Минусинского уезда «переродились»: здесь, согласно наблюдениям современников, сократились случаи пьянства и дебоша, в праздничные дни жители после обедни посещали школу и собрания. Крестьяне и даже солдатки охотно отзывались на инициативы по подписке на заем свободы ².

Объявив о введении законом Временного правительства от 25 марта 1917 г. государственной монополии на торговлю хлебом и твердых цен на него вновь созданный губернский продовольственный комитет начал свою деятельность с акций, оставлявших крестьянам надежду на установление справедливых отношений. Он отпустил товариществу кооперативов для продажи к Пасхе сельскому населению муку-крупчатку и сахар, осуществил закупку хлеба в Минусинском уезде по приемлемым для крестьян ценам и запретил вывоз из региона мануфактуры, одежды, обуви и изделий из железа ³.

Однако, хотя газеты оптимистично сообщали, что «деревня организуется», в действительности создание комитетов охватило не весь енисейский регион. Так в Минусинском уезде, на территории которого имелось 35 волостей и 375 населенных пунктов, уже к концу апреля 1917 г. действовали только 21 волостной и 168 сельских органов ⁴. Они являлись общественными, слабо финансируемыми правительством учреждениями, которые в основном предназначались для разрушения прежних структур власти. Революция выталкивала на политическую арену не только идейных бойцов, сознательную интеллигенцию и грамотных крестьян, но и «темные силы», среди которых были лица с уголовным прошлым, далекие от революционных иллюзий и способные на насилие. Они повели борьбу за власть, а затем — и за удовлетворение своих материальных интересов. Избранные в комитеты лица зачастую оказывались людьми, не знавшими своего предназначения или юридически неграмотными. Подменяя судебные органы, такие комитетчики принимали решения, которые дискредитировали власть.

Вскоре некоторые учреждения, созданные на местах, перестали подчиняться вышестоящим организациям и выполнять их постановления. Следуя интересам маргинальных слоев деревни, новые власти, например, в селах Казачинском и Григорьевском, соответственно

Енисейского и Минусинского уездов, объявляли свои территории автономными и в качестве республик напрямую связывались с центральными органами. Когда же правительство выступило за сохранение некоторых элементов прежнего аппарата, то они отказались подчиняться управленцам, назначаемым сверху, и, угрожая репрессиями, приступили к упразднению местных культурно-просветительных, образовательных, судебных и переселенческих учреждений. В некоторых селениях, в частности, Красноярского уезда, наблюдались гонения самих крестьян на учительниц и фельдшерниц, которых оставляли без денежного вознаграждения. Однако, если в одних местностях свержение старого строя воспринималось населением как полное уничтожение прежнего правительственного аппарата, то в других — вследствие того, что революционные события для крестьян оказались «слишком далекими, чтобы затмить реальную власть ближайшего начальства» — какие-то важные вопросы их жизни некоторое время решались прежней вертикалью власти ⁵.

Организуемое политическими силами многовластие ослабляло управление территориями и сопровождалось инициативами местных исполкомов по использованию природных богатств в угоду сиюминутному удовлетворению интересов населения. Например, постановлениями волостных КОБов была разоружена и разогнана лесная стража, упразднены заповедники, что мгновенно расширило масштабы самовольных порубок леса и способствовало возникновению множественных лесных пожаров. Наконец, поняв всю пагубность данной ситуации, власти Минусинского уезда, местности которого были наиболее подвержены возгоранию, для спасения леса привлекли конных объездчиков и милиционеров, подчинив их комиссарам, представлявшим разные политические силы ⁶.

Несмотря на то, что власти предлагали «воздержаться от самовольных захватов... до коренного изменения порядка землепользования», крестьяне, большей частью переселенцы, отстранив от исполнения обязанностей надзирателей, на сходах требовали наделения их обществ дополнительными участками, а в селениях, таких, как Саралинское, Копьево и Ужурское Ачинского уезда, захватили пахотные и сенокосные угодья, принадлежавшие зажиточным односельчанам ⁷.

В самом концентрированном виде настроения деревни, ее участие в революционном процессе продемонстрировали уездные съезды крестьянских делегатов. До лета 1917 г. они состоялись в Канске (12 марта, 10—16 апреля) и Енисейске (19 марта, 22 мая — 2 июня) дважды и по одному разу в Красноярске (6—10 апреля), Ачинске (12—16 апреля) и Минусинске (13—18 мая). Инициативу в обсуждении жизненно важных вопросов проявляли и инородцы, съехавшиеся на свой съезд в село Аскиз Минусинского уезда 6—7 апреля 1917 года. Почти все съезды собирались по инициативе и проходили под руководством социалистов-революционеров с участием кооператоров и местной интеллигенции.

В отличие от съездов, состоявшихся в Аскизе и Канске и собравших от 50 до 73 делегатов, Красноярский форум проходил при участии 200, а Ачинский и Минусинский — более 500 крестьянских и солдатских представителей, прибывших с наказами. «Нас так напугала самодержавная власть, что мы чертом смотрим на каждого отдель-

но управителя, хотя и выборного», — делился своим мнением один из делегатов съезда. Многие из крестьянских представителей съезжались, как отмечал очевидец, «делать великое дело» и на пленарных и секционных заседаниях выстраивались, несмотря на незавершенные полевые работы, целые очереди выступавших. Для «колеблющейся деревни» важно было получить ответы на волнующие ее вопросы. Поэтому, как только дело доходило до обсуждения, к примеру, земельного вопроса, атмосфера накалялась так, «как будто электрический ток соединял [участников] в одну массу, наступала первая напряженная тишина, ... каждое слово ловилось на лету. Чувствовалось [их] почти религиозное, мистическое отношение». Сталкиваясь во мнениях и желая действовать «скопом», с верой в «правду-истину», крестьяне обсуждали вопросы подолгу, а резолюции по ним принимали большинством голосов.

В частности, представители крестьянства Канского уезда выступали за конфискацию имущества и капиталов династии Романовых и назначение над нею строгого суда. Крестьяне приветствовали крушение самодержавия и высказались за поддержку Временного правительства, созыв Учредительного собрания и установление демократической республики, а также скорейшее окончание войны без сепаратного мира. Съезды требовали от будущей власти ликвидации частной собственности на землю, конфискации и передачи земель во всенародное достояние и пользование трудящихся, запретили их покупку-продажу и захваты. Делегаты проголосовали за организацию крестьянских союзов, своевременную уплату налогов и податей, введение прогрессивного подоходного налога, увеличение пайка солдатским семьям, одобрили хлебную монополию и определили принципы местного самоуправления.

Участники инородческого съезда высказались за оставление у коренного населения земель, находившихся в его пользовании, и организацию на территории Минусинского и Ачинского уездов самостоятельного земства. Делегатами были избраны уездные земские комитеты или управы, советы крестьянских депутатов, продовольственные комитеты. Они согласились с назначением уездных комиссаров и начальников милиции.

Вместе с тем, уже на съезде крестьянства Красноярского уезда наблюдались попытки большевиков повести его за собой, например, в вопросе о земле. Однако вместо большевистской делегаты одобрили эсеровскую резолюцию. Енисейский съезд принял решение о передаче в пользование крестьян всех сдаваемых им в аренду казенных земель, а для управления уездом избрал исполнительный комитет. Состоявшийся по инициативе Совета солдатских депутатов и под руководством большевиков Второй крестьянский съезд Канского уезда принял резолюцию о немедленной конфискации частновладельческих земель и передаче их крестьянству, обязал вновь избранный уездный Совет крестьянских депутатов образовать исполком, совместный с Советом рабочих и солдатских депутатов ⁸.

Деревня, собираясь на митинги, записываясь в ПСР и осуществляя пожертвования, продолжала поддерживать эсеров, организация которых только в Красноярске насчитывала 800 членов ⁹. В то же время у многих крестьян отсутствовал широкий политический кру-

гозор и соответственно стойкое единство взглядов на будущее устройство общества, что и показало празднование 1 мая. Оно торжественно, с демонстрациями под красными знаменами и исполнением революционных песен, с организацией митингов, спектаклей, молебнов и панихид прошло, например, в селах Казачинском, Рыбинском, Большой Мурте, Каратузе, Ужуре и др. волостных селениях. Участники этих мероприятий где-то провозглашали здравицу Учредительному собранию и аплодировали речам, призывавшим слушателей к войне до победного конца, а где-то направляли приветствие Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов или же «уничтожали» самогонку так, что их доставляли домой без сознания ¹⁰.

Пытаясь ускорить революционные процессы в деревне, собрание 280 членов объединенной организации РСДРП, состоявшееся 16 апреля в Красноярске, призвало крестьян к организации советов, которые должны были полностью заменить старую власть, и к конфискации через эти органы всех земель без выкупа. 7—8 мая конференция представителей крестьянских союзов постановила создать губернский Совет крестьянских депутатов и объединить его с Советом рабочих и солдатских депутатов ¹¹. Служить непосредственному «углублению» революции в деревне должны были солдаты-отпускники, в массовом порядке отправляемые из тыловых гарнизонов на полевые работы. С их прибытием комитеты, которые своей позицией не устраивали уездных и сельских радикалов, были переизбраны, в некоторых селениях, например, Канского уезда, оформились волостные и сельские советы крестьянских и бедняцких депутатов, представители дореволюционной власти подверглись новым репрессиям, а по деревням прошла волна запугивания крестьян, пьянства, уголовщины и пожаров ¹².

Призывая население бороться с Временным правительством и организовывать крестьянские советы, которые должны были немедленно взять в свои руки земельные богатства и власть на местах, большевики пытались, вмешиваясь в деятельность кооперации и конфискуя объекты частного предпринимательства, кое-где контролировать и экономические отношения с деревней. В селе Курагино Минусинского уезда, к примеру, местный комитет, находившийся под их влиянием, произвел захват паровой мельницы известного предпринимателя Н.П. Пашенных ¹³. Но неграмотные крестьяне, подчиняясь новой власти, организовывали зачастую «советы рабочих и солдатских депутатов», которые ничем не отличались от прежних органов власти ¹⁴.

К лету 1917 г. в Красноярске возникли и первые признаки продовольственной недостаточности. Зимние запасы мяса у губернского продовольственного комитета были исчерпаны, а массовая доставка его из сел оказалась затруднительной. Хлеба было достаточно, но его заготовки в ближайшем хлебопроизводящем районе вызывали озабоченность у служащих комитета. Сходы в Канском уезде, откликнувшись на призыв исполкома уездного Совета рабочих и солдатских депутатов отдать излишки хлеба армии и городскому населению, послали обозы с ним на железнодорожные станции. Но вследствие того, что в местном продовольственном комитете из-за отсутствия договоренности с другими учреждениями достаточного количества помеще-

ний и денег для расплаты с крестьянами не оказалось, этот источник хлебных поступлений вскоре иссяк. В то же время в деревне исчез керосин, что заставило крестьян, закупувших его в городах, переплачивать¹⁵. Устремившись к власти, большевики были обязаны контролировать экономические взаимоотношения между городом и селом и, следовательно, подчинить себе крестьянство.

Казалось бы, что в регионе, где крестьяне являлись большинством населения, точку во всех вопросах его дальнейшего развития должен был поставить губернский съезд деревенских делегатов. Инициатором его созыва являлось совещание представителей губернской кооперации, создавшее для его подготовки специальное бюро¹⁶. Но к его организации проявляли большой интерес и большевики. Предложение о проведении этого форума было напечатано 14 июня в листовке Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов с обращением к крестьянам Енисейской губернии¹⁷.

Выборы делегатов на съезд проходили сначала по одному представителю от 5, затем — от 1 тыс. населения. Поэтому из Минусинского уезда, где избрание осуществлялось от 5 тыс. чел., в Красноярск отправились не 107, а 72 делегата, а в работе съезда принимали участие, согласно докладу мандатной комиссии, 57 человек. Более массово был представлен Красноярский уезд, в делегацию которого входили еще и представители местного гарнизона. От Канского уезда должны были присутствовать 102, приехали 103, а в работе съезда участвовали 89 делегатов. Из села Казачинского Енисейского уезда на съезд прибыли четыре эсера с документами уже ликвидированного органа. Несмотря на возражение мандатной комиссии, руководство съезда решило допустить их к работе. В целом вместо 349 делегатов на губернский съезд прибыли 302—303 участника¹⁸.

Избирая своих представителей на съезд, волостные и сельские сходы наказывали им выдвигать перед властями разные, порой взаимоисключающие политические требования. Так, крестьяне некоторых сел и деревень Идринской (Минусинский уезд), Анцирской (Канский), Мелецкой (Ачинский), Заледеевской, Вознесенской (Красноярский) волостей поручали своим представителям голосовать за недоверие Временному правительству, требовали перехода власти к советам и немедленной передачи всех земель народу, заключения скорейшего мира, национализации банков и железных дорог¹⁹. Рядом же население жертвовало на нужды армии и в поддержку правительства хлеб, подписывалось на заем свободы. Выдвигая делегатов на губернский форум, например, Тинское, Неванское (Канский уезд), Шилинское (Красноярский) волостные собрания, сходы сел Шушенское, Тесинское (Минусинский), деревень Пузырево и Злобино (Красноярский) поручали им выступать и голосовать за правящую власть, введение земства, избрание кандидатов в Учредительное собрание от ПСР и в целом отстаивать ее интересы²⁰.

На съезде, проходившем 20—29 июня 1917 г., борьба между большевиками и эсерами началась уже по поводу кандидатуры председателя. На эту должность делегаты избрали Е.Е. Колосова, а его товарищами — И.В. Казанцева и В.М. Острикова, активных членов ПСР. От РДРП съезд приветствовал большевик Г.С. Вейнбаум, а от Временного правительства — губернский комиссар В.М. Крутовский.

Опасения, высказанные большевиками относительно того, что назначенные сверху продовольственные органы не будут работать в интересах народа, руководство съезда сочло необоснованными, а обвинения властей в навязывании на места в Канском уезде чиновников и задержке денежных кредитов губернский комиссар назвал несостоятельными ²¹.

Потерпев первое поражение, большевики в одном из номеров своей газеты назвали Всероссийский Совет крестьянских депутатов «контрреволюционной организацией», а красногвардейцы, согласно воспоминаниям очевидца, начали преследовать делегатов. Группа солдат во главе с большевиками ворвалась на заседание съезда и пыталась сорвать принятие резолюции о доверии крестьян Временному правительству. Хулиганствующие лица требовали немедленного ареста председателя съезда, вождя социалистов-революционеров Колосова и закрытия газеты «Наш голос». В то же время местные «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» призывали к расправе над редакцией этой газеты ²².

На самом съезде оформилась оппозиция в лице 40—50 представителей переселенческой, подтаежной и наименее грамотной деревни Канского уезда, которые, следуя за большевиками, упорно отстаивали необходимость быстрее захвата земли. Против этой политической и экономической ориентации выступали 70—75 членов делегации Минусинского уезда — района преимущественно старожильского и земледельческого. Под выкрики протестующих была подвергнута критике деятельность Канского уездного совдепа, который «наобещал много, а сделал мало». В конечном итоге губернский форум пошел за минусинскими делегатами и увлек даже часть канских оппозиционеров ²³.

Делегаты активно участвовали в работе съезда, выступая с наказаниями от пославших их обществ, демонстрировавших поддержку правительству. Напряженная работа съезда захватывала всех: в пленарных заседаниях участвовало 280—285 человек. Образовав секции: земельную, по самоуправлению и др., они обстоятельно обсуждали предлагаемые им проекты политического и хозяйственного устройства. В голосовании резолюций, как правило, принимало участие от 250 до 270 делегатов. Но при этом находилось до 10—15 человек, не понимавших происходившего и не успевших проголосовать. Борьба доходила до такого накала, что производила на свидетелей «потрясающее впечатление», а во время прений по земельному вопросу один из минусинских делегатов, бывший солдат, контуженный на фронте, заболел острым психическим расстройством. Настроенные провести съезд в пять дней, некоторые делегаты с завершением основной работы начали разъезжаться. 28 и 29 июня на съезде присутствовало лишь 150—160 человек ²⁴.

Участники съезда согласились с заявлениями большевиков и левых эсеров о недопустимости выступлений правых социалистов-революционеров против РСДРП и Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. Вместе с тем, они приняли резолюции, выдвинутые правыми эсерами. Съезд одобрил объединение советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как органов надзора и контроля над министрами Временного правительства, вхождение социалис-

тов в его состав, высказался за поддержку правительства в обновленном составе, за заключение мира без аннексий и контрибуций, но и за активную защиту страны с переложением бремени войны на имущие классы. Осудив самовольные и частные захваты земли, запретив на время торговые сделки с ней, делегаты проголосовали за конфискацию земель через Учредительное собрание, обращение их во всенародное достояние с поступлением в распоряжение органов самоуправления и распределение по уравнительному принципу среди трудового крестьянства. Крестьянское представительство, приветствуя свержение самодержавия, высказалось за создание федеративной республики, ускорение введения земства и призвало к организации Советов крестьянских депутатов. Оно избрало состоявшие в основном из эсеров губернский крестьянский Совет, его исполком, временную и правомочную до организации земства губернскую земскую управу ²⁵.

Вслед за этим съездом, по призыву исполкома губернского Совета крестьянских депутатов, в уездах и волостях стали организовываться соответствующие советы и временные земские управы. Социалисты-революционеры поддержали закон Временного правительства от 17 июня 1917 г. о реформе самоуправления. 29 июня состоялось совещание крестьянских делегатов, являвшихся членами ПСР, которое, обсудив будущую деятельность в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание, сочло необходимым созвать свой губернский съезд и усилить создание партийных групп на местах ²⁶. Несмотря на начавшийся раскол в партии и выделение ее левого интернационалистского крыла, насчитывавшего в Красноярске 100 членов, сельских обществ, примкнувших к социалистам-революционерам, становилось все больше ²⁷.

Влияние губернского крестьянского съезда ощущалось и в отдаленных уголках губернии. Собравшиеся 20—30 июля в улусе Чарков Минусинского уезда представители инородческого населения высказались против уравнительного землепользования, за введение волостного земства и избрали национальный комитет. Обеспокоенные приближавшимися выборами в Учредительное собрание, власти этого уезда созвали 13—14 августа Второй крестьянский съезд, участники которого, следуя общественным наказам, выступили с призывом голосовать за кандидатов от ПСР. Состоявшийся под руководством эсеров 20—21 августа Приангарский крестьянский съезд и съезд представителей от населения Кежемской и Пинчугской волостей Енисейского уезда проголосовали также в духе резолюций, принятых в Красноярске ²⁸.

Но, вследствие того, что в некоторых деревнях после мобилизации в армию остались лишь старики, женщины и дети, крестьяне сплошь и рядом выбирали во власть случайных людей в лице солдат-отпускников или избежавших призыва на военную службу местных «воротил» ²⁹. Несмотря на опротестование губернским комиссаром постановлений Енисейского и Канского уездных крестьянских съездов о конфискации и переводе земель в распоряжение советов и решение губернского съезда крестьянских депутатов, запрещавшее их захваты, уездные советы не спешили подчиняться воле вышестоящей власти и тем самым развязывали своеволие и инициативы на местах.

Некоторые волости, особенно подтаежные, стремились жить обособленно и независимо от «начальства», а их КОБы улучшали существующее «законодательство», особенно в вопросе о правах на окружающие леса. Во время переписи населения, проводимой для составления списков избирателей в органы земского самоуправления, переписчики в Заманской тайге обнаружили две небольшие деревни, жители которых нигде не были прописаны, податей не платили и почту не получали. В этих и подобных селениях самогон курился открыто, а крестьяне свободно и бесплатно пользовались покосами и лесами, захваты которых носили «планомерный характер». Такие «свободы», к примеру, в Ачинском уезде, выливались в объявление одним из волостных комитетов государственной земли и леса своей собственностью, в предложения упразднить лесную стражу, заменив ее назначенными объездчиками. Там, где складывались напряженные отношения с крестьянами, стражники вынужденно оставляли свои обязанности или подвергались преследованию с разгромом канцелярий и квартир. Свою охрану с передачей населению Анашенского казенного бора в Сисимском лесничестве установил Комский волостной КОБ. Решив упразднить Саянский заповедник, Ирбейский КОБ конфисковал у заведующего казенные суммы и имущество ³⁰.

После эмоционального подъема и политической активности население все более охватывали усталость и разочарование. Не только в городах, но и в деревнях частыми стали уголовные преступления, с которыми крестьяне боролись, устраивая самосуды. Под гнетом несбывшихся надежд они перешли к захватам земли и порубке леса. Эти явления с лета 1917 г. стали принимать массовый характер.

В Ачинском уезде самовольное сенокосение и распашку земель производили жители Ново-Новоселовской, Ново-Еловской и Больше-Улуйской волостей. В Назаровской волости они расхищали лес на своем и соседних участках. В деревне Верхнее Амонашево Красноярского уезда крестьяне произвели большие порубки строевого леса и поделили между собой все сенокосные поляны лесничества. Комитет с. Троицко-Заозерного Канского уезда распределил под покосы 405 десятин казенной земли. Коллективные и самовольные вырубки были зафиксированы объездчиками в Кемчугском, Ужурском (Ачинский уезд), Жуковском (Красноярский) лесничествах. Избив и выгнав стражу, крестьяне то же самое проделали в Шушенском лесничестве. В Усинском крае крестьяне и инородцы самовольно рубили лес, а жители села Субботино Шушенской волости уничтожили в казенном лесу 3500 деревьев.

Но, случалось, что объектами самовольного использования становились и соседские участки. Так, сельский исполком села Восточенского Канского уезда конфисковал у крупного арендатора — управляющего винокурненным заводом — 200 десятин земли и распределил их среди крестьян. Мельничное общество Ирбейской волости, шесть лет арендовавшее 200 десятин сенокоса, вдруг лишилось этой возможности. У арендатора земли крестьяне деревни Касьяново и Корытово отобрали земли, подготовленные для посева, деревни Малая Уря — луга и выдворили его из собственной мельницы. Население деревни Солгон и Ново-Медведское Ачинского уезда захватило запасный участок, принадлежавший обществу деревни Ново-Алек-

сандровской. На территории зажиточного односельчанина жители деревни Коляжиха Даурской волости выкосили 685 копен сена. Крестьяне села Нижне-Заимское (Канский уезд), Покровское (Ачинский), деревни Пойлово (Минусинский), используя волостную власть, отобрали покосные наделы у причта местных церквей ³¹.

В то же время в деревне, несмотря на сөтования большевиков о том, здесь их «не знают» или имеют извращенные газетами представления, все больше становилось лиц, поддерживавших социал-демократов. Прошедшая 7—12 августа в Красноярске Средне-Сибирская областная конференция большевистских организаций, решив при проведении выборов в Учредительное собрание добиваться понижения возрастного ценза и нормы представительства избирателей на одного делегата, направила к крестьянам для популяризации своей программы группы агитаторов с листовками. 12 августа Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов вновь отпустил солдат на полевые работы, которые они должны были совмещать с агитационной деятельностью.

В связи с попыткой корниловского переворота, власть в Красноярске 29 августа перешла к Соединенному исполкóму Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в котором большинство имели представители от рабочих и солдат. Усилившееся влияние большевиков сопровождалось тем, что крестьяне нескольких деревень Даурской волости выразили недоверие правительству и заявили о поддержке власти советов ³².

Положение большевиков в качестве доминирующей политической силы, готовой к захвату власти, подтвердил и инициированный Красноярским Советом рабочих и солдатских депутатов и состоявшийся в первой декаде сентября 1917 г. съезд советов Сибири. Собравшись в незначительном составе (33 делегата, в том числе 21 большевик) и объявив себя представительством 110 тыс. рабочих, солдат и 90 тыс. крестьян, он потребовал перехода власти к советам и избрал бюро, которое должно было руководить революционным процессом на территории Средней Сибири ³³.

Осенью 1917 г. деревня продолжала отстаивать свое право на самостоятельное пользование лесами и землями. Были устранены, к примеру, стражники в Курбатовском лесничестве (Ачинский уезд), после чего население отправилось в лес на заготовку дров и бревен. По-прежнему наблюдались избиения объездчиков и порубки в Шушенском лесничестве (Минусинский уезд). Упразднив прежнюю стражу и избрав новую, крестьяне села Ермаковское фактически оставили близлежащий лес без охраны. Такое отношение к лесу обусловило распространение поджогов и пожаров, например, в Бейском и Минусинском лесничествах.

Ранее только ходатайствовавшие о переводе на более удобные участки или об изменении границ наделов, некоторые переселенцы в сентябре 1917 г. перешли к захватам старожильческих земель. Жители одних селений косили сено, рубили лес на территории других. В деревне Троицкой Ачинского уезда наблюдались земельные споры между отдельными группами населения, которые затем вылились в самовольные захваты участков. Старожилы же приглядывались к свободным хуторам и казачьим наделам вблизи Минусинска. Крестья-

не, проживавшие в селе Копьево Ужурской волости, травили скотом поля казаков и даже жгли их сено. Приисковские рабочие изгоняли инородцев с занимаемых ими земель. Имели место случаи, например, в селах Большая Мурта, Комарово Красноярского уезда, когда оставшаяся без хлеба беднота мстила зажиточным крестьянам, поджигая их имущество. В Канском же уезде страдали от поджогов хлеба крестьяне, боровшиеся с хулиганством ³⁴.

Снабжением населения губернии промышленными товарами занимались губернская продовольственная управа, общества потребительской кооперации и частные торговые фирмы, которые получали их в Министерстве продовольствия, закупали непосредственно на фабриках и заводах. Хотя мануфактура, сахар и соль поступали в уезды, наличие их было недостаточным для удовлетворения потребностей крестьянства. Ожидая введения твердых цен, крестьяне стали придерживать хлеб и сократили его вывоз на городские базары. Когда же приготовленные для населения 100 тыс. пудов были отправлены в голодающие центральные города и армию, а покупаемый в деревне хлеб стал оседать у крупных скупщиков и спекулянтов, расхватывался на базарах солдатками, запасы его в Красноярске и Канске истощились. К тому же, случившийся неурожай в степных районах заставил инородцев пуститься на поиски хлеба по русским селениям, а переселенцев Ново-Михайловской и Лугавской волостей Минусинского уезда — голодать. Тогда продовольственные совещания приняли предложение правительства о введении хлебной монополии и проведении учета продовольствия и заготовительных операций силами кредитной кооперации, продовольственных комитетов и управ, которым было разрешено осуществлять реквизиции хлеба ³⁵.

В этой ситуации деревня, начиная с 10 сентября, выбирала гласных в волостные и уездные земские собрания. Население относилось к их избранию без особого интереса и воодушевления. В селениях Ачинского уезда, к примеру, сознательно относились к выборам в земские учреждения только переселенцы, старожилы же смотрели на них как на повинность. Явка избирателей здесь составила почти 47%, а в целом по губернии — еще меньше, или 35% всех избирателей. Для этой кампании характерными являлись отсутствие организованности крестьян, проявление ими невежества и недоверия к новшествам и интеллигенции. Среди инородцев, при наличии в их среде грамотных лиц, она состоялась почти без волнений. Даже с избранием в земские собрания представителей разных политических сил большинство гласных составляли социалисты-революционеры, что дало им право играть руководящую роль ³⁶.

23 сентября специально созданная окружная комиссия под председательством члена партии «Народная свобода» П.С. Троицкого и ее уездные подразделения приступили к составлению списков избирателей депутатов Учредительного собрания, созыв которого должен был закрепить завоевания революции и решить ключевые вопросы политического устройства страны. В сельскую местность были посланы представлявшие разные политические партии агитаторы, в основном солдаты, интеллигенция, которые выступали с партийными программами и лозунгами, распространяли листовки. Располагая солидными возможностями идеологического воздействия на население, эсеры

предлагали аграрную программу, которая находила все большее одобрение.

Большевистские же агитаторы отличались грубостью, допускали угрозы и получали поддержку в основном среди переселенцев Канского и Красноярского уездов. Так, организованное большевиками 21 октября в селе Шалинское Красноярского уезда собрание 27 крестьян, объявив себя волостным исполкомом крестьянских депутатов, решило упразднить местную земскую управу, создать Красную гвардию и признать власть советов. Состоявшийся там же 29 октября районный съезд крестьян, представлявших население пяти волостей уезда, заслушав выступление большевистского агитатора Я.Е. Богграда и, несмотря на протесты некоторых лиц, постановил поддерживать победившую в Петрограде Советскую власть и избрал своего депутата в губернский совдеп. Следом за этим съездом с требованием передачи власти советам выступили сходы крестьян в некоторых селениях Ачинского уезда и селе Степной Баджей ³⁷.

В других местностях новой власти пришлось строить отношения с деревней с позиции силы. К примеру, прибывшие в село Рыбное Канского уезда четверо солдат пытались забрать у местных заводчиков и торговцев кожевенный товар. Но сход жителей постановил отдать его лишь после оплаты, а часть этой кожи передать на нужды армии. Тогда из Канска было вызвано подкрепление, и возмущенные крестьяне были арестованы ³⁸.

В текущем году губернский продовольственный комитет для нужд действующей армии отправил 1,7 млн пудов зерна, 10 тыс. голов скота и 30 тыс. пудов соленой рыбы, а из Канска в Томск и Петроград эшелонами вывезли 45 тыс. пудов хлеба. В Красноярске выросли цены на керосин, наблюдался недостаток в мануфактуре, а еще больше в хлебе. Из-за вмешательства в заготовительные дела исполкомов продовольственное положение губернии ухудшилось.

Несмотря на правительственное распоряжение, требовавшее направить все запасы продовольствия на фронт, местные власти, не обладавшие полномочиями для проведения решительных мер и боявшиеся народного выступления, не спешили вводить удвоенные твердые цены на хлеб. Крестьяне же, оказывая через кооперацию продовольственную помощь пострадавшим от неурожая волостям и голодающим переселенцам, среди которых уже наблюдались случаи заболеваний тифом, осуждали власти за объявление хлебной монополии и неравномерное распределение мануфактуры. С такими настроениями деревня не могла оставаться постоянным источником обеспечения горожан продуктами и дровами ³⁹.

Выступая против большевистского переворота, правозащитный исполком губернского Совета крестьянских депутатов 29 октября отозвал своих представителей из Соединенного губернского исполкома, объявившего себя властью в губернии. Реакция исполкомов уездных крестьянских советов на эти события была неоднозначной. Так, если их члены в Минусинском и Ачинском уездах повторили поведение губернских коллег, то делегация депутатов от Канского уезда по требованию своего Совета сложила полномочия в губернском исполкоме. Предпринятая в ноябре на втором объединенном заседании губернского Соединенного исполкома и губернского исполкома крес-

тыанских депутатов попытка социалистов-революционеров достигнуть соглашения и организовать новый орган власти с включением в него на паритетных началах обоих исполкомов, а также представителей от общественных организаций была большевиками отвергнута. Губернский исполком крестьянского Совета затем вошел в состав оппозиционного большевикам Енисейского губернского комитета объединенных общественных организаций ⁴⁰, который вскоре был разгромлен.

Отношение сельского населения губернии к приходу большевиков к власти в Петрограде и Красноярске не было однозначным. Так, на состоявшемся 5 ноября в том же селе Шалинском волостном собрании милиционеры, мировой судья, учителя, кооператоры и казаки выступили в защиту правых эсеров, а затем сорвали мероприятие. Несколько сходов в Красноярском уезде приняли резолюции против захвата власти большевиками, а Александровское земство заявило о прекращении своей деятельности до выяснения ситуации в государственном устройстве страны.

Вместе с тем, случалось, деревня колебалась в своем политическом выборе. Так, на собрании представителей земств Заенисейского района, состоявшемся 19 ноября в селе Вознесенском Красноярского уезда с участием приехавших из Красноярска видных эсеров, после многочасового обсуждения была принята резолюция, осуждавшая большевиков за захват власти. Но под воздействием большевистской агитации отношение крестьян к событиям быстро изменилось: они отказались подписывать этот документ, а на следующий день поддержали инициативу руководства волостной земской управы об удалении со службы милиции, правительственных комиссаров, акцизных чиновников и шоссейных техников. В основном же деревня голосовала за указы в поддержку Временного правительства и ПСР ⁴¹.

К примеру, в Минусинском уезде сходы, состоявшиеся 18—24 ноября 1917 г. в селениях Иудино, Новоселово, Аскиз, Верхний Аскиз, Сапогово, Березово, Можары, Каптырево, Знаменское и Белый Яр протестовали против захвата власти большевиками. Население Таштыпской и Алтайской казачьих станиц, Идринское, Шалаболинское и Шушенское волостные земские собрания и Абаканский сельский комитет выразили недоверие Минусинскому Совету рабочих и солдатских депутатов и высказались за созыв Учредительного собрания. Причем, новоселовские крестьяне решили не выполнять приказов совдепа и не давать хлеб «большевистским городам», а иудинское крестьянство и местное казачество, заявив, что данная акция большевиков является предпосылкой к гражданской войне, высказались о своей готовности бороться с ними. Протестное движение принимало массовые формы: так, в с. Каптырево на сход собрались 676, а в д. Березовской — 143 жителя ⁴².

Главным отражением политических настроений крестьянства стали ноябрьские 1917 г. выборы в Учредительное собрание, на которых в Енисейской губернии и, особенно, в деревне убедительную победу одержали правые социалисты-революционеры. За список кандидатов, предлагаемых большевиками, проголосовали 26,7 % всех избирателей, а за эсеров — 64,5 % ⁴³.

Проводившиеся следом уездные крестьянские съезды не были представительными, являлись выразителями взглядов лишь опреде-

ленной части крестьянства и решали не столько вопросы жизни деревни, сколько, превратившись в арену политической борьбы за власть, подтвердили ее переход к советам. В некоторых случаях крестьянское представительство, поверив большевистской демагогии, голосовало за Советскую власть, полагая, что она обеспечит созыв Учредительного собрания. Итогом деятельности съездов стало избрание крестьянских советов и исполкомов, которые тут же или несколько позднее объединялись с советами рабочих и солдатских депутатов.

1917 г. заканчивался в губернии не только переходом власти к советам и начавшейся ликвидацией только что избранного земства, но и нарастанием финансово-продовольственного коллапса. Крестьянство, не желая подчиняться властям, отказывалось платить подати, исполнять повинности и противилось осуществлению хлебной монополии. Сами продовольственные управы, обладавшие специальным аппаратом служащих и наделенные правами непосредственного выполнения заготовительных и торговых операций, но объявленные противниками новой власти, оказались не в состоянии вести заготовки продуктов. Напротив, местные большевики, организуя прямой товарообмен с центром и деревней, пытались возглавить в своих целях продовольственное дело. В результате были сорваны обязательные поставки енисейского хлеба, возникло мешочничество, «пробившее брешь» в твердых ценах и стимулировавшее крестьянский саботаж, а сама губерния оказалась, по мнению продовольственных служащих, «обреченной на голод».

С целью предотвратить окончательное разрушение продовольственного дела и в соответствии с законом прежнего правительства от 16 марта 1917 г. губернские продовольственные органы в начале января 1918 г. передали его до созыва Учредительного собрания Временной губернской земской управе ⁴⁴.

Таким образом, революция вызвала в енисейской деревне мозаику настроений и поведения крестьян, характерных и для Сибири в целом. В силу множества проявляемых ими настроений, разнонаправленности их поступков, относительной малочисленности участников и заметной, например, в глухих селениях политической индифферентности жителей, практикующиеся в исследованиях понятия «крестьянское движение» и «общинная революция», вероятно, не отражают всей полноты и сложности происходившего. Встретив революцию с надеждой на улучшение жизни и поддерживая буржуазно-парламентскую модель выхода из национального кризиса, крестьянство вскоре начало втягиваться в решение жизненных проблем силовыми методами.

Примечания

1. Голос народа. 11.IV.1917; Свобода и труд. 15.IV.1917; Муниципальное управление «Архив г. Минусинска» (МУАГМ), ф. 124, оп. 1, д. 4, л. 2.
2. Красноярский рабочий. 19, 30.III.1917; Голос коммуниста. 23.III.1917; Голос народа. 18, 22, 23, 28, 30.III; 11, 21, 29.IV; 5, 24.V.1917; Свобода и труд. 18, 22.III; 11, 15, 28.IV; 9.V.1917; ГОРЮШКИН Л.М., НОЗДРИН Г.А., САГАЙДАЧНЫЙ А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914—1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск. 1987, с. 123, 128—129, 145.

3. Голос народа. 2.IV.1917; Свободная Сибирь. 7.IV.1917.
4. Свобода и труд. 26, 28.IV.1917.
5. Там же, 12, 14, 15, 20, 28, 29.IV; 14.V; 20.VI.1917; Свободная Сибирь. 29.III; 28, 29.IV.1917; Наш голос. 16.V.1917; Голос народа. 4, 24, 25.V; 11.VI. 1917; Красноярский рабочий. 28.IV; 19.V.1917; Товарищ. 28.IV.1917; МУАГМ, ф. 124, оп. 1, д. 3, л. 35, 38, 56.
6. Свобода и труд. 18.III; 12, 26.IV; 9, 18.V; 1.VI.1917; МУАГМ, ф. 124, оп. 1, д. 3, л. 38; Октябрь в Сибири. Хроника событий. Новосибирск. 1987, с. 41—42, 68—69.
7. Голос народа. 21.V.1917; ГОРЮШКИН Л.М., НОЗДРИН Г.А., САГАЙДАЧНЫЙ А.Н. Ук. соч., с. 157—158, 165—166.
8. Свобода и труд. 15.IV; 20.V.1917; Голос народа. 8, 11, 12, 25.IV; 15, 24, 27.VI.1917; Знамя труда. 26.V.1917; Наш голос. 15.VI.1917; Октябрь в Сибири, с. 23, 30, 48, 51—52; ГОРЮШКИН Л.М., НОЗДРИН Г.А., САГАЙДАЧНЫЙ А.Н. Ук. соч., с. 128, 135, 148—149, 152, 163, 169; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.). Томск. 1991, с. 9, 12, 17—23, 31—39, 50—52.
9. Знамя труда. 26.V.1917; ДОБРОВОЛЬСКИЙ А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917—1923 гг.). Новосибирск. 2002, с. 19.
10. Голос народа. 26.IV.1917; Свобода и труд. 29.IV.1917; Октябрь в Сибири, с. 58.
11. Красноярский рабочий. 21.IV.1917; Съезды, конференции и совещания..., с. 49.
12. Свобода и труд. 14.V; 20, 25.VI.1917; Свободная Сибирь. 31.V.1917.
13. Голос народа. 18.VI.1917; КОРДОНСКАЯ М. Сибирское крестьянство в дни Октябрьской революции. — Пролетарская революция. 1928, № 10, с. 61; Октябрь в Сибири, с. 95.
14. Знамя труда. 21.VI.1917.
15. Красноярский рабочий. 4.VI.1917; Голос народа. 21.VI.1917; Знамя труда. 6.VII.1917.
16. Наш голос. 24.III.1917.
17. Октябрь в Сибири, с. 95.
18. Голос народа. 27.VI; 6.VII.1917; Красноярский рабочий. 6.VII.1917; Свобода и труд. 15.VII.1917.
19. За власть советов. Красноярск. 1957, с. 92—93; Октябрь в Сибири, с. 83, 98; ГОРЮШКИН Л.М., НОЗДРИН Г.А., САГАЙДАЧНЫЙ А.Н. Ук. соч., с. 170, 181—182.
20. Свобода и труд. 3, 4, 11, 20.VI.1917; Голос народа. 8.VI.1917; Знамя труда. 15.VI; 28.VII.1917.
21. Голос народа. 21, 24.VI; 11.VII.1917; Знамя труда. 25.VI.1917.
22. Знамя труда. 21.VI.1917; Народный голос. 26.XII.1919; Русское слово. 1.VII.1917.
23. Голос народа. 27.VI; 6.VII.1917; КОЛОСОВ Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Пг. 1923, с. 23—24.
24. Голос народа. 24, 25.VII; 6.VII.1917.
25. Там же, 6, 29.VII; Свобода и труд. 15.VII.1917; Съезды, конференции и совещания..., с. 71—80.
26. Съезды, конференции и совещания..., с. 82—83.
27. Свободная Сибирь. 28.VII.1917; Знамя труда. 28.VII.1917.
28. Свобода и труд. 8, 10.X.1917; Съезды, конференции и совещания..., с. 108—111, 114—119.
29. Красноярский рабочий. 12.VII.1917.
30. Свободная Сибирь. 28.VII; 20.VIII.1917; Голос народа. 15.VIII.1917; Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л. 1917, с. 318.
31. Свободная Сибирь. 2.VIII; 2.IX.1917; Октябрь в Сибири, с. 107; ГОРЮШКИН Л.М., НОЗДРИН Г.А., САГАЙДАЧНЫЙ Д.Н. Ук. соч., с. 186, 190, 192—193, 202, 204—205.
32. Красноярский рабочий. 23, 24.VII; 19.IX.1917; Свободная Сибирь. 31.VIII.1917.
33. Октябрь в Сибири, с. 148—149.
34. Голос народа. 1, 6, 26, 27.X.1917.
35. Знамя труда. 14.IX.1917; Свободная Сибирь. 31.VIII; 14.IX.1917; Свобода и труд. 23, 29.IX; 7.X.1917; Голос народа. 29.IX.1917.

36. Голос народа. 30.IX.1917; Сибирские записки. 1918, № 1, с. 61; ШЕЙНФЕЛЬД М.Б. Борьба с контрреволюционным земством в Енисейской губернии (1917 — апрель 1918 г.). Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 9. Красноярск. 1957, с. 88.
37. Голос народа. 27.X.1917; Красноярский рабочий. 5.XI.1917; Съезды, конференции и совещания..., с. 150.
38. Голос народа. 11.XI.1917.
39. Известия Енисейского губернского народного комиссариата. 28.XI.1917; Красноярский рабочий. 30.XI.1917; Свобода и труд. 23.XI; 10, 12, 13, 20.XII.1917; Свободная Сибирь. 21.XI.1917; 4.I.1918.
40. Красноярский рабочий. 17.XI.1917; Красноярский Совет. Март 1917 г. — июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Совета, пленумов, исполкома и отделов): Сб. документов. Красноярск. 1960, с. 516.
41. Голос народа. 12.XI.1917; Знамя труда. 16.XI.1917; Красноярский рабочий. 29.XI; 10.XII.1917; Свобода и труд. 23.XI.1917.
42. МУАГМ, ф. 4, оп. 1, д. 5, л. 375, 385—386, 391, 400, 433, 443, 445—446, 448, 472, 476, 588, 653, 691.
43. Свобода и труд. 9.XII.1917.
44. Там же. 30.XII.1917; Свободная Сибирь. 6, 12, 13.I.1918.

Кабальные отношения в промышленности России в конце XIX — начале XX в.

В.В. Волков

Сущность любого рынка труда составляет процесс найма рабочей силы. Капиталистический наем имеет свои характерные особенности. Они обуславливаются отличиями капитализма не только от всех других экономических способов организации хозяйства, но и от самой буржуазной формации, в рамках которой он появляется и развивается.

Необходимо особо подчеркнуть, что понятие «буржуазное общество» не тождественно понятию «капиталистическое общество». Первое шире второго. При этом буржуа — это не обязательно капиталист, но последний — обязательно буржуа. Буржуазное общество, зарождаясь как денежное рыночное хозяйство разнообразных агентов товарного обращения, не теряя этого качества, со временем, с развитием мануфактурного и фабричного производства приобретает еще одно свое свойство — капиталистический характер¹.

Так как «в разных сферах производства, — писал К. Маркс, — возникают весьма различные нормы прибыли в зависимости от различия органического строения вложенных в них масс капитала», то «капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции... капитал обуславливает такое соотношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства». «Постоянное выравнивание постоянно возникающих неравенств происходит тем быстрее, чем, во-первых, подвижнее капитал, т.е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы и из одного места в другие; во-вторых, чем скорее рабочая сила может быть перебросана из одной сферы в другую, из одного центра производства данной местности в другой». Нас в данном случае интересует второй пункт, который «предполагает: отмену всех законов, препятствующих

Волков Вячеслав Викторович — кандидат философских наук, преподаватель Санкт-Петербургского института психологии и акмеологии.

щих рабочим перемещаться из одной сферы производства в другую или из одного центра производства данной местности в другой; безразличное отношение рабочего к содержанию его труда; возможно большее сведение труда во всех сферах производства к простому труду; освобождение рабочих от всех профессиональных предрассудков; наконец, — и это в особенности — подчинение рабочего капиталистическому способу производства»².

На основании этой методологической посылки можно определить, на какой стадии находился рынок труда в России: добуржуазной, связанной со спорадическими отношениями найма; буржуазной, основанной на простом товарном производстве и рыночной стоимости, или уже на капиталистической, подчиняющейся законам образования цены производства. Помочь в этом может понимание такого исторического феномена как кабала.

Слово «кабала» имеет арабское происхождение и означает договор купли-продажи, всякое срочное письменное обязательство. Как указывал автор статьи в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, перешло оно к нам от татар «со значением заемной расписки и было в этом смысле общеупотребительно в XIV—XVII вв.»³. Существовали следующие формы таким образом понимаемой кабалы: кабала денежная, то есть обыкновенная заемная расписка; кабала закладная или документ о залоге недвижимого имущества; кабала ростовая — документ о проценте на занятый капитал; кабала вечная, которая выдавалась должником поручителю; и, наконец, кабала служилая, по которой проценты за ссуду уплачивались не деньгами, а службой, то есть трудом⁴.

Однако со временем данный термин получил очень широкое толкование в диапазоне от значения «вообще всякая неволя, безусловная зависимость» до различных региональных пониманий: долг во Владимирской губернии, денежный сбор в мирские запасы в Псковской губернии и так далее⁵. В XIX в. самый распространенный смысл слова «кабала» был связан с трудовыми отношениями. Свое происхождение он вел от обычая служилой кабалы, при которой холоп продавал себя или навек или только на определенный срок. Однако от классической служилой кабалы наемная кабала XIX в. отличалась тем, что наймит передавал покупателю только свой труд, а не личность, а возникавшие при этом определенные отношения личной зависимости были следствием зависимости экономической, а не наоборот, как было ранее.

Определенные шаги в этом направлении сделали и помещики, которые в первой половине XIX в. практиковали противозаконную отдачу своих крепостных в долгосрочный наем фабрикантам — не дворянам. Этот наем так и назывался — «кабала»⁶. Однако наряду с этой формой и помимо нее всегда существовали классические кабальные отношения найма, которые вели свое происхождение из долговых обязательств. О них в свое время писали М. Вебер и В.И. Ленин⁷.

В литературе тех лет была сделана попытка дать научное определение этой социальной группе: «Кабальными рабочими называются те труженики, — писал А. Макаренко, — которые получают неимоверно низкую заработную плату, благодаря тому, что нанялись в то время, когда до зарезу нуждались в деньгах или благодаря тому, что задолжали нанимателям»⁸. Примерно в том же ключе характеризовал кабальный наем и Ленин⁹.

Сущность данного феномена состояла в том, что «в основе относящихся сюда сделок, — писал Е. Варб, — лежал не наем, а кредит, и в громадном большинстве случаев они представляют собою договоры об “отработке” за землю или взятые в затруднительных обстоятельствах на подати деньги»¹⁰. «Тут рабочий не нанимается, — отмечал Ф. Щербина, — не продает свой труд за известную плату, а наоборот, платит трудом, обязуется отработать за то, чем его снабдили... Тут, следовательно, нет спроса и предложения в общепринятом в политической экономии смысле; а есть только один спрос»¹¹.

Раскрывая смысл так называемой зимней наемки, как ростовщической операции В.В. (В.П. Воронцов) также указал, что сделка здесь начинается не наймом, а займом, и условия возврата долга трудом диктуются кредитором: здесь фигурирует не задаток, а ссуда, служащая средством обеспечения хозяйства дешевой рабочей силой¹². В своей фундаментальной работе «Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение» Р. Гвоздев отмечал, что кабала, как в отхожем промысле, так и в кустарной промышленности, создавалась одними и теми же условиями: везде ростовщический кредит вырастал на почве крушения мелких хозяйств¹³.

В советское время кабальные отношения ошибочно, на наш взгляд, рассматривались полностью в рамках изучения так называемых крепостнических пережитков (полукрепостнических отношений). Советских историков вводил в заблуждение сам факт прикрепления работников к определенному виду труда, и они особо не углублялись в его истинные причины¹⁴.

Какова же была материальная основа кабалы во второй половине XIX — начале XX века?

В первую очередь здесь следует говорить о неудовлетворительном экономическом положении крестьянства и, следовательно, о его острой нужде в различных промыслах, под которыми следует понимать «подсобное занятие при основном, сельскохозяйственном»¹⁵.

Вообще промыслы в России были местными, когда крестьяне, не порывая связи со своим хозяйством, находили заработок на месте своего жительства (чаще всего в своем уезде) и отхожими, когда им приходилось искать его вдали от дома и отсутствовать в течение относительно долгого времени, оставаясь также важной единицей крестьянского двора. И те, и другие были сельскохозяйственными и несельскохозяйственными (фабрично-заводскими, кустарными, извозными, в виде работы прислугой и др.)¹⁶. Кроме того, была еще и третья категория — домашние промыслы. Домашними считались те промышленники, которые во время промысла продовольствовались дома. В эту категорию входили кустари, содержатели промышленных заведений, должностные лица сельского управления, крестьяне, занимавшиеся случайными работами¹⁷.

Крестьяне-промысловики делились также не только на местных, домашних и отхожих, сельскохозяйственных и несельскохозяйственных, но, что особенно важно, на наемных рабочих и на самостоятельных мелких работников-хозяев. Нас, в первую очередь, интересуют те виды промысловой деятельности крестьян, которые были связаны с наймом рабочей силы: сельскохозяйственные, фабрично-заводские и другие наемные работы. На местных промыслах крестья-

не нанимались в рабочие к соседним помещикам, заводчикам, фабрикантам, крестьянам и лицам других сословий или вступали с ними в арендные отношения. На отхожих промыслах происходило то же самое, но только в других регионах, вдали от дома ¹⁸.

Наем в промышленности России, также как и сельском хозяйстве, осуществлялся в двух временных разновидностях: своевременной и заблаговременной. Вторая форма вытекала из нужды крестьян и использовалась нанимателями для понижения уровня заработной платы и поэтому имела повсеместное распространение. Например, на тресковом промысле 76,3% рабочих нанималась через забор задатков осенью и зимой ¹⁹. На кирпичных, сахарных заводах, на заготовке и сплаве леса, шахтах Донецкого бассейна заблаговременный наем также преобладал.

Кроме того, наем рабочих в промышленности России в конце XIX — начале XX в. происходил двумя способами: хозяйственным (непосредственно хозяином, администрацией предприятия) и подрядным, то есть через подрядчика. И в первом, и во втором случае отношения на рынке труда складывались в виде индивидуального или артельного найма ²⁰. Последний осуществлялся или через договор с независимой артелью, созданной самими рабочими, или с кулаком-ростовщиком (городским подрядчиком), закабалившим до этого артель крестьян-промысловиков ²¹. При этом подрядчик, если это вызывалось производственной необходимостью, иногда нанимал и индивидуальных рабочих (чаще всего поденных) и не всегда закабаленных ²².

За вторую половину XIX в. сформировался особый класс кабальных отхожих и местных полурбочих-полукрестьян. В кабалу попадали тремя путями: за прошлые долги, в виде кредитного найма или прямо через ростовщическую кредитную операцию.

В первом случае, когда крестьянин голодал или на нем копилась недоимка, кулак ссужал его деньгами для уплаты податей и заставлял отдать долг или товарами, или работой в кулацкой артели ²³.

Волостные правления сами часто сдавали подрядчикам своих недоимщиков вместе с их паспортами. Данный порядок прямо провоцировался со стороны законодательства. Согласно ст. 188 Высочайше утвержденного Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г., сельское общество могло «отдать самого недоимщика или кого-либо из членов его семейства в посторонние заработки в том же уезде или в соседственном, с условием выработанные деньги обратить в мирскую кассу» ²⁴. А при определенных условиях недоимщиков могли заставить отрабатывать долги и в отдаленных губерниях. Отдача за недоимки на работы практиковалась не только в отношении крестьян, но и лиц мещанского сословия ²⁵.

Попавшие таким образом в кабалу рабочие отдавали большую часть своего «задатка» сборщикам податей и поступали в полное распоряжение подрядчика ²⁶. В подобную зависимость рабочие могли попасть и через частные посреднические конторы (или агентов) по найму, кулаков-ростовщиков, которые фактически также закабалили крестьян ²⁷. «Есть особый класс посредников, — отмечалось в газете «Минский листок», — наезжающих по весне в деревню, которым волостное правление закабаливает сотни рабочих, впадших по разным причинам в несостоятельность по уплате казенных и мирских

налогов. Эти посредники рыскают серыми волками по деревням, нанимают целые рабочие артели и уже затем перепродают, так сказать, их труд...»²⁸.

Вторая форма зависимости рабочих была связана с таким повсеместным явлением в промышленности России, как устройство на работу в долг²⁹. Это подтверждают официальные источники и мнения исследователей того времени. Так, по окончании обсуждений проектов П.Н. Игнатьева и П.А. Валуева по рабочему вопросу, Государственный совет 12 мая 1880 г. констатировал, что в России «установился обычай найма рабочих по словесным, а иногда и письменным домашним договорам, при заключении коих наниматель выдавал задаток нанявшемуся»³⁰.

Характеризуя данный феномен в начале XX в., А.А. Микулин писал о том, «что наш фабричный рабочий живет в большинстве случаев не на имеющиеся у него средства, а на те, которые будут им лишь в будущем заработаны. Приходя наниматься на фабрику, рабочий очень часто доходит до места почти без копейки и, для того чтобы иметь возможность работать, должен немедленно получить от хозяина в кредит под будущую заработку харчей или денег. Проработавши известное время до первого получения денег, он получает уже не всю заработанную сумму, а часть ее, иногда большую половины он оставляет за забранные вперед харчи и получает на руки половину или немного более всего заработка; эти деньги тотчас у него уходят или на отсылку в деревню, или на удовлетворение других своих нужд, и он опять идет с просьбою выдать ему вперед харчи под заработку»³¹. Выдача таких кредитных авансов только что нанятым рабочим была широко распространена не только в фабрично-заводской промышленности, но и в горном деле³².

В третьей ситуации так же, как и на сельскохозяйственных промыслах, во всех регионах Европейской России действовал механизм так называемой зимней наемки — заблаговременного найма рабочих (с получением «задатков», но с низкой зарплатой).

Кабальные рабочие в большом количестве трудились на кирпичных, винокуренных и сахарных заводах, в строительстве, на погрузочно-разгрузочных работах, в рыбном промысле, на лесозаготовках и сплаве леса, шахтах, рудниках и приисках, на железных дорогах и в сфере услуг (причем, не только легальных)³³.

В докладной записке, поданной в марте 1887 г. на имя В.К. Плеве, И.И. Янжул писал, что «у нас чрезвычайно распространен в некоторых производствах обычай задатков или выдачи денег вперед, иногда в размерах весьма значительных», «наем рогожников, торфяников, кирпичников основывается на весьма крупных задатках и запретить вычеты этих денег в данных производствах практически немислимо»³⁴. По отчетам инспекторов Киевского и Харьковского фабричных округов также «был обнаружен своеобразный способ найма через подрядчиков, которые обязывались по условию поставить на завод определенное число рабочих, получали условленную плату за каждого рабочего, повышавшую действительный заработок последнего, по условию заключаемому с ним с подрядчиком, на 5—6 р., которые шли в пользу подрядчика»³⁵.

В Своде отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. отмечалось, что рабочие кирпичных заводов «нанимаются еще зимою, заключая

условия в волостных правлениях, и получают задаток, но, по приходе на завод, рабочие иногда узнают, что при существующих ценах на кирпич они могут получить плату выше той, по которой нанялись зимою, потому начинают искать поводов к расторжению договора...»³⁶. Ранее, в отчете за 1910 г., такое же положение фиксировалось не только на кирпичных, но и на «лесопильных и т.п.» заводах³⁷. В Калужской губернии под давлением нужды и волостных властей крестьяне нанимались через приказчиков на кирпичные заводы³⁸. В начале XX в. подрядные работы господствовали в горной промышленности Юга России и в строительстве в фабрично-заводской промышленности³⁹.

При найме судорабочих на внутренних водах различались два способа найма: гуртовой и раздробительный. В первом случае посредником между хозяином и судорабочими являлся поставщик или подряженный десятник, который зимой нанимал рабочих и бурлаков поодиночке в селениях, а затем поставлял их к определенному сроку к хозяину.

Положение с наймом в строительстве характеризуют Материалы к оценке промышленных заведений Тамбовской губернии. В них указывалось, что «все более или менее крупные работы в губернии производятся артелями, или от подрядчиков, и только мелкие — мастерами в одиночку»⁴⁰. На господство в плотничьем промысле подрядчиков, подвергавших эксплуатации зависимые от них артели, указывал А.А. Исаев⁴¹.

В строительстве и на кирпичных заводах подрядные работы получили наибольшее распространение и, следовательно, несли в себе самый большой конфликтный потенциал. В многочисленных прошениях нанятые подрядчиками крестьяне обращались к власти за помощью. Так, артель крестьян-каменщиков из Старицкого уезда Тверской губернии просила привлечь к ответственности братьев Муфель за обсчет рабочих. Артель крестьян-каменщиков из Динабургского уезда Витебской губернии жаловалась на подрядчиков Л.Е. Воробьева и И.П. Синицына за невыдачу расчетных книжек⁴². Рабочие жаловались на невыдачу расчета и паспортов подрядчиком И.К. Кряжевым; на невыдачу расчета на кирпичном заводе Э. Леке⁴³.

Вот как в последнем случае рабочие в своем прошении описывают создавшуюся ситуацию: «Мы дали на месте родины весной этого года (1900 г. — В.В.) наняться прикащиком Лекке, совместно с последним, на работы земляные и кирпичные на завод этого Лекке и были привезены в Петербург на завод и исполняли разные работы с конца апреля вплоть до половины сентября. Когда работы были уже окончены, Лекке прекратил всякие платежи нам...»⁴⁴.

Еще два характерных документа: докладная записка Санкт-Петербургскому губернатору от директора Департамента полиции и рапорт Санкт-Петербургского исправника о буйстве рабочих. Из этих документов узнаем, во-первых, о масштабе подрядно-артельного найма: «...более 2000 человек от 3-х артелей...» и, во-вторых, о нравах, царивших на стройках: «В Департаменте Полиции получены сведения, что 18 сего июня (1900 г. — В.В.) в Лесном корпусе, в местности, известной под названием “Сосновка”, состоялась закладка трех зданий Политехнического института, по окончании которой рабочим предложено было от подрядчиков угощение. Затем рабочие, пользу-

ясь свободным днем, продолжали кутеж на собственный счет и в 9 часов вечера, возвращаясь в нетрезвом виде в свои бараки, расположенные во 2 стане Петербургского уезда, произвели буйство, сопровождавшееся взаимным нападением одной артели на другую, причем некоторым нанесли легкие поражения бросавшимися камнями...»⁴⁵.

В Олонецкой губернии во время сбора податей или весной, когда у крестьянина заканчивался хлеб, подрядчик-десятник давал ему ссуду 15—30 руб. и гнал их на разные работы, перепродав их труд крупным промышленникам⁴⁶.

Кабальные отношения коснулись и такой специфической отрасли, как речной транспорт. Подавляющая масса команд судов на Волге набиралась из отхожих крестьян (около 70 тыс. чел. ежегодно)⁴⁷. О том, что определенная их часть была нанята кабально, мы можем узнать из условия найма типового расчетного листа, который выдавался кочегарам, матросам и рабочим, поступившим на службу на суда, принадлежавшие надворному советнику Д.И. Образцову. Пункт 8 условия гласил: «Если я вследствие получения задатка, уплаты за меня податей или по иному случаю, окажусь в переборе, то предоставляю право Д.И. Образцову до уплаты моего долга, удерживать с меня ежемесячно половину получаемого мною жалованья или сколько будет указано управляющим особою отметкой в расчетном листе»⁴⁸.

При описании ситуации, сложившейся в начале XX в. на железных дорогах, эксперты Военного министерства отмечали, что здесь «независимо от постоянных рабочих... скопляется иногда значительное число рабочих, нанимаемых через подрядчиков (подобно тому, как при производстве работ инженерным ведомством)»⁴⁹. Водные коммуникации Министерства путей сообщения также чаще всего обслуживались и ремонтировались подрядными рабочими. И только в начале XX в. их начали постепенно вытеснять рабочие артели, созданные по почину местных чиновников министерства. Причем на практике было установлено, что подрядный способ был дороже артельного примерно на 40%⁵⁰.

В конце XIX в. на шахтах Донецкого бассейна артели и одиночные рабочие также нанимались или от подрядчика, или хозяйственным способом, то есть непосредственно администрацией. По исследованиям, произведенным в 1886 г. в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии, оказалось, что от контор была нанята 31 артель с 798 рабочими, которые обошлись рудникам в 17 562 руб. в месяц (22 руб. на одного рабочего), а через подрядчиков — 15 артелей с 237 рабочими с расходами в 8976 руб. в месяц (37 руб. на одного рабочего). При найме отдельных рабочих от конторы был нанят 271 рабочий, они обошлись рудникам в 5779 руб. (21 руб. на одного рабочего), а от подрядчика — 262 чел. с расходом 5985 руб. в месяц (23 рубля на одного рабочего). Из этого следует, что, во-первых, наем рабочих артелями на шахтах происходил в 2 раза чаще, чем отдельных рабочих, так как был гораздо удобнее, производительнее и выгоднее. Разница в один рубль на одного рабочего с излишком окупалась уменьшением расходов на администрацию. Во-вторых, наем от конторы происходил почти в 2 раза чаще, чем от подрядчика и был дешевле⁵¹. Подрядчик на шахте получал «львиную долю барышей,

эксплуатируя по плантаторски рабочих и разоряя рудник» столбовым способом выемки угля ⁵².

Злоупотребления подрядчиков в отношении рабочих довольно часто встречались и на горных заводах и промыслах, что даже побудило законодателя ввести в Устав горный статью 657, которая потребовала от подрядчиков исполнения законов о найме и, вместе с тем, устанавливала прямую материальную ответственность завода за аккуратность подрячика в уплате заработка рабочим ⁵³. По иному подходили к решению данной проблемы в Министерстве финансов. Так, Владимирское губернское по фабричным делам присутствие отмечало, что предприниматели иногда отказывали находившимся у них на фабрике рабочим в выдаче расчетных книжек на том основании, что они состояли на подряде у третьего лица, которое само должно было нести за них ответственность. В связи с этим присутствие снимало ответственность с фабричных управлений только в том случае, если они заключали письменный договор с подрядчиками, имевшими промысловое свидетельство. Тем самым масса рабочих, нанятых подрядчиками без этих формальных обстоятельств, оставались без расчетных книжек ⁵⁴.

Во всех этих случаях, как и при сельскохозяйственных кабальных отработках ⁵⁵, рабочий не нанимался в классическом смысле, не продавал свой труд за известную плату, а наоборот, платил трудом, обязуясь отработать за то, чем его снабдили в рост. Поэтому сумма, выплаченная ему заранее, являлась не задатком, а суммой кабального займа. Сам подрядчик, в отличие от рядчика и комиссионера, стремился как можно больше взять с двух сторон: и с нанимателя, и с рабочего ⁵⁶.

Социально подрядчики происходили из разных слоев населения. Были в их рядах инженеры, бывшие десятники, купцы, еврейские торговцы. Большую же долю составляли бывшие рядчики (артельные старосты), то есть лица, которых артель крестьян-рабочих выбирала в качестве уполномоченных коллектива для заключения договора (ряды) с нанимателем. В этом плане весьма интересным документом, показывающим переходный характер рядчика-подрядчика, является прошение Дмитрия Андреевича Башловкина, крестьянина деревни Трубино Могиленской волости Себежского уезда Витебской губернии на имя Санкт-Петербургского губернатора о воздействии на нанимателя с целью заставить его выплатить рабочим законную зарплату. В начале прошения Д.А. Башловкин представляется подрядчиком артели Усть-Тосненского кирпичного завода, но в конце документа подписываясь, он указывает свой старый статус — «артельный староста крестьянин Витебской губернии» ⁵⁷.

Подрядчик мог быть посредником между артелью и хозяином, войти в состав артели мастеров на выгодных условиях, а мог, уже порвав с артельным началом, набирать «себе партию настоящих наемщиков» ⁵⁸.

Подрядные работы очень сильно зависели, во-первых, от умения подрячика «организовать» спрос, то есть отрегулировать непростые отношения с частными хозяевами или инженерами и чиновниками различных ведомств и, во-вторых, от предложения рабочих рук крестьян, отправлявшихся на местные и отхожие промыслы. Один бывший подрядчик по этому поводу вспоминал: «Знаете, подрядчик, собственно не работает, а всегда играет... Урожайный год, рабочие дороги — банк сорван, неурожайный — банк взят» ⁵⁹.

Подряды были частные и казенные. Все работы в ведомствах по казенным подрядам распределяли специальные комиссии. Часть работ выставляли на торги-аукционы подрядчикам, которые соревновались в предоставлении работ по наиболее низкой цене. Другую часть работ осуществляли так называемым хозяйственным способом, то есть через наем администрацией одиночных рабочих (поденщиков, сроковых) или артелей. Для этих целей администрация нанимала «сдельщика», который, в отличие от подрядчика, не платил ни гербового, ни больничного, ни промыслового налога, а также пользовался льготами нарядившего его ведомства. Например, «сдельщики» Министерства путей сообщения могли бесплатно перевезти нанятых рабочих из любой части страны, тем самым понижая их зарплату. Фактически «сдельщики» функционально были теми же самыми подрядчиками, но без их капитала ⁶⁰.

В городах некоторые наемные работы, не требующие особой специализации, выполняли местные арестанты, сбивая цену для вольных рабочих. Газета «Северный курьер» по этому поводу писала: «Полագающаяся за эти работы плата, получаемая тюремной конторой, часто вдвое ниже той платы, которая стоит на вольном рабочем рынке... Естественно, что участие арестантского труда в работах, хотя бы и в незначительной степени, вытесняет вольнонаемный труд прямо и косвенно, — понижая заработную плату... Разумеется, то, что теряют здесь рабочие, выигрывают подрядчики и прочие наниматели» ⁶¹. Иногда от безысходности крестьяне сами стремились попасть под арест, чтобы иметь казенное довольствие и при этом заработать хоть какие-нибудь деньги ⁶². «Чернорабочий-арестант обеспечен работой: кроме казенного содержания, у него остается даже чистый заработок, тогда как многие бродячие рабочие, даже имевшие работу, возвращаются домой ни с чем» ⁶³.

Требуют серьезного критического отношения официальные сведения о заработной плате рабочих в тех отраслях и на тех предприятиях, где преобладал или имел значительное место кабальный наем. Дореволюционный исследователь феномена кабалы Г.П. Сазонов, приведя большое количество фактов ущемления интересов отхожих рабочих подрядчиками в различных отраслях ⁶⁴, констатировал, что «обирание рабочего кулаком дошло до крайних пределов; вернее, перешло всякие пределы; что за совершенно излишний, непроизводительный труд кулаки берут у труженика целую половину его заработка; что нередко и этого им мало, и они отбирают даже 2/3 заработка» ⁶⁵. Эти же факты подтвердили и другие исследователи ⁶⁶.

Заработок свободных артельщиков был в целом выше, чем у рабочих, нанятых подрядчиком, за исключением искусных мастеров. Так, обычный годовой заработок артельного плотника в Дмитровском уезде Курской губернии колебался от 60—80 до 120—140 руб., а работавшего по найму — от 40—50 до 80—90 руб.; каменщика в артели — от 90—100 до 140—160 руб., а у подрядчика — от 40 до 90—110 рублей ⁶⁷. Кроме того, в несамостоятельных артелях (кабальных или зависимых от государственных структур) рабочие зачастую не могли решать многие внутриартельные вопросы без согласования с подрядчиком, хозяином или соответствующим чиновником ⁶⁸.

Особую роль в закабалении рабочих в фабрично-заводской промышленности играли так называемые старосты. В связи с тем, что

выдача заработной платы в конце XIX в. очень часто происходила только 4—6 раз в год, должность старосты становилась ключевой в отношениях между рабочими и администрацией предприятия. Не имея наличных денег, рабочие обращались за помощью к старосте, а тот, в свою очередь, ссужал их своими или хозяйскими деньгами по мелочам за определенный процент (обыкновенно, 10—20 коп. с рубля от счета до счета, а в течение года — от 40 до 100%). Потом все это вычиталось из заработков должников. Таким образом, рабочие находились в постоянной зависимости от старост, и укреплению этого института фабриканты уделяли особое внимание, зачастую влияя на исход выборов старост в артелях. По подсчетам П.А. Пескова, только на одной суконной фабрике Носова за год старостами раздавалось около 9 тыс. руб. под 20% от счета до счета (счетов в году было 5), что позволяло возвращать в контору в два раза больше денег ⁶⁹.

Скудость источниковой базы не позволяет точно оценить масштабы кабального найма в пределах всей Европейской России. Однако по некоторым отраслям такие данные имеются.

В первую очередь, сошлемся на мнение Н.В. Шаховского: «Большую часть отхожников несельскохозяйственных притягивают столицы и вообще большие города и крупные населенные центры... Они в большинстве случаев знают, куда идут и, владея специальным знанием, не остаются в массе без заработка...

Наем таких рабочих производится обыкновенно заблаговременно подрядчиками, которые ставят их на работы, причем, к месту работы их отправляют обыкновенно на счет нанимателей» ⁷⁰.

Обратимся к тем сведениям, которые в конце XIX в. собрал и обобщил В.П. Воронцов, когда занимался исследованием русских артелей ⁷¹. По меньшей мере, в половине рассмотренных Воронцовым случаев артели находились под контролем подрядчиков. При этом надо учитывать, что по подсчетам А.А. Рыбникова, накануне первой мировой войны в мелкой промышленности было занято около 5,2 млн чел., в том числе в сельской — 4 млн чел., из которых примерно половину составляли наемные рабочие ⁷². Следовательно, можно предположить, что на долю закабаленных наемных работников в мелкой промышленности приходилось около 1 млн человек.

Комиссия по улучшению быта рабочих военного ведомства, работавшая с 1902 по 1905 г., установила, что из 108 108 рабочих военных предприятий 50 689 чел. (46,89%) нанимались от подрядчика ⁷³. Комиссия зафиксировала также тот факт, что «работающий от подрядчика прежде всего не обеспечен в получении заработка». «Беспорных доказательств у него нет, да он и не имеет возможности судиться. Этим пользуются некоторые подрядчики и, заставив рабочего проработать все лето, не доплачивают ему значительную часть следуемой суммы...» ⁷⁴. То есть получается, что кабально нанятый рабочий мог быть повторно ограблен тем же подрядчиком.

Зная эту ситуацию, военный министр дважды — в 1898 и в 1903 г. — ставил своим подчиненным задачу выработать и реализовать меры защиты интересов рабочих от давления подрядчиков. Однако все усилия были тщетны, так как законодательство не давало возможности удержать с подрядчика «следуемые его рабочим деньги» ⁷⁵.

При рассмотрении других категорий рабочих военного ведомства бросается в глаза большая доля временных работников. Это так называемые срочные рабочие (20 200 чел.), нанимавшиеся на продолжительные сроки, но менее года, и валовые рабочие (8 223 чел.), которые нанимались на короткие сроки с расчетом поденно и понедельно ⁷⁶. Это были местные и отхожие крестьяне, которых часто заблаговременно нанимали через выдачу задатка командированные офицеры или классные чиновники, то есть, используя формы кабального найма ⁷⁷.

В интендантских заведениях Военного министерства (обмундировальные и обозные мастерские, хлебопекарни, мукомольни, сенопрессовальни) даже в начале XX в. основной рабочий контингент формировался за счет нижних чинов ⁷⁸.

29 176 чел. постоянных рабочих представляли собой довольно специфический отряд рабочего класса. Это были в основном рабочие Главного артиллерийского управления (ГАУ), которые ранее являлись приписанными к заводам мастерами-оружейниками, освобожденными в 1864—1868 годах. Им были бесплатно предоставлены усадьбы с застройкой, а в Сестрорецке и Ижевске отводились пахотные наделы. Таким образом, военное ведомство получило «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих ⁷⁹. Большинство рабочих артиллерийских заводов оказались мелкими собственниками, располагавшими своим хозяйством и возможностями для самостоятельного мелкотоварного производства, которому не ставилось каких-либо ограничений ⁸⁰. Например, тульские оружейники еще с конца XVIII в. получили разрешение «торговать, тако ж лавками и анбарами владеть» ⁸¹. И многие семьи оружейников эффективно воспользовались этим правом. Еще в 40—60-е гг. XIX в. за тульскими мастерами числилось 51 партикулярное заведение, принадлежавшее 56 владельцам. Из них 37 «фабрик» были связаны с металлообработкой (24 слесарных и 13 самоварных), другие занимались изготовлением печных изразцов, столярных изделий, экипажей и гармоний. Некоторые заведения использовали по 50 и больше человек рабочей силы ⁸².

В связи с тем, что крупная русская буржуазия поначалу не стремилась к помещению своих капиталов в военную промышленность, а мелкие капиталы бывших «цеховых мастеров» не рассматривались всерьез ⁸³, государство пошло по пути «насаждения капитализма сверху», передав оружейные заводы в арендно-коммерческое управление их командирам ⁸⁴. Это была квазикапиталистическая неотрадиционная форма, так как арендаторы, стремясь к максимальной прибыли, использовали кабальные методы эксплуатации. Из 2873 рабочих, занятых производством оружия на Тульском заводе, 1389 чел. работали в домашних условиях. Сходные процессы имели место в Ижевске и Сестрорецке, где производство, ранее объединенное в стенах завода, превратилось в централизованно-рассеянные мануфактуры.

После срыва заводами в начале 1870-х гг. казенных заказов ⁸⁵ было принято решение превратить их в государственные-капиталистические фабрики ⁸⁶. Однако и после этого мелкотоварное производство продолжало сосуществовать с крупным производством, хотя и в меньших объемах. Фабричные рабочие эксплуатировали в домашних условиях рабочих, не нашедших места на фабрике, а сами предприятия

с разрешения ГАУ передавали изготовление шомпольных ружей и шашек местным кустарям. Наблюдатели отмечали распространение таких форм производства и на частных оружейных предприятиях ⁸⁷. Таким образом, тесная связь военного государственно-капиталистического уклада с мелкотоварным позволяла сохранять на местах резервы квалифицированной рабочей силы, необходимые на случай спешного увеличения производства.

Совершенно особую форму представлял собой наем горнозаводских рабочих. Высочайше утвержденными дополнительными правилами о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов от 19 февраля и Положением о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов от 8 марта 1861 г. все население казенных, посессионных и частных уральских заводов было разделено на две категории: мастеровых и сельских работников. В первую категорию вошли лица, занимавшиеся техническими горнозаводскими работами, во вторую — те, которые выполняли различные вспомогательные, преимущественно конные, работы и, кроме того, занимались хлебопашеством ⁸⁸. Сельские работники в отношении поземельного устройства ставились в то же положение, в какое и большинство крестьянского населения России, а мастеровые, число которых составляло $\frac{4}{5}$, получали лишь усадебную оседлость и десятину покосов. Поэтому при прочтении уставных грамот заводские люди не соглашались на такие условия, так как для осуществления обычных работ им необходимо было до 3 лошадей на каждого работника и до 3 десятин покосов на душу. Кроме того, гнетущие воспоминания прошлого были так сильны, что многие рабочие стремились быстрее уйти с заводов. Удержать их не могли даже обещанные заводоуправлениями социальные льготы горнозаводских товариществ и послабления по рекрутской службе. Только из Богословского округа убыло около 3 тыс. взрослых мужчин, что при населении в 10 тыс. чел. обоего пола составляло $\frac{3}{4}$ всего мужского населения. Из 12-тысячного населения Миасских заводов $\frac{2}{3}$ ушло после освобождения. Оставшиеся рабочие еще некоторое время уклонялись от заключения длительных соглашений. В некоторых случаях дело доходило даже до приостановки производства и закрытия заводов ⁸⁹.

В создавшихся условиях горнопромышленники старались задержать размывание горнозаводского слоя и теснее привязать его к окружному хозяйству. С этой целью применялись различные формы: отработки за пользование отрезками (10—50% принадлежавшей ранее земли), льготная аренда, ссуды на обзаведение инвентарем и скотом. В результате, постоянно росло фактическое землепользование горнозаводского населения. В целом по Уралу за время с 1861 по 1917 г. землепользование указанной категории увеличилось на казенных и посессионных заводах вдвое, а на некоторых частных — даже в 5 раз ⁹⁰. Однако эти цифры нуждаются в корректировке. По данным исследования Пермской губернской земской управы «Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении», проведенного в 1900 г., 361 тыс. или 64,2% мастеровых (общее число горнозаводского населения было равно 663 тыс. чел.; из них

562 тыс. 801 чел. — это бывшие мастеровые, а 100 тыс. 578 чел. — это бывшие сельские работники) совсѣм не имели пашни, а из имевших — владели землей в размере $\frac{1}{2}$ десятины на наличную мужскую душу. Из сельских работников 53,6% имели менее 1 десятины на душу, 22,4% совсѣм не имели пашни ⁹¹. Таким образом, земли у горнозаводского населения было не очень много, и она неравномерно распределялась среди рабочих.

К концу века ситуация на Урале изменилась. Центр тяжести горнозаводской деятельности переместился в другие районы страны и поэтому прирост населения на Урале обгонял спрос на рабочие руки.

В целом можно констатировать, что типичной фигурой горнозаводской промышленности Урала был потомственный рабочий из местного горнозаводского населения, хотя к концу XIX в. значительное количество бывших крепостных и их потомков перестало работать на горнозаводских предприятиях, перейдя к занятию сельским хозяйством или кустарными промыслами, либо найдя заработок на фабриках и в торговле ⁹². Потомственные рабочие имели свой дом и хозяйство, которое не было главным источником существования, но серьезно деформировало капиталистические отношения.

Эта деформация заключалась в том, что при сохранении экономической и отчасти внеэкономической зависимости уральских горнозаводских рабочих от «своих» заводчиков-помещиков, «свободная» купля-продажа рабочей силы фактически не была таковой. Их заработная плата была много ниже, чем у рабочих других промышленных районов, причем значительную ее долю по-прежнему составляла натуральная «доплата» в виде дохода рабочих от своего личного хозяйства. Это хозяйство и клочок «своей» земли, привязывая рабочих к заводам, ограничивали их кругозор, затрудняли формирование классового сознания ⁹³.

Примеры деятельности предприятий ГАУ и горнозаводских округов дают основание предполагать, что кабальные отношения в промышленности России проявлялись не только через наем рабочей силы, но и в других формах.

Например, хозяева текстильных предприятий центральной России стремились прикрепить рабочих к своему производству всеми способами. Так, в 80-е гг. XIX в. в России были введены расчетные книжки на фабрично-заводских предприятиях, в которых фиксировались условия найма, и эти книжки должны были по закону храниться у рабочих. Но хозяева забирали их, тем самым, прикрепляя рабочих к своим предприятиям. Рабочие долгое время соглашались с таким положением вещей. Это было связано с представлением о хозяине не как о лице, воплощавшем другую, равноправную сторону трудового соглашения, а как о патриархе, «милостью Божьей» обеспечивающего работой ⁹⁴. Прикрепление рабочих осуществлялось и путем задержки заработной платы, выдачи ее 4—5 раз в год, а также временными вычетами ⁹⁵. На провинциальных фабриках ЦПР с той же целью практиковалось предоставление рабочим различных патриархальных льгот: помощь в обзаведении огородом, в приобретении жилья, медицинском обслуживании, получении образования ⁹⁶. Суть данного феномена верно была подмечена земскими исследователями Екатеринославской губернии: «Собственно говоря, вся система отно-

шений капиталистов... к рабочим построена на том, чтобы как-либо удержать их в пределах этого каторжного труда»⁹⁷.

По сути, фабриканты, хозяйствовавшие в рабочих поселках ЦПР, продолжали традиции, заложенные С.И. Мальцовым в 1839—1893 годах. В его «империи», имевшей свои деньги, включавшей 2000 кв. верст, 22 больших завода, около 100 тыс. рабочих, железную дорогу на 203 версты, 43 мельницы, 13 лесопилен, 13 хуторов, 12 кирпичных заводов, 26 угольных печей, был введен, как писал один автор, «патриархально-семейный помещичий строй»: еще при крепостном праве он ввел 8-часовой рабочий день, строил для рабочих дома по 3—4 комнаты, давал им землю и уголья у домов, открывал школы, 5-летние технические училища, богадельни для стариков. Зарплату рабочие получали в основном не деньгами, а натурой из магазинов. Когда в 1875 г. было создано мальцовское торгово-промышленное товарищество, то рабочие и служащие получили возможность участвовать в его прибылях⁹⁸.

Фактический заработок рабочего на протяжении всего рассматриваемого периода был всегда меньше указываемого в официальных источниках вследствие не только роста цен, но также его скрытого и явного снижения. К числу подобных приемов относились: задержка зарплаты, обсчет при сдельных работах, штрафы, выдача части заработка талонами в заводские лавки, где цены на предметы первой необходимости были выше рыночных, взяточничество⁹⁹, редкая выдача зарплаты (4—6 раз в год), система поручительства, при которой поручитель отвечал своим заработком, вычеты за прописку паспорта, на расчетную книжку или тетрадь¹⁰⁰ и др. О данных фактах сообщали или сами рабочие, или они фиксировались официальными лицами. Так, в рапорте Царскосельского уездного исправника Санкт-Петербургскому губернатору от 7 сентября 1905 г. указывалось, что «арендатор Введенского стекольного завода, личный почетный гражданин Фёдор Карлович Шварцгоф уже второй месяц не платит мастерам и рабочим заработанных денег». О взяточничестве и незаконных штрафах писали в прошении от января 1912 г. рабочие московского трамвайного парка г. Санкт-Петербурга. Во всенижайшем прошении на имя министра внутренних дел рабочие Александровского сталелитейного завода указывали, что два года они не получали даже половины своего заработка¹⁰¹.

Временные вычеты из жалованья были обычным явлением при найме судорабочих на Волге. Каждый рабочий оставлял за навигацию в кассе нанимателя около 30 руб. так называемых «навигационных» и залоговых денег, которые возвращались рабочему обратно, но уже «в виде награды», которую за проступки можно было и не получить. В результате только за одну навигацию предприниматели получали от рабочих беспроцентный заем в размере 2 млн рублей¹⁰².

Несвоевременная выдача заработной платы вынуждала рабочих прибегать к невыгодному кредиту у предпринимателя¹⁰³. До 1890-х гг. на большинстве фабрик и заводов снабжение рабочих происходило только через продовольственные лавки, принадлежавшие хозяевам или зависимым от них лавочникам. При этом «только на очень немногих фабриках и заводах все покупки производятся на наличные деньги» — читаем мы в отчете фабричного инспектора Владимирской

губернии П.А. Пескова. Чаще всего использовались книжки или какие-нибудь другие бумажные знаки, по которым производился забор товаров в лавках. Цены в фабричных лавках одной и той же местности сильно варьировались и в целом отличались от рыночных на 20—80% ¹⁰⁴. Хозяева наживали от 8 до 10 тыс. руб. прибыли от лавочной торговли. Причем иногда они сдавали свои лавки в аренду лавочникам с условием выплаты им определенной суммы ¹⁰⁵. Даже после издания закона от 3 июня 1886 г., затруднившего деятельность продовольственных лавок прежнего типа, на некоторых предприятиях продолжали встречаться рецидивы прошлого в области продовольственного обеспечения рабочих. Особенно это было характерно для предприятий, расположенных в сельской местности Центрального промышленного района ¹⁰⁶.

Таким образом, кабала в России в конце XIX — начале XX в. — это форма зависимых отношений, возникавшая не в силу внеэкономического принуждения, а в результате монопольного положения на рынке одной из сторон этих отношений, навязывавшей другой стороне свои условия экономической деятельности через ростовщическую сделку, ограничения доступа к ресурсам или благотворительное связывание этими ресурсами. В результате она приобретала экономический и в определенной мере личный характер зависимости.

В период модернизации кабала получила квазикапиталистический характер, для которого свойственна продажа на капиталистическом рынке продуктов, произведенных в некапиталистическом секторе. Ее формами стали: кабальный наем, ростовщичество, продовольственная зависимость рабочих, зависимость рабочих от организации оплаты труда, бытовая зависимость (хозяйские жилье, огороды, уголья и т.д.), отработки, кабальная аренда.

Кабальный наем представлял собой кредитную операцию, долг по которой отдавался трудом должника с большими процентами. Он являлся своего рода прикреплением работника к определенным видам трудовой деятельности, так как уходу от «нанимателя» изначально препятствовала ростовщическая ссуда. При этом однако было бы ошибкой кабальный наем представлять только пережиточной формой крепостного права послепетровской эпохи, ибо кабальное прикрепление развивалось и как вполне самостоятельный феномен на основе смещения ростовщической сделки из сферы продажи собственной личности наймита для осуществления трудовых операций в сфере продажи им своей рабочей силы, но с неминуемым ограничением его прав как личности.

Важнейшим политэкономическим последствием кабального найма явилось создание условий, препятствовавших образованию не только цены производства, но и рыночной стоимости. Это дает основание утверждать, что сам наем в данном случае лишь внешне имел капиталистический характер, но, по сути, находился только на ранней буржуазной стадии капиталистического генезиса. Поэтому его влияние на становление классического капиталистического найма и в целом на процессы буржуазной модернизации в России должны стать предметом отдельного специального исследования.

1. ЭНГЕЛЬС Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону, 17 октября 1893. В кн.: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. 39. М. 1962, с. 128; ЭНГЕЛЬС Ф. Письмо К. Марксу в Лондон, 23 сентября 1852 г. Там же, т. 28, с. 116; МАРКС К. Письмо Ф. Энгельсу в Манчестер, 8 октября 1858 г. Там же, т. 29, с. 295; ВЕБЕР М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг. 1923, с. 177—178; ЛЕНИН В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М. 1952, с. 140.
2. МАРКС К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. М. 1989, кн. 3, с. 214—215.
3. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 26. СПб. 1894, с. 775.
4. Там же.
5. ДАЛЬ В. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 2. СПб.-М. 1912. с. 166—167.
6. БЫКОВ А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб. 1909, с. 140.
7. ВЕБЕР М. Основные понятия стратификации. — Социс. 1994, № 5, с. 154; ЛЕНИН В.И. Ук. соч., с. 384.
8. МАКАРЕНКО А. Отхожие и кабальные рабочие. — Юридический вестник. 1887, т. XXIV, кн. 4, с. 736.
9. ЛЕНИН В.И. Ук. соч., с. 160—162.
10. ВАРБ Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве. Общественно-юридические очерки. М. 1899, с. 12—13.
11. ЩЕРБИНА Ф. В каких законах нуждаются сельские рабочие? — Северный вестник. 1886, май, с. 73.
12. В.В. Зимняя наемка. — Наблюдатель. 1885, № 2, с. 44—45.
13. ГВОЗДЕВ Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. СПб. 1898, с. 117.
14. КРУЗЕ Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900—1914 гг. Л. 1976, с. 156, 185, 214.
15. ОЖЕГОВ С.И. Словарь русского языка. М. 1985, с. 533.
16. ШАХОВСКОЙ Н.В. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. СПб. 1895, с. 1—2; МЕЕРКОВ А.Н. К вопросу об отхожих промыслах, переселенческом и богомольческом движении в Воронежской губернии за 1911 год. В кн.: Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. Воронеж. 1914, с. 2.
17. ПЕШЕХОНОВ А.В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. СПб. 1906, с. 46.
18. ШАХОВСКОЙ Н.В. Ук. соч., с. 1—2.
19. РОМАНОВ Н.В. Наемные рабочие в тресковом промысле. В кн.: Русское судоходство торговое и промысловое на реках, озерах и морях. СПб. 1901, с. 29.
20. ЭДЕЛЬШТЕЙН В.И. Биржи труда. Организация посредничества по приисканию работы и рабочих на Западе и в России. Пг. 1916, с. 123—124; ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Положение рабочего класса в России. М. 1938, с. 301.
21. ГВОЗДЕВ Р. Ук. соч., с. 108, 113; В.В. Артели для подрядных и наемных работ. — Новое слово. 1896, № 11, август, с. 33—49; ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Ук. соч., с. 400, 402, 453.
22. НАРСКИЙ Н. Подрядчики и инженеры. Из воспоминаний десятника Поморцева. Оренбург. 1913.
23. Там же, с. 738; ТРИРОГОВ В. Община и подать. СПб. 1882, с. 192; ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Ук. соч., с. 116, 136, 142, 144, 221, 229.
24. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXVI, отд. I, № 36657.
25. ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Ук. соч., с. 447.
26. МАКАРЕНКО А. Ук. соч., с. 736; В.В. Зимняя наемка, с. 59; ТРИРОГОВ В. Община и подать. СПб. 1882, с. 195; ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Ук. соч., с. 142, 144, 299; СЕМЕВСКИЙ В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. II. СПб. 1898, с. 92.

27. ЭДЕЛЬШТЕЙН В.И. Ук. соч., с.124.
28. Минский листок. 20.III.1890.
29. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. II. Екатеринослав. 1886, с. 240.
30. ПАЖИТНОВ К.А. Положение рабочего класса в России. Т.II. Л. 1924, с. 233.
31. МИКУЛИН А.А. Фабричная инспекция в России. 1882—1906. Киев. 1906, с. 81.
32. БЫКОВ А.Н. Ук. соч., с. 194.
33. САЗОНОВ Г. Кабала в отхожем промысле. — Наблюдатель. 1889, № 4, апрель, с. 137—159; МАКАРЕНКО А. Ук. соч., с. 727—740; СИНОВА И.В. «Арендное пользование детьми» (об эксплуатации детей в повседневной жизни России во второй половине XIX — начале XX в.). Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII—XXI вв.): материалы международной научной конференции 14—16 марта 2013 г. СПб. 2013, с. 15—20; БОГУЦКИЙ Э.Ф. Положение горнорабочих в Донецком бассейне. — Юридический вестник. Т. VI. 1890, с. 453—461; ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Ук. соч., с. 135, 293, 296, 396; ЛЕНИН В.И. Ук. соч., с. 456—457.
34. Докладная записка профессора И. Янжула по поводу фабричного закона 3 июня 1886 г. В кн.: ЯНЖУЛ И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва, Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб. 1907, с. 224.
35. МИКУЛИН А.А. Ук. соч., с. 40.
36. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. Пг. 1914, с. LVIII.
37. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 год. СПб. 1911, с. L.
38. МАКАРЕНКО А. Ук. соч., с. 736.
39. КРУЗЕ Э.Э. Ук. соч., с. 214.
40. Материалы к оценке промышленных заведений Тамбовской губернии по закону 8 июня 1893 года. Тамбов. 1904, с. 31.
41. ИСАЕВ А.А. Артели в России. Ярославль. 1881, с. 289—290.
42. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 569, оп. 1 д. 257, л. 1—1об.; д. 996, л. 1.
43. Там же, д. 131, л. 1; ф. 253, оп. 3, д. 4717, л. 1.
44. Там же.
45. Там же, л. 77, 80.
46. МАКАРЕНКО А. Ук. соч., с. 736.
47. НИКИТИН А.Ф. Условия найма судорабочих на Волге (по расчетным книжкам). СПб. 1902, с. 16, 22.
48. Расчетный лист надворного советника Д.И. Образцова. Условие найма кочегаров, матросов и рабочих. Казань. 1889, с. 2.
49. Труды Высочайше учрежденной комиссии по улучшению быта рабочих Военного ведомства. СПб. 1905, с. 380.
50. АНОСОВ А.В. Рабочие артели. Краткий обзор деятельности ремонтных артелей в Казанском округе п. с. за десятилетие 1903—1914 гг. Сб. Казанского округа путей сообщения. Казань. 1914, вып. LXIX, с. 22—24.
51. БОГУЦКИЙ Э.Ф. Ук. соч., с. 454.
52. ВЕРЕЩИНСКИЙ Л. Рабочий шахтер в Донецком бассейне. Очерк. СПб. 1893, с. 14.
53. БЫКОВ А.Н. Ук. соч., с. 195.
54. Сборник положений, правил, разъяснений и обязательных постановлений о надзоре за заведениями фабричной промышленности, изданный Владимирским губернским по фабричным делам присутствием. Владимир. 1894, с. 67.
55. ЩЕРБИНА Ф. Ук. соч., с. 73.
56. ТРИРОГОВ В. Ук. соч., с. 204—205.
57. ЦГИА СПб, ф. 253, оп. 3, д. 4717, л. 87—88.
58. В.В. Артель в кустарном промысле. СПб. 1895, с. 174.
59. НАРСКИЙ Н. Ук. соч., с. 89.
60. Там же, с. 48—49; Сборник правил и узаконений, относящихся до производства торгов и совершения договоров по обязательствам частных лиц с казною. Виль-

- но. 1880, с. 1—163. В качестве примера см.: Кондиции на отдачу с торгов подряда работ по канализации Пересыпи. Одесса. 1913.
61. П.Р.С. Тюремный труд. — Северный курьер. 1899, № 28.
 62. ТРИРОГОВ В. Ук. соч., с. 200.
 63. П.Р.С. Ук. соч.
 64. Например, в конце XIX в. в центральной России в самостоятельной артели рабочий первой руки — каменщик — получал за лето 140—160 руб., а у подрядчика — 90—100 руб.; плотник в артели — 120—140 руб., у подрядчика — 80—90 рублей. Шигровский подрядчик получал от экономии по 3—5 руб. с 1000 кирпичей, а рабочему давал только 1 рубль. На заводе Рогозина возле Ярославля артели в 50 чел. доставалось 400 руб. в месяц, а подрядчику — 650 рублей. Заработок рабочего в кабальной артели на лесных промыслах был равен 30—50 руб. за 8 месяцев, а при самостоятельном найме он мог получить от хозяина 80—100 рублей.
 65. САЗОНОВ Г. Ук. соч., с. 143—144.
 66. В.В. Артели для подрядных и наемных работ, с. 41; МАКАРЕНКО А. Ук. соч., с. 736—740; В.В. Зимняя наемка, с. 57—61; ПАЖИТНОВ К.А. Ук. соч., с. 76.
 67. В.В. Артель в кустарном промысле, с. 181.
 68. ИСАЕВ А.А. Ук. соч., с. 171—173; В.В. Артели для подрядных и наемных работ, с. 38—44.
 69. ПЕСКОВ П.А. Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. — Труды комиссии, учрежденной г. Московским Генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. М. 1884. Выпуск второй (2-я и 3-я глава), с. 80—83.
 70. ШАХОВСКОЙ Н.В. Ук. соч., с. 5.
 71. В.В. Артель в кустарном промысле.
 72. РЫБНИКОВ А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М. 1922, с. 4.
 73. ЛИСОВСКИЙ Н.М. Рабочие в военном ведомстве (По поводу «Трудов» Высочайше учрежденной Комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства). СПб. 1906, с. 9—10.
 74. Там же, с. 10.
 75. Там же, с. 11.
 76. Там же, с. 9.
 77. Труды Высочайше учрежденной комиссии по улучшению быта рабочих Военного ведомства. СПб. 1905, с. 129об.
 78. ЛИСОВСКИЙ Н.М. Ук. соч., с. 6.
 79. ЛЕНИН В.И. Ук. соч., с. 486.
 80. АШУРКОВ В.Н. Рабочие заводов артиллерийского ведомства в эпоху капитализма (Особенности их положения и классовой борьбы). В кн.: Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. Ростов-на-Дону. 1972, с. 167—168.
 81. Государственный архив Тульской области (ГА ТО), ф. 187, оп. 1, д. 178, л. 83.
 82. ТРУТНЕВА Н.Ф. Тульские оружейники — владельцы заводов и фабрик в г. Туле в 40—60 гг. XIX в. В кн.: Из истории металлургии и металлообработки в Туле: Сб. статей. Тула. 1994, с. 53—58.
 83. В Туле в 1863 г. бывшие «цеховые мастера» выдвинули требование о передаче им в аренду завода. Однако оно было решительно отвергнуто правительством. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 504, оп. 7, д. 5, л. 49; д. 959, л. 100—101, 119.
 84. Там же, д. 956, л. 53.
 85. Там же, д. 953, л. 552об., 555, 557об., 558.
 86. Там же, д. 966, л. 66, 74.
 87. АШУРКОВ В.Н. Предприятия военного ведомства как элемент многоукладной экономики России. — Вопросы истории капиталистической России. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск. 1972, с. 109—116.
 88. ПСЗ РИ. Собр.2-е, т. XXXVI, отд. I, № 36667, № 36719.

89. ПАЖИТНОВ К.А. Ук. соч., с. 49—51; СЕМЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 467—486.; БЕ-ЗОБРАЗОВ В. Уральское горное хозяйство. СПб. 1869.
90. АДАМОВ В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала. В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. М. 1966, с. 173—174.
91. ПАЖИТНОВ К.А. Ук. соч., с. 55.
92. АДАМОВ В.В. Ук. соч., с. 172.
93. ГУСЬКОВА Т.К. Облик рабочих Урала. В кн.: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М. 1970, с. 297.
94. ПУШКАРЁВА И.М. Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России. В кн.: Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М. 2001, с. 301.
95. НИКИТИН А.Ф. Ук. соч., с. 22.
96. ТАЛАНОВА О.Ю. Фабричные поселки ЦПР: социальная деятельность местных предпринимателей в начале XX века. В кн.: Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора Ю.И. Кирьянова. Кострома. 2003, ч. II, с. 45—56.
97. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Екатеринослав. 1886. Выпуск третий. Славяносербский уезд, с. 376—377.
98. Н.М. С.И. Мальцов и мальцовские заводы. Описание фабрик и заводов. Приложение к журналу «Технолог» 1903 г. Одесса. 1903.
99. КИРЬЯНОВ Ю.И., ИВАНОВА Н.А. Положение рабочего класса в 1907—1914 гг. В кн.: Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М. 1982, с. 92—93; ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.). Ук. соч., с. 102, 145, 215, 338, 373, 454.
100. ПЕСКОВ П.А. Ук. соч., с. 15—16, 47.
101. ЦГИА СПб, ф. 253, оп. 3, д. 3874, л. 35; ф. 569, оп. 15, д. 808, л. 7; ф. 1229, оп. 1, д. 225, л. 11.
102. НИКИТИН А.Ф. Ук. соч., с. 122.
103. КИРЬЯНОВ Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М. 1979, с. 140—141.
104. ПАЖИТНОВ К.А. Ук. соч., с. 264—265.
105. ЭРИСМАН Ф.Ф. Пища рабочих на фабриках Московского уезда. Шестой губернский съезд врачей Московского земства [Протоколы заседаний и труды]. Февраль — март 1882 г. М. 1882, с. 176—177.
106. КРУЗЕ Э.Э. Ук. соч., с. 186.

Маккартизм: НОВЫЙ ВЗГЛЯД?

И.М. Супоницкая

Эпоха маккартизма вошла в американскую историю как вторая волна антикоммунизма, время охоты на ведьм, а Джозеф Маккарти, давший ей имя, — как самый ненавистный сенатор XX века. Однако в последние два десятилетия в историографии США растет число работ, авторы которых пытаются пересмотреть маккартизм, дать ему новую интерпретацию и оправдать самого Маккарти.

Современные консерваторы убеждают в необоснованности критики сенатора, рисуют его «мужественным и честным человеком», даже героем, опороченным либералами, заявляя, что при нем не было никакого террора¹. Известный журналист, республиканец М.С. Эванс, опубликовавший в 1990-е гг. серию статей и книгу о сенаторе, полагает, что реабилитация Маккарти станет «важной частью реабилитации самой Америки»². По мнению политической активистки Ф. Шлэфли, почти все, написанное за последнее время о Маккарти, ложь и требует ревизии. Так думает и журналистка А. Коултер, назвавшая период Маккарти «розеттским камнем лжи всех либералов». Она обвиняет администрацию демократов в предательстве и полагает, что «миф о «маккартизме» — величайший оруэлловский обман»³.

Либеральные оппоненты увидели в подобной реабилитации попытку переписать всю американскую историю, чтобы обнаружить социализм даже в поселенцах Джеймстауна, идеях Т. Рузвельта и Б. Обамы⁴. В рецензии на книгу Эванса Д. Ошинский, автор обстоятельной биографии Маккарти, возражает ему, оценив сенатора как самого опасного демагога и клеветника, поэтому и маккартизм определяется в словаре как «практика публичных обвинений без достаточных доказательств», «использование нечестных методов расследования для подавления оппозиции»⁵.

Продолжают появляться работы с критикой Маккарти и маккартизма — «эры чисток», «самого долгого периода политических реп-
Супоницкая Ирина Марковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории.

рессий в американской истории»⁶. Расширяется сфера исследования; помимо хорошо изученных атак на Голливуд и государственный департамент, историк Э. Шрекер рассмотрела гонения в образовании (школах, университетах), широко используя интервью с пострадавшими и свидетелями событий⁷.

Исследователи расходятся в объяснении причин маккартизма. Одни винят президента Г. Трумэна, отказавшегося от примирительной позиции Ф.Д. Рузвельта в отношении СССР⁸; другие — республиканскую партию, настаивавшую на более жестком антисоветском курсе⁹. Социолог и политолог С. Липсет видел в маккартизме атаку на американский истеблишмент, поддержанную многими американцами, а историк Р. Хофстедтер — «псевдо-консервативный бунт»¹⁰.

Советская историография писала о маккартизме как о политике реакционных кругов, их стремлении «дискредитировать Компартию в глазах общественного мнения»¹¹. Односторонняя оценка, замалчивание некоторых эпизодов оставляли вопросы: почему началась кампания против коммунистов? Почему атаке подвергся госаппарат, в первую очередь, — государственный департамент, а также Голливуд, университеты и школы?

Всплеск интереса к маккартизму в наши дни и возникшая дискуссия не случайны. Они объясняются открытием для исследователей в 1990-е гг. ранее засекреченных материалов, позволивших прояснить многие моменты. В постсоветской России стали доступны архивы, в том числе архив Коминтерна с документами о деятельности американской компартии, ее связях с Советским Союзом, часть которых была опубликована¹². В США в 1995 г. была рассекречена советская дипломатическая переписка 1940-х годов. Опасаясь тайного сговора СССР с фашистской Германией во время войны, американцы в 1943 г. начали ее дешифровку (проект «Венона»), которая продолжалась до 1980 года. Опасения не подтвердились, но были обнаружены донесения советских спецслужб, долго хранившиеся в тайне¹³. Другой немаловажный источник — так называемые тетради журналиста А. Васильева, бывшего советского разведчика, работавшего в архивах КГБ в 1990-е гг. по российско-американскому проекту. Эмигрировав в Англию, он передал свои материалы Библиотеке Конгресса, а Международный Центр Вудро Вильсона выложил их в Интернете¹⁴.

Эти документы и заставили историков возвратиться к данной теме. Позволяют ли они радикально изменить представление о маккартизме и оправдать самого Маккарти, как делают консерваторы? Рассмотрим феномен маккартизма с учетом новых материалов.

Хотя взлет политической активности сенатора продолжался всего четыре года (1950—1954 гг.), период маккартизма, или вторая волна антикоммунизма в США, «красная угроза» (Red Scare), охватывает около десятилетия. Первую волну страна пережила под влиянием большевистской революции 1917 г. в России. Тогда в США возникли сразу две компартии (1919 г.). После серии взрывов, организованных анархистами в нескольких городах, по инициативе министра юстиции А.М. Палмера, прошли массовые рейды и аресты радикалов — анархистов и коммунистов, в основном иммигрантов, часть их была депортирована в Европу. С тех пор антикоммунизм стал постоянным

элементом американской политики и вспыхивал с особой силой в отдельные периоды.

В 1920-е гг. некоторые штаты ввели для учителей специальную присягу; в округе Колумбия от них требовали клятвы, что они не будут пропагандировать идеи коммунизма. В 1935 г. присяга на лояльность существовала в семи штатах ¹⁵. Пик влияния компартии пришелся на кризисные 1930-е гг., когда численность ее членов достигла 66 тыс. чел. (по ее данным, даже 100 тысяч). Она активно участвовала в общественном движении, была инициатором забастовок, демонстраций, маршей безработных, превратившись во второй половине 1930-х гг. в неофициальное левое крыло коалиции сторонников «нового курса» ¹⁶.

Тогда же начались гонения на нее. Созданный в 1938 г. в палате представителей Конгресса комитет по расследованию антиамериканской деятельности был направлен против коммунистов и фашистов. После заключения советско-германского Договора о ненападении 1939 г. коммунистов увольняли из госучреждений и университетов. Закон Хэтча 1939 г. (The Hatch Act) запрещал федеральным госслужащим участвовать в организациях, выступающих за «свержение конституционной формы правления в Соединенных Штатах», а закон Смита 1940 г. (The Alien Registration Act or Smith Act) требовал регистрации иностранцев (в компартии было много ненатурализовавшихся иммигрантов) и депортации тех, кто пропагандировал идею насильственной смены власти в стране. Довоенные «чистки» стали предвестниками маккартизма, историк Э. Шрекер даже назвала 1939—1941 гг. малой «красной угрозой» ¹⁷.

После второй мировой войны антикоммунистическую кампанию инициировал президент Трумэн, подписав 21 марта 1947 г. приказ № 9835 о проверке лояльности государственных служащих, направленный против «подрывных лиц, представляющих угрозу нашим демократическим процессам» ¹⁸. Приказ появился через несколько дней после выступления Трумэна перед Конгрессом с внешнеполитической доктриной сдерживания коммунизма в мире и был, по сути, продолжением этого курса во внутренней политике. Его цель — уничтожить влияние коммунистов на федеральное правительство. Правда, президент сразу предупредил об опасности превращения охоты за шпионами и массовых присяг на лояльность в антикоммунистическую истерию, подобную 1920-м годам. В мемуарах он писал, что был противником преследования всех госслужащих, поскольку большинство их — честные и порядочные люди, к тому же эта мера нарушает Билль о правах ¹⁹.

Но именно так и произошло. К концу 1950-х гг. присяга была введена в 32 штатах. Кампания постепенно приняла репрессивный характер; гонениям подвергались не только коммунисты, но и сочувствовавшие коммунистической идеологии — попутчики, как их называли, — бывшие коммунисты, левые либералы. ФБР проводило расследования и поиск «подрывных элементов» по всей стране. Унизительной процедуре подверглись миллионы человек. По проверкам и черным спискам за 1947—1953 гг. было уволено 11 тыс. чел., свыше 20 тыс. было предъявлено обвинение, случались самоубийства, около 200 чел. провели один-два года в тюрьме ²⁰.

В результате этой кампании усилилось ФБР, значительно увеличив свой бюджет и число агентов (до 6,2 тыс. чел. к окончанию Корейской войны)²¹. Именно при Трумэне, полагает историк А. Теохэрис, а не при Никсоне, как считал А. Шлезингер-мл., Соединенные Штаты превратились в имперское президентство, государство национальной безопасности²². В 1947 г. были созданы Совет национальной безопасности при президенте и Центральное разведывательное управление (ЦРУ), а военное и морское министерства объединены в Министерство обороны.

Вслед за федеральным правительством штаты также приняли законы против коммунистов, создавая свои комитеты по антиамериканской деятельности. Наибольшей активностью отличался комитет в Калифорнии, составивший список из нескольких тысяч подозреваемых в подрывной деятельности, среди которых были учителя, юристы, деятели кино. К 1954 г. 13 штатов имели подобные комитеты. За 1947—1954 гг. Конгресс провел 131 расследование²³.

Начались судебные преследования коммунистов. В 1948 г. Министерство юстиции арестовало более сотни человек. Лидеров компартии (Ю. Деннис, У. Фостер, Г. Холл и др.) обвинили в нарушении закона Смита, десять человек были приговорены к пяти годам тюрьмы. В 1950 г., преодолев вето Трумэна, республиканский Конгресс принял закон Маккарэна о внутренней безопасности, чтобы «защитить Соединенные Штаты от антиамериканской и подрывной деятельности»²⁴. По нему все коммунистические организации должны были регистрироваться в Министерстве юстиции. Трумэн назвал закон «величайшей опасностью для свободы слова, печати и собраний»²⁵.

Акт об иммиграции Маккарэна-Уолтера, 1952 г. (McCarran-Walter Act The Immigration and Nationality Act), также преодолевший вето Трумэна, позволял высылать из страны иностранцев, замешанных в подрывной деятельности, и запрещал въезд в США коммунистам. Он продолжил традицию первой волны антикоммунизма, когда в декабре 1919 г. на корабле, названном «Советским ковчегом», в Россию депортировали 249 анархистов и коммунистов. В 1952 г. депортировали 31 чел., 1954 г. — 61²⁶. Коммунистам и сочувствующим коммунистической идеологии не выдавали заграничные паспорта (П. Робсон, У. Дюбуа, А. Миллер). Ч. Чаплину, более 40 лет прожившему в США без американского гражданства, въезд в Америку после его поездки в Европу был обставлен такими формальностями, что он предпочел не возвращаться. В страну не пускали писателей, ученых, художников (П. Пикассо, О. Нимейера, А. Моравиа). Наконец, в 1954 г. компартия была поставлена вне закона (Communist Control Act). Ее рассматривали как «агента враждебного иностранного государства».

Другой мишенью стал Голливуд. Кинематографистам припомнили фильмы военных лет, идеологически безвредные, но проникнутые симпатией к СССР («Миссия в Москву», 1943 г., по одноименной книге бывшего американского посла в СССР Дж. Дэвиса; «Песня о России», 1943 г.; «Северная звезда», «Дни славы», 1944 г.), хотя комитет по антиамериканской деятельности признал, что они сделаны по заказу Белого дома для улучшения в глазах американцев образа СССР — союзника США в войне.

В октябре 1947 г. комитет по антиамериканской деятельности вызвал на слушания о коммунистическом проникновении в киноиндустрию 19 представителей Голливуда, в том числе Б. Брехта. Десять сценаристов и режиссеров (Дж. Лоусон, А. Мальц, Х. Биберман, Д. Трамбо и др.) отказались отвечать на вопрос о членстве в компартии США, сославшись на Первую поправку к Конституции, но были признаны виновными в неуважении к Конгрессу и приговорены к году тюрьмы и штрафу.

Американская ассоциация кинокомпаний постановила не принимать коммунистов на работу. Голливудская десятка открыла черный список неблагонадежных, в который попали 200 чел., а неофициально числились еще около 300 чел., не только коммунистов, но и либералов ²⁷.

Гонения коснулись и образования. В школах и университетах запрещалось брать на работу коммунистов, во многих штатах проводилась чистка среди учителей, была введена присяга на лояльность. В 1949 г. Калифорнийский университет потребовал от всех сотрудников подписать присягу на верность конституции штата, а также признаться в неучастии в организациях, включая коммунистические, призывающих к свержению правительства США. 31 профессор, в том числе ученые с мировой известностью, отказались ее подписать, полагая, что она нарушает академическую свободу и автономию университета; что нельзя преследовать коммунистов, если компартия легальна. Они были уволены, несмотря на поддержку других университетов. К концу 1950-х гг. подобную присягу ввели в 32 штатах ²⁸.

В 1953 г. комитет по антиамериканской деятельности начал слушания о подрывных элементах в сфере высшего образования, среди первых свидетелей была профессура Гарвардского университета, бывшие члены компартии, в том числе историк Д. Бурстин. По данным Федерации американских ученых, к середине 1950-х гг. около тысячи их коллег имели подобные проблемы ²⁹. Некоторые университеты пытались отстаивать академическую свободу, ссылались на незаконность преследования за политические убеждения, другие поддержали политику антикоммунизма. Ассоциация американских университетов, в которую входили 37 президентов ведущих вузов США и Канады, перед первыми слушаниями в Конгрессе по образованию заявила, что «долг университетов и их членов — сотрудничать в официальных расследованиях» ³⁰. Удивляет позиция американского общества, обычно активного и внимательного к нарушениям прав и свобод человека, не организовавшего на сей раз массового движения протеста.

Почему же демократ Трумэн открыл антикоммунистическую кампанию? Почему удар пришелся по государственным учреждениям, учебным заведениям и Голливуду? У президента были веские причины. 27 ноября 1945 г. глава ФБР Эдгар Гувер представил Трумэну секретный доклад «Советский шпионаж в Соединенных Штатах», основанный на показаниях перебежчика И. Гузенко, шифровальщика из советского посольства в Канаде, и бывших коммунистов Э. Бентли и У. Чемберса. В нем говорилось о деятельности советских спецслужб за период от приезда первого советского представителя Л. Мартенса в 1919 г. до послевоенного времени. Американская компартия, как утверждалось, создала в 1930-е гг. подпольную орга-

низацию, работавшую на советскую разведку. В докладе назывались имена участников. Среди нескольких групп самой важной руководил Н. Сильвермастер, в нее входили помощник министра финансов Х. Уайт, административный помощник президента Л. Кёрри; другую группу возглавлял экономист В. Перло. Лидерами коммунистов в Голливуде являлись режиссер Г. Биберман и сценарист Дж. Лоусон. Отдельный раздел доклада был посвящен атомному шпионажу³¹.

В следующем, более подробном докладе ФБР 1946 г., составленном на основании показаний Бентли, подробно описывались тайные коммунистические группы и их члены, а также методы работы советской разведки. Основными направлениями ее деятельности назывались военное, политическое и общие вопросы, а главной задачей — сбор информации³².

Долгое время либеральные историки подвергали сомнению информацию о советском шпионаже, поскольку она была основана только на данных перебежчиков. Угрозу коммунистического влияния в США считали преувеличенной, а идею советского шпионажа — сфабрикованной в отделах ФБР; осужденного в 1950 г. высокопоставленного чиновника госдепа Э. Хисса и казненных за атомный шпионаж супругов Ю. и Э. Розенбергов признавали невиновными. Историк коммунистического движения в США Т. Дрэпер утверждал: основная часть коммунистов занималась только распространением идеологии коммунизма, а не конспиративной работой³³.

Однако новые материалы изменили прежние представления. Расшифрованная секретная переписка советских спецслужб показала, что в США в 1930—1940-е гг. действовала шпионская сеть, в которой участвовали 349 американских граждан и иммигрантов, в том числе коммунисты, а среди них — К. Фукс и супруги Розенберг. С советской разведкой сотрудничало все руководство компартии США. По мнению историков Дж. Хейнса и Х. Клера, первыми изучившими открывшиеся документы, «шпионаж был регулярной деятельностью американской компартии», которая являлась пятой колонной, работавшей в интересах СССР. Холодная война, заключили они, началась до второй мировой войны³⁴. Связь американских коммунистов с советскими спецслужбами подтвердили и документы из архива Коминтерна. Помимо пропаганды коммунистических идей, компартия США вместе со своим лидером Э. Браудером и его родственниками активно занималась шпионской деятельностью³⁵.

После войны республиканцы критиковали демократов Рузвельта и Трумэна за слишком мягкое отношение к коммунистам и СССР, называли госдепартамент гнездом коммунистов и попутчиков, а правление демократов — «двадцатью годами предательства». Трумэн считал их атаку грубой пропагандистской кампанией, но по мере роста информации понял, что она небезосновательна, и предпринял ряд мер. Одна из них — проверка лояльности федеральных служащих, хотя при ней пострадало много людей, не имевших отношения к коммунистам и шпионажу (радикалы, левые либералы и бывшие коммунисты).

Центральным событием маккартизма в СССР считали дело Розенбергов, но ему предшествовало не менее громкое дело сотрудника госдепартамента Хисса. Советские историки расценили процесс над

ним как одну из попыток «дискредитации компартии», утверждая, что Хисс осужден «с помощью ложных доносов платных осведомителей»³⁶. Однако ситуация была иной.

Летом 1948 г. на слушаниях о шпионаже в пользу СССР в комитете по антиамериканской деятельности выступили бывшие советские агенты Бентли и Чемберс, а также лица, обвиненные ими в связях с разведкой СССР³⁷. Среди них оказались крупные правительственные чиновники: Хисс из госдепартамента; бывший помощник министра финансов Уайт, известный экономист, один из создателей Бреттон-Вудской системы, и глава Международного валютного фонда; помощник президента Рузвельта Кёрри и др.

До суда дошло только дело Хисса, потому что Чемберс, бывший коммунист, представил убедительные доказательства (копии и фото-плёнки секретных документов из госдепа, а также материалы, написанные рукой Хисса и Уайта, которые он, Чемберс, как курьер должен был передать советским спецслужбам). Уайт умер от сердечного приступа через три дня после свидетельских показаний. Хисс, участник Ялтинской конференции, один из организаторов ООН, в 1950 г. фактически был признан советским шпионом, но по истечении срока давности (прошло 10 лет) осужден на 5 лет за лжесвидетельство.

До недавнего времени многие в США не верили в виновность Хисса, усматривая в его деле происки республиканцев и лично Никсона, члена комитета Конгресса по антиамериканской деятельности, принявшего активное участие в расследовании. Однако документы из архива КГБ, представленные Васильевым, показали: Хисс все-таки был советским агентом³⁸. Трумэн узнал об этом из доклада ФБР, но для американского общества материалы оставались засекреченными до середины 1990-х годов. С дела Хисса началась карьера двух в ту пору малоизвестных политиков — конгрессмена от Калифорнии Никсона, который вскоре стал сенатором, а затем и вице-президентом при Эйзенхауэре, и сенатора от Висконсина Маккарти.

Антикоммунизм в США усилился после испытания в СССР атомной бомбы в 1949 г., напоминавшей американскую, что подтвердило подозрения спецслужб о советском атомном шпионаже. В 1950 г. было арестовано несколько человек, выявленных после расшифровки советской дипломатической переписки. Среди них — немецкий физик-теоретик, участник Манхэттенского проекта, коммунист Фукс; супруги Этель и Юлиус Розенберги, Д. Грингласс, брат Этель, и др. Фукс признал передачу секретных материалов советским агентам, объяснив свое поведение идейными соображениями — он, как и многие физики, опасался ядерной монополии США.

Поскольку сведения из расшифрованных советских донесений были долго засекречены, а Розенберги категорически отрицали свою связь с компартией и участие в атомном шпионаже, американская и мировая общественность выступила в их защиту.

Юлиус Розенберг (кодовое имя Розенберга — Антенна, Либерал) и его жена — дети еврейских иммигрантов из России, убежденные коммунисты, в 1930-е гг. вступили в Молодежную коммунистическую лигу. Во время войны Юлиус создал тайную группу из своих коллег и родственников — Дэвида Грингласса и его жены Рут, симпатизировавших СССР.

Грингласс, механик в Лос-Аламосе, не имевший высшего образования, передавал Розенбергу через жену добытые материалы, которые, по мнению ученых, оказались малозначащими³⁹. Самая важная информация шла от Фукса и других физиков. Розенберг, инженер-электрик по специальности, не имел прямого отношения к атомному проекту и не мог выдать секрета атомной бомбы, в чем его обвинили и за что приговорили к смерти. Он был вербовщиком и курьером, организатором группы, которая поставляла информацию по новейшим военным технологиям, в частности, по радарам, радиовзрывателям, позволявшим сбивать самолеты на большой высоте.

Подобно Фуксу, Розенберг считал, что СССР, выдержавший в войне основной удар фашизма, должен обладать новым оружием, в том числе и атомным. Этель, разделявшая убеждения мужа, была домохозяйкой, воспитывавшей двоих детей, и погибла за то, что не захотела склонить мужа к сотрудничеству с властями. Они предпочли смерть предательству членов группы и пожертвовали собой ради справедливого социалистического общества СССР, в которое верили. Советский разведчик А. Феклисов, работавший с Розенбергом и Фуксом, называет их героями за самоотверженную помощь СССР, хотя об их подвиге до его признания в конце 1990-х гг. в Советском Союзе никто не знал⁴⁰.

Дело Фукса — главного информатора в деле об атомной бомбе для СССР, рассматривалось в Англии, его приговорили к 14 годам тюрьмы, поскольку он передавал секретные материалы союзнику в войне, чего не захотел учесть суд в деле Розенбергов. Освобожденный через 9 лет, Фукс уехал в ГДР, где работал замдиректора Института ядерных исследований.

Казнь Розенбергов оказалась единственной во время маккартизма, другие советские агенты были приговорены к тюремному заключению: Собелл, товарищ Розенберга по колледжу, — к 30 годам, Грингласс — к 15; некоторые, подобно экономисту В. Перло, не признали обвинения и за недостатком доказательств избежали суда, лишившись работы; другие, как Дж. Барр и А. Сарант, бежали в СССР.

В шпионаже подозревался научный руководитель Манхэттенского проекта Р. Оппенгеймер, так как в 1930-е гг. он был попутчиком, а его жена и брат — членами компартии. На слушаниях, проведенных весной 1954 г. по инициативе ФБР, убедительных аргументов в его виновности не нашлось, но Оппенгеймера все же отстранили от секретных научных исследований. Документы из тетрадей Васильева подтвердили, что советская разведка пыталась сделать ученого своим агентом, но безрезультатно⁴¹.

9 февраля 1950 г., вскоре после осуждения Хисса, сенатор Джозеф Маккарти заявил в Западной Вирджинии, что у него в руках находится список с фамилиями 205 коммунистов, работающих в Госдепартаменте. Когда журналисты попросили назвать их имена, Маккарти ответил, что его выступление «всего лишь политическая речь» (в ту пору шла избирательная кампания по выборам в Конгресс, куда он снова выдвигался), и ее не нужно «принимать серьезно»⁴². Президент Трумэн, не найдя в обвинениях «ни слова правды», назвал Маккарти «самым ценным приобретением Кремля»⁴³. Позднее сенатор не раз менял число коммунистов, но так никогда и не огласил списка.

После своего выступления Маккарти приобрел известность политика национального масштаба. Родом из многолетней семьи фермера Висконсина, Джозеф Маккарти (1908—1957) получил юридическое образование и стал судьей. Во время войны служил в морской пехоте, а после нее пошел в политику, победив в 1946 г. на выборах в Сенат, где ничем не отличился. Идея антикоммунизма всплыла случайно. Обдумывая тему будущей избирательной кампании, Маккарти сразу подхватил предложение своего советника — «коммунисты в правительстве»⁴⁴.

Но сенатор вступил в борьбу с коммунистами слишком поздно, они уже отсутствовали в госаппарате, а советская шпионская сеть была разгромлена. О провале резидентуры в Америке доложил в Москву 23 декабря 1949 г. глава советской разведки в США во время войны А. Горский. Среди большого списка потерянных агентов он назвал Чемберса (Карл), Хисса (Ленарт) и его младшего брата Д. Хисса (Джуниор), Уайта (Ричард), Кёрри (Вим, Паж)⁴⁵.

После испытания Советским Союзом атомной бомбы, победы коммунистов в Китае и войны в Корее влияние компартии США, ее численность сократились, так что главным оружием Маккарти стала демагогия. Он использовал антикоммунистическую истерию в личных целях, чтобы набрать политический вес.

Однако деятельность Маккарти придала новый импульс кампании против коммунистов. Созданный в Сенате подкомитет во главе с демократом М. Тайдингсом провел расследования лояльности сотрудников государственного департамента, но коммунистов там не обнаружил.

Объектом критики Маккарти и всей республиканской партии стала внешняя политика демократов и работа государственного департамента. Сенатор утверждал, что Соединенные Штаты проиграли международному коммунизму из-за «некомпетентности и глупости наших плановиков», как он назвал демократов. «Правительство демократов не может осознать, что компартия для эффективного достижения своих целей использует технику проникновения в правительство, чтобы влиять на внешнюю политику», — заявил Маккарти⁴⁶. Он обвинил демократов в том, что «Китай и Польша были проданы коммунистической России», так как на Ялтинской конференции одним из главных советников Рузвельта был советский шпион Хисс, участвовавший в составлении проекта основных соглашений. Маккарти был дружен с Э. Гувером и имел доступ к материалам ФБР⁴⁷.

Советским агентом и «врагом № 1» Маккарти назвал проф. О. Латтимора, специалиста по Восточной Азии, редактора журнала «Амеразия», издававшегося Институтом тихоокеанских отношений. Во время войны ученый был политическим советником Чан-Кайши, а в 1944 г. сопровождал вице-президента Г. Уоллеса в поездке по СССР и Китаю, поскольку знал русский язык. В 1945 г. в редакции журнала «Амеразия» при обыске были обнаружены секретные правительственные документы и несколько сотрудников арестовали.

На слушаниях в комитете Тайдингса в 1950 г. Л. Буденз, бывший коммунист и редактор коммунистической газеты «Daily Worker», утверждал, что Латтимор являлся членом компартии. Но в результате все обвинения с ученого были сняты. Целый год деятельность Ин-

ститута, формировавшего политику в отношении Китая, расследовал сенатский подкомитет по внутренней безопасности Маккарэна, заключив, что около трети сотрудников, в том числе Латтимор, настроены прокоммунистически⁴⁸. Хотя членство Латтимора в компартии не установили, его научная карьера была разрушена, и он уехал в Англию.

Другой мишенью стал госсекретарь при Трумэне Дин Ачесон — «великий красный Дин», как называл его Маккарти, который «свыше 20 лет помогал международному коммунизму»⁴⁹. Маккарти припомнил Ачесону поддержку его помощника Хисса после решения суда и примирительный курс в отношении СССР после войны. Правда, сенатор забыл, что политик вскоре изменил свои взгляды, став одним из авторов доктрины Трумэна, плана Маршалла и военного союза НАТО. Но поддержку Хисса противники Ачесона долго ставили ему в вину.

Даже генерала Дж. Маршалла, госсекретаря, а затем министра обороны при Трумэне, Маккарти обвинил чуть ли не в предательстве за «сдачу» Китая Кремлю, так как его миссия в Китай (1945—1947 гг.) окончилась безрезультатно, а будучи военным советником Рузвельта в Ялте, он не воспротивился принятию невыгодных для США соглашений⁵⁰.

Маккарти, по сути, выразил недовольство республиканской партии внешней политикой администрации Рузвельта и Трумэна за уступки Сталину в Европе на Ялтинской конференции и «потерю» Китая. Республиканцы настаивали на продолжении помощи Чан-Кайши, хотя специалисты доказывали бесперспективность поддержки погрязшего в коррупции режима.

Те же обвинения выдвигают современные консерваторы, ссылаясь на новые документы, подтвердившие, что Хисс, Уайт, Кёрри действительно были советскими агентами. М.С. Эванс и Х. Ромерстайн утверждают, что Сталин с помощью своих агентов влиял на внешнюю политику США. На Ялтинской конференции Рузвельт был уже болен, а госсекретарь Э. Стеттиниус только недавно занял свой пост, поэтому Сталин фактически вел переговоры со своим собственным агентом Хиссом. В результате СССР получил три голоса в ООН (для Украины и Белоруссии), а рекомендации просоветски настроенных специалистов по Азии привели к образованию коммунистического Китая. «Советская разведка, — заявил Эванс на презентации книги «Секретные агенты Сталина», — была намного мощнее нашей. Советские разведчики были профессионалами, и этих профессионалов было много тысяч. СССР направлял невероятные ресурсы на подобную деятельность. В свою очередь, Соединенные Штаты долгое время совершенно не замечали этого»⁵¹.

Хотя оценка размеров и роли советских спецслужб была явно преувеличена, но именно в 1930—1940-е гг. их деятельность в США достигла пика, причем немалую помощь им оказали коммунисты и люди, с симпатией относившиеся к СССР.

Маккарти начал критиковать даже администрацию республиканца Эйзенхауэра за мягкость в отношении к коммунистам и возразил президенту, как-то заметившему, что на выборах 1954 г. проблема коммунизма уже не будет стоять. Помощник сенатора Р. Кон вынужден был признать некоторые высказывания шефа «непроститель-

но... грубым обвинением», к примеру, оценку демократической партии как партии предателей⁵².

После переизбрания в Сенат Маккарти, возглавив постоянный подкомитет по расследованиям, начал атаку на радиостанцию «Голос Америки», в которую тоже якобы проникли коммунисты и антиамериканские элементы. В ее зарубежных библиотеках запретили держать книги писателей-коммунистов, таких, как Г. Фаст, а часть их сожгли. Эйзенхауэр был возмущен этой акцией, она была публично осуждена как «действие против свободных институтов»⁵³.

Оба президента презирали Маккарти. Трумэн резко выступал против сенатора, считая его «патологическим лжецом». В воспоминаниях он оценил послевоенную антикоммунистическую истерию как «трагедию и позор нашего времени»⁵⁴.

Эйзенхауэр не мог простить сенатору нападок на своего уважаемого коллегу Маршалла, но выбрал другую тактику — не иметь с ним дела. Он старался дистанцироваться от Маккарти во время предвыборной кампании, а с приходом к власти — игнорировать. Эйзенхауэр соглашался с необходимостью борьбы с коммунизмом, но возражал против методов Маккарти.

Пик политической карьеры Маккарти пришелся на середину 1953 г., когда он стал главой комитета и двух подкомитетов. Он пользовался популярностью, его поддерживала католическая община Америки, обычно голосовавшая за демократов. Сенатор был дружен с влиятельной, богатой семьей Кеннеди, Роберт даже работал в его комитете. Эту связь либералы не могли простить будущему президенту Джону Кеннеди. Когда историк Шлезингер-мл. попенял ему за отсутствие критики в адрес Маккарти, тот заметил, что половина его избирателей в Массачусетсе считает сенатора героем⁵⁵.

Однако тогда же Маккарти превратился в проблему для Белого дома. Его атаки на администрацию, генерала Маршалла, даже президента все больше раздражали республиканцев. Известные издатели и бизнесмены обратились к Эйзенхауэру с письмом, где просили остановить Маккарти, который своим поведением делает Америку посмешищем в глазах всего мира⁵⁶. Пообещав найти множество шпионов, Маккарти обнаружил только попутчиков и профессоров колледжей, зато создал атмосферу страха в стране. Даже перебежчик, бывший коммунист У. Чемберс, выдавший советскую шпионскую сеть, в 1954 г. заметил в письме: «Без преувеличения можно сказать, что мы живем в терроре...»⁵⁷.

Маккарти жестко подавлял прессу, выступавшую против него. Газету «Washington Post», одну из первых начавшую его критиковать, он назвал «Daily Worker», то есть коммунистической, а своего постоянного оппонента, известного журналиста Дрю Пирсона — «голосом международного коммунизма»⁵⁸. Обычным его приемом был экономический бойкот: он требовал у спонсоров прекратить финансирование неудобных. Порой попадались стойкие борцы. Конфликт Маккарти с популярным телеведущим Эдвардом Мэрроу способствовал падению сенатора. В марте 1954 г. журналист показал получасовую передачу о Маккарти с выдержками из его речей, где он явно противоречил сам себе. Заканчивая, Мэрроу сказал о нем, используя цитату из «Юлия Цезаря» Шекспира: «Он не создал ситуацию

страха. Он лишь использовал ее и довольно успешно. Кассий был прав: «Ошибка, дорогой Брут, не в наших звездах, а в нас самих». Спокойной ночи и удачи». Коллеги считали поступок Мэрроу героическим, поскольку другой журналист, М. Агронский, поплатился за критику: по настоянию Маккарти, от него ушли спонсоры. Мэрроу принадлежат замечательные слова: «Пока народ борется за свои права, он победит», «Наша история будет такой, какой мы ее сделаем»⁵⁹. Конфликт журналиста и сенатора лег в основу фильма Дж. Клуни «Спокойной ночи и удачи» 2005 года.

Но главный удар по политической карьере Маккарти нанес он сам, начав расследование «подрывных элементов» в американской армии, где надеялся найти сообщников Розенберга. В 1953 г. он объявил о «крайне опасном шпионаже», ставящем под удар «всю нашу защиту от атомной атаки». Но шпионов не нашли. Конфликт между армией и Маккарти американцы наблюдали 36 дней по телевидению, показавшему слушания в Конгрессе. Перед ними предстал безответственный и лживый демагог, самоуверенно выдвигавший бездоказательные обвинения в адрес военного руководства. Рейтинг сенатора резко упал.

Демократ Л. Джонсон, лидер большинства в Сенате, как-то заметил, что Маккарти — это проблема республиканцев. Они сами ее и решили. Уже после разоблачительного выступления Маккарти в феврале 1950 г. о коммунистах в госдепе, когда он не смог представить доказательств, сенатор Маргрет Смит с возмущением заявила, что осуждает атмосферу подозрительности, которая воцарилась в стране, и не хочет, чтобы республиканская партия «ради политической победы оседлала четырех всадников клеветы — страх, невежество, нетерпимость и необоснованное обвинение»⁶⁰. Под ее «Декларацией совести» подписались шесть умеренных республиканцев.

Сенатор-республиканец от Вермонта, Р. Фландерс, считавший 90% обвинений Маккарти безосновательными, в 1954 г. внес резолюцию об отстранении его от руководства комитетами. Ее поддержали многие демократы. В декабре 1954 г. 65 голосами против 22 Сенат принял ее в смягченной формулировке — сенатора осудили за поведение, «противоречащее сенатской этике»⁶¹. Странники Маккарти устроили протестные выступления, увидев в резолюции действие в правительстве скрытых сил, поскольку сенатор сопротивлялся «советизации» Америки и мира. Через несколько лет Маккарти умер от алкоголизма в возрасте 48 лет, но понятие «маккартизм» осталось, 1950-е гг. вошли в историю США как эра политической демагогии и ложных обвинений.

Что же изменили в оценке маккартизма новые источники? Они, бесспорно, позволили исследователям уточнить смысл и причины явления, ответить на ряд нерешенных вопросов. Теперь уже нельзя сказать, как прежде, что дело Хисса и Розенбергов не будет раскрыто никогда; нельзя отрицать шпионажа коммунистов в пользу СССР.

Маккартизм оказался неоднозначным феноменом. Антикоммунистическая кампания имела серьезные причины, став ответом на политику сталинского режима, создавшего в 1930—1940-е гг. шпионскую сеть, в которой активное участие принимали коммунисты. Холодная война, страх перед СССР, получившим благодаря шпионажу атомную бомбу на несколько лет раньше, чем предполагалось, возбудили традиционную неприязнь американцев к коммунизму, чуждой

для них идеологии, поэтому в стране не было массового движения против маккартизма.

Деятельность советской разведки заставила администрацию Трумэна принять меры по борьбе с коммунистами, направленные, в первую очередь, против государственных и образовательных учреждений, Голливуда, где было особенно сильно их влияние. Отчасти этим объясняется непопулярность в обществе Трумэна, ушедшего из власти с низким рейтингом. Хотя в начале XXI в., по оценке известных политических историков, он устойчиво занимает пятое место среди американских президентов ⁶².

Новые источники заставили американских либералов пересмотреть свои взгляды. «Самое тяжелое в этом открытии (архивных материалов о советских агентах. — *И.С.*), — заметил историк Дж. Персико в рецензии на книгу А. Уэйнстайна и Васильева о советском шпионаже, — признать, по крайней мере, для тех из нас, кто возмущался чрезмерной охотой на красных в конце 40-х и начале 50-х гг., что эта охота имела более серьезные основания, чем мы могли предположить» ⁶³.

Но нельзя забывать и другой, самой важной стороны маккартизма. Развернувшаяся шпиономания и антикоммунизм, переросшие в массовую репрессивную кампанию, сопровождалась нарушениями гражданских прав. В ту пору перестали действовать Первая и Пятая поправки к Конституции. В октябре 1953 г. к приказу № 10 450 был добавлен пункт об увольнении всех госслужащих, ссылавшихся на Пятую поправку (право не свидетельствовать против себя), что трактовалось как проявление нелояльности ⁶⁴. Подобная мера не могла не вызвать возмущения американского общества. «Маккартизм, — заметила Шрекер, — нанес больше вреда Конституции страны, чем когда-либо американская коммунистическая партия» ⁶⁵.

Нет точных данных о жертвах маккартизма, они исчисляются тысячами (уволненные, попавшие в черные списки, лишённые загранпаспортов или возможности работать по профессии, наконец, те, кто со страхом ожидали разоблачения или репрессий). Во время маккартизма была разрушена жизнь людей, их профессиональная деятельность, честь и доброе имя. За модное увлечение в 1920—1930-е гг. коммунистическими идеями в 1940-е гг. американцы заплатили дорогую цену, превратившись в одночасье в преступников. Преследования, атмосфера страха заставили их вспомнить о временах инквизиции и охоты на ведьм, в чем немалую роль сыграл Джозеф Маккарти. Подобное нарушение индивидуальных свобод в стране, возникшей на принципах либерализма, не забывается. Поэтому большинство американцев не могут назвать Маккарти героем и не перестанут видеть в маккартизме позорную страницу своей истории, выпадающую из национальной политической традиции.

Примечания

1. DRUMMEY J.J. The Real McCarthy Record. — The New American. Vol. 12, No. 18, September 2, 1996: http://web.archive.org/web/20061205035125/http://thenewamerican.com/tna/1996/vol12no18/vol12no18_mccarthy.htm; THOMMA S. Not satisfied with U.S. history, some conservatives are rewriting it. McClatchy Newspapers.

- April 1, 2010: <http://www.mcclatchydc.com/2010/04/01/91478/some-conservatives-rewrite-history.html>.
2. EVANS M.S. *History's Vindication of Joe McCarthy*. — *Human Events*. May 16, 1987; EJUSD. *The Amerasia Affair*. *Ibid.*, July 12, 1996; EJUSD. *McCarthyism: Waging the Cold War in America*. *Ibid.*, May 30, 1997: <http://www.humanevents.com/article.php?id=455> ; EJUSD. *Blacklisted by History: the Untold Story of Senator Joe McCarthy and his Fight against America's Enemies*. Random House Inc., 2007.
 3. THOMMA S. *Op. cit.*; COULTER A. *McCarthyism: The Rosetta Stone of Liberal Lies*: <http://www.humanevents.com/2007/11/07/mccarthyism-the-rosetta-stone-of-liberal-lies>; COULTER A. *Treason: Liberal Treachery from the Cold War to the War on Terrorism*. N.Y. 2003.
 4. THOMMA S. *Op. cit.*; RABINOWITZ D. *A Conspiracy So Vast*. — *The Wall Street Journal*. July 7, 2003: <http://www.opinionjournal.com/medialog/?id=110003713>.
 5. OSHINSKY D. *A Conspiracy So Immense: The World of Joe McCarthy*. N.Y.-L. 1983; EJUSD. *In the Heart of the Heart of Conspiracy*. — *New York Times*. 27.I.2008.
 6. SCHRECKER E. *Many are the Crimes: McCarthyism in America*. Boston. 1998, p. X—X1; FRIED R.M. *Nightmare in red: the McCarthy era in perspective*. N.Y. 1990; MORGAN T. *Reds: McCarthyism in Twentieth-Century America*. N.Y. 2003.
 7. SCHRECKER E.W. *No Ivory Tower: McCarthyism and the Universities*. N.Y. 1986.
 8. THEOHARIS A. *Truman and the Red Scare*. In: *McCarthyism*. N.Y. 1978, p. 75—85.
 9. LATHAM E. *The Communist Controversy in Washington: From the New Deal to McCarthy*. Cambridge-Mass. 1966; FRIED R.M. *Men against McCarthy*. N.Y. 1976, p. X.
 10. LIPSET S.M. *An Instrument Rather Than Creator*. In: *McCarthyism*, p. 134; HOFSTADTER R. *The Pseudo-conservative Revolt — 1954*. In: *HOFSTADTER R. Paranoid Style in American Politics and Other Essays*. N.Y. 1965, p. 41—65.
 11. История США. Т. 4. М. 1987, с. 34.
 12. KLEHR H., HAYNES J.E., FIRSOV F.I. *The Secret World of American Communism*. New Haven-L. 1995; KLEHR H., HAYNES J.E., ANDERSON K.M. *The Soviet World of American Communism*. New Haven-L. 1998; ПОЗНЯКОВ В.В. *Советская разведка в Америке, 1919—1941*. М. 2005.
 13. *Venona*: http://www.nsa.gov/public_info/declass/venona/index.shtml. Об этом см.: HAYNES J.E., KLEHR H. *Venona. Decoding Soviet Espionage in America*. New Haven-L. 2000.
 14. *The Vassiliev Notebooks*: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/86/Vassiliev-Notebooks>.
 15. SCHRECKER E.W. *No Ivory Tower*, p. 68—69.
 16. KLEHR H., HAYNES J.E., ANDERSON K.M. *Op. cit.*, p. XXXIV; SCHRECKER E. *Many are the Crimes: McCarthyism in America*. Boston-N.Y.-Toronto-L. 1998, p. 14—15.
 17. SCHRECKER E.W. *No Ivory Tower*, p. 75.
 18. TRUMAN H.S. Executive Order No. 9835 of March 21, 1947: <http://teachingamericanhistory.org/library/index.asp?document=930>.
 19. GOODMAN W. *The Committee: The Extraordinary Career of the House Committee on Un-American Activities*. L. 1969, p. 295; TRUMAN H.S. *Memoirs*. Vol. 2. L. 1956, p. 270—273.
 20. GOLDSTEIN R.J. *Political Repression in Modern America, 1870 to the Present*. Cambridge-Mass. 1978, p. 376; SCHRECKER E. *Many are the Crimes*, p. 361.
 21. *A Brief History of the FBI*: <http://www.fbi.gov/about-us/history/brief-history/brief-history#Postwar>.
 22. THEOHARIS A. Ed. *The Truman Presidency: The Origins of the Imperial Presidency and the National Security State*. N.Y. 1979, p. IV.
 23. CAUTE D.P. *The Great Fear: The Anti-Communism Purge Under Truman and Eisenhower*. N.Y. 1978, p. 77, 80, 85.
 24. *McCarran Internal Security Act*. September 23, 1950: <http://staff.imsa.edu/socsci/jvictory/mccarth/mccrn.htm>.
 25. TRUMAN H.S. *Veto of the Internal Security Bill, September 22, 1950*. In: HARRY S. Truman Library and Museum: <http://trumanlibrary.org/publicpapers/>

- viewpapers.php?pid=883. В 1965 г. Верховный суд признал положение о регистрации неконституционным.
26. GOLDSTEIN R.J. *Op. cit.*, p. 332, 337.
 27. SCHRECKER E. Many are the Crimes, p. 330.
 28. EJUSD. No Ivory Tower, p. 113—120.
 29. CAUTE D.P. *Op. cit.*, p. 461.
 30. SCHRECKER E.W. No Ivory Tower, p. 188.
 31. Soviet Espionage in the United States: <http://education-research.org/PDFs/SOVIET%20REPORT.pdf>.
 32. Underground Soviet Espionage (NKVD) in Agencies of the United States Government. October 21, 1946: <http://education-research.org/CSR/Holdings/Soviet/NKVD.htm>.
 33. CAUTE D. The Great Fear: The Anti-Communism Purge Under Truman and Eisenhower. N.Y. 1978, p. 54—55; DRAPER TH. American Communism and Soviet Russia. N.Y. 1960, p. 213.
 34. HAYNES J.E., KLEHR H. *Op. cit.*, p. 7—9, 22.
 35. KLEHR H., HAYNES J.E., FIRSOV F.I. *Op. cit.*, p. 233—243.
 36. История США, т. 4, с. 34.
 37. Hearings Regarding Communist Espionage in the United States Government, 1948. In: The House Un-American Activities Committee, 80th Congress, 2nd Session. Washington, 1948: http://ia700305.us.archive.org/6/items/hearingsregardin1948unit/hearingsregardin1948unit_bw.pdf.
 38. Папорт А. Горского от 23.XII.1949. Провал в США (1938—1948). In: VASSILIEV A. Black Notebook, p. 39—40. Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholar: http://digitalarchive.wilsoncenter.org/assets/media_files/000/001/249/1249.pdf, p. 39—40; WEINSTEIN A., VASSILIEV A. The Haunted Wood. N.Y. 1999; HAYNES J.E., KLEHR H., VASSILIEV A. Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven. 2009.
 39. RADOSH R., MILTON J. The Rosenberg File: A Search for the Truth. N.Y. 1984, p. 433—442.
 40. ФЕКЛИСОВ А. Признание разведчика. М. 1999, с. 344.
 41. HERKEN G. Target Enormoz: Soviet Nuclear Espionage on the West Coast of the United States. 1942—1950. — Journal of Cold War Studies. Vol. 11. 2009, No. 3, Summer, p. 82—84.
 42. BAYLEY E.R. Joe McCarty and the Press. Madison. Wisconsin. 1961, p. 36, 39.
 43. TRUMAN H. S. News Conference at Key West. 30.III.1950: <http://historymatters.gmu.edu/d/8078>.
 44. OSHINSKY D.A. Conspiracy So Immense: The World of Joe McCarthy, p. 107.
 45. Папорт А. Горского от 23.XII.1949.
 46. MCCARTHY J. McCarthyism. The Fight for America. Documented answers to questions asked by friend and foe by Senator Joe McCarthy. N.Y. 1952, p. 8.
 47. *Ibid.*, p. 23—24; OSHINSKY D.A. Conspiracy So Immense, p. 257.
 48. LATHAM E. The Communist Controversy in Washington: From the New Deal to MacCarthy. Cambridge-Mass. 1966, p. 199, 299—300.
 49. MCCARTHY J. *Op. cit.*, p. 23.
 50. *Ibid.*, p. 67.
 51. EVANS M.S., ROMERSTEIN H. Stalin's Secret Agents. The Subversion of Roosevelt's Government. N.Y. 2012; ГРИГОРЬЕВ А. Агенты Сталина в Вашингтоне. 17.11.2012: <http://www.golos-ameriki.ru/content/roosevelt/1548184.html>.
 52. COHN R. History will Vindicate Him. In: REEVES TH.C. Ed. McCarthysm, p. 64.
 53. LATHAM E. *Op. cit.*, p. 337—338, 347—348.
 54. TRUMAN H.S. Memoirs. Vol. 2. L. 1956, p. 291.
 55. SCHLESINGER A.M. JR. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston-Cambr.1965, p. 12.
 56. OSHINSKY D.A. Conspiracy So Immense, p. 358.
 57. Цит. по: OSHINSKY D. In the Heart of the Heart of Conspiracy.
 58. BAYLEY E.R. *Op. cit.*, p. 166.
 59. *Ibid.*, p. 193—194.

60. SMITH M.C. Declaration of Conscience. 1.VI.1950: <http://historymatters.gmu.edu/d/6459>.
61. FRIED R.M. Men against McCarthy, p. 292—293; The Censure Case of Joseph McCarthy of Wisconsin (1954): http://www.senate.gov/artandhistory/history/common/censure_cases/133Joseph_McCarthy.htm.
62. <http://web.archive.org/web/20090217053502/http://www.c-span.org/PresidentialSurvey/Overall-Ranking.aspx>.
63. PERSICO J.E. The Kremlin Connection : A new study of Soviet espionage in America before the cold war makes some surprising revelations. — New York Times Book Review. 3.I.1999; WEINSTEIN A., VASSILIEV A. The Haunted Wood: Soviet Espionage in America: The Stalin Era. N.Y. 1999.
64. Executive Order No.10491 of 13.X.1953. Amendment of Executive Order No. 10450 of 27.IV.1953, Relating to Security Requirements for Government Employment: http://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_10491.
65. SCHRECKER E.W. Comments on John Earl Haynes', «The Cold War Debate Continues: A Traditionalist View of Historical Writing on Domestic Communism and Anti-Communism». — Journal of Cold War Studies. Vol. 2, Number 1, Winter 2000: <http://www.fas.harvard.edu/~hpcws/comment15.htm>.

Тридцатилетняя война в информации и пропаганде Речи Посполитой

Л.И. Ивонина

Тридцатилетняя война (1618—1648) являлась первым религиозно-политическим конфликтом, на протяжении которого в широком европейском масштабе распространялась информация о военных событиях, носившая пропагандистский характер. Она была исключительно разнообразной, и в ходе войны ее характер трансформировался: ранее прославляемые герои предавались забвению или хуже того — поруганию, военный настрой сменялся мирным, религиозный окрас — светским.

Политическая мысль и практика Западной Европы оставила нам яркие образцы информационно-пропагандистских кампаний. Так, в 1618—1621 гг. император Священной Римской империи направил свои пропагандистские атаки в виде 400 изданий против Пфальца и «зимнего короля» пфальцкого курфюрста Фридриха V, узурпировавшего, с его точки зрения, чешскую корону. В них Фердинанд II представал как защитник легитимной власти и католической веры, выступавший против несправедливого правителя. В этой широкой кампании были задействованы известные немецкие поэты — Ангелюс Силезиус и Фридрих фон Шпее.

Исключительно продуманную информационно-пропагандистскую кампанию проводил первый министр испанского короля Филиппа IV Гаспар Гусман граф де Оливарес. В своей политической концепции он отталкивался от Геркулеса, в образе которого представлял король Испании. Таким запечатлели Филиппа IV великие художники эпохи — Питер Пауль Рубенс и Диего Веласкес. Вообще использование искусства в целях пропаганды имело широчайший размах. Тем не менее, несмотря на привлечение в Испании выдающихся поэтов (Лопе де Вега) и историков (Франсиско Кеведо), пропаганда графа Оливареса, как и его внешняя политика, потерпела фиаско. При этом стоит заметить, что ярче всего мотив Геркулеса, антигабсбургский и антикатолический по своей направленности, вырисовыв-

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета.

вался у шведов. Их король Густав II Адольф предстал как непобедимый мифический герой, выполняющий волю Бога.

Наиболее тщательно организовал свою пропаганду первый министр Франции кардинал Ришелье. На него работала целая группа преданных памфлетистов, среди которых находился «светило французских поэтов» Франсуа де Малерб. Кардинал старался контролировать поток информации на традиционном месте — парижском Новом мосту, приказывая авторам (иногда под угрозой смерти) приносить ему свои сочинения. Известно, что кардинал контролировал и выходившую в 1631 г. Французскую газету («La Gazette»), которую издавал врач и, как оказалось, талантливый издатель Теофраст Ренодо. Он писал для нее политические статьи, в том числе и по теме международных отношений, старательно проводил цензуру текстов ¹.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что в целом информация и пропаганда в Западной Европе были централизованными, исходили от властей, а имевшая, безусловно, место оппозиционная печать проигрывала в массовости и масштабности.

Какова же была информационно-пропагандистская ситуация в Речи Посполитой? Отличались ли польские издания времен Тридцатилетней войны от западноевропейских? Уже сейчас скажем, что да. Политические реалии этого композитарного государства, его географическое положение и особенности внешней политики придали свои характерные черты информации и пропаганде на его территории. Эта тематика отражена в целом ряде исследований польских историков, наиболее значимыми из которых явились работы У. Хальвег, Я. Ланкау, К. Завадского, Я. Дроба, Ю. Хрошчицкого, У. Августиньяк, Р. Лоло ². Разница их точек зрения заключается, в основном, в следующих позициях. В своей работе об информации и пропаганде при Сигизмунде III Августиньяк придерживается мнения, что информация была скорее присуща оппозиции, а пропаганда — двору. Ее оппоненты, например, Лоло, полагают, что применительно к проблеме Тридцатилетней войны нужно признать, что и король, и оппозиция занимались как информацией, так и пропагандой в зависимости от ситуации. Различались только средства.

Однако, несмотря на тщательное изучение разнообразных документальных материалов, характерной особенностью польской историографии в рассматриваемом вопросе является игнорирование Смоленской войны 1632—1634 гг. как части Тридцатилетней войны, в то время как конфликты со шведами в нее включаются. Распространенное мнение сводится к тому, что события на восточных рубежах Польши, в отличие от ее западных границ, не входили в общеевропейский конфликт, где Речь Посполитая была союзником Габсбургов. В то же время в западноевропейской и американской историографии преобладает противоположная трактовка, предложенная отечественным историком Б.Ф. Поршневым в своем знаменитом труде, где войны Швеции и Московского государства рассмотрены как органическая часть Тридцатилетней войны ³. В нашей работе мы будем следовать второму принципу.

Самая многочисленная группа информационно-пропагандистских документов в Речи Посполитой эпохи Тридцатилетней войны имела религиозно-политическую направленность. Почти с самого

начала войны информация стала дополняться аллегорическими и сатирическими иллюстрациями. Листовки такого типа расходились массовыми тиражами.

Европейская война нашла яркое отражение в деятельности жителя Липска Пауля Фюрста. Его издания и гравюры не только содержали текст, но и были снабжены богатыми иллюстрациями, вследствие чего информацию из них могли черпать люди, не умевшие читать. Гравюры были частым явлением и создавали образ Тридцатилетней войны, в первую очередь, как войны кровавой. Особенно это обстоятельство стало заметным во время «интервенции» шведов в германские земли.

Специфической чертой публицистики Тридцатилетней войны были песенки на актуальную политическую тематику. Их авторы, часто анонимные, описывали важнейшие события, либо биографии главных политических и военных деятелей. Песенки издавались на немецком языке, реже на латыни. Для лучшего восприятия и запоминания тексты надлежало приспособить к знакомым народным мелодиям. При этом часть песенок передавалась в устной форме. Они и просто стихи на актуальную тематику распространялись на рынках, ярмарках и в корчмах. Некоторые из них пели в Польше и в XIX веке.

Отдельной категорией информационных документов были военные репортажи. Часто анонимные авторы описывали в них ход сражений, всю или фрагменты кампании. Главным отличием этого вида документов был сухой и безликий стиль. Авторы нередко старались не приукрашивать действительность и показать реальное положение вещей. Объективность военных репортажей превосходила таковую в других документах, конечно, в случае, если они были составлены не по приказу свыше.

Несмотря на то, что Тридцатилетняя война проходила преимущественно вне границ Речи Посполитой (за исключением военных действий против шведов и Московского государства), способов поиска информации было немало. Важная роль в этом плане принадлежала частной корреспонденции, немалое значение имела информация, полученная при торговых контактах, а также взаимовыгодный обмен информацией. Исключительное значение имела корреспонденция между дворами, включавшая в себя как официальные сообщения, так и секретные рапорты агентов. С течением времени наиболее популярными становились периодические информационно-пропагандистские издания типа «Французской газеты»⁴.

Если говорить о короле Сигизмунде III (1566—1632) и его политических союзниках, необходимо начать с главных лиц. Как заметил польский историк В. Чаплинский, помимо значительного влияния канцлера короны, последний голос в политике принадлежал королю. После смерти коронного канцлера Яна Замойского в 1605 г. Сигизмунд III предпринял очередную попытку почти полностью освободиться из-под контроля сейма, запросив у него разрешение на увеличение налогов на содержание армии и потребовав ограничить право «*liberum veto*». В ответ в августе 1606 г. в Сандомире вспыхнул «рокош» — разрешенное польским правом восстание шляхты против короля в случае грубого нарушения им законов. Восстание закончилось

в июле 1607 г. поражением повстанцев и сохранением status quo по состоянию на 1605 г., но научило Сигизмунда при каждой дипломатической акции учитывать честь сенаторов. В случае войны согласие сейма было необходимым, но при конфликтах либо оборонительной войне появлялась возможность обойти это обстоятельство. Это означало проведение тайной политики с участием помощников — как сенаторов, так и придворных⁵. Выбор такого метода ведения дел был равнозначен организации доступа к полной информации широких кругов шляхты и учета ее мнения.

Среди источников информации короля о Тридцатилетней войне первое место занимала официальная и личная корреспонденция Сигизмунда III с европейскими государями и императорским двором. Видя в Габсбургах своего главного союзника на международной арене, король перманентно информировал императора Фердинанда II о своих дипломатических шагах. Да и Вена регулярно предоставляла Варшаве соответствующую информацию. Например, в польскую столицу были высланы копии соглашений ряда государств 1624 г. с трансильванским князем (1613—1629) и королем Венгрии (1620—1621) Бетленом Габором вместе с информацией о движении его войск. Значительную роль в информационном канале играли имперские послы в Речи Посполитой. Однако если говорить об обмене информацией, первостепенное значение следует приписать польской королеве Констанции, после смерти которой имперский посол Арнольдин жаловался на трудности с получением новостей.

Важным источником информации для двора были шпионы и специальные информаторы. Шпионажем занимались не только частные лица, но и магнаты. Например, коронный маршал Николай Вольский сообщал королю о движении и планах армии Мансфельда в 1627 году⁶. Еще одним источником информации о событиях Тридцатилетней войны для польского короля и его двора являлись записки и советы разных лиц, отбиравшиеся как в коронной канцелярии, так и непосредственно в королевской.

Значительная часть информации о событиях в Европе шла через магнатов, которые получали ее благодаря услугам своих информаторов. Богатый материал в этом отношении оставил гетман Литовский Кшиштоф II Радзивилл, кальвинист по вероисповеданию, переписывавшийся с голландским генералом Касселем. Ориентацию в отношениях со Швецией представляли письма к нему шведских генералов, например, де ла Гарди (Делагарди). Ведь во время войны со шведами в 1617—1618 гг. Радзивилл проявил свой стратегический талант, отвовав у шведов несколько потерянных ранее крепостей. А в 1622 г. он успешно противостоял превосходящей по численности шведской армии под командованием Густава II Адольфа. Выехавший в Голландию в 1623 г. слуга князя Кшиштоф Арцишевский даже организовал по почте доставку советов Радзивилла из Берлина и Гданьска в Варшаву. Он работал в этом направлении до 1629 года. Князь также имел контакты с Фридрихом V Пфальцским и Морицем Оранским⁷. Абстрагируясь от личных дел и политических амбиций Радзивилла, нужно признать, что он был основательно информирован.

В корреспонденции с императором Фердинандом II состоял великий коронный маршал Николай Вольский. С Венной переписыва-

лись также епископ Краковский Мартин Шишковский, гетман Станислав Конецпольский и другие магнаты. Они имели также контакты с командующим имперской армией Альбрехтом фон Валленштейном.

Для Сената источником информации являлись также письма, полученные от короля в рамках обсуждения своих решений. Как видно, магнаты получали необходимые им новости без особого труда и из разных источников. Сенаторы с большими амбициями имели широкие контакты на арене Тридцатилетней войны и проявляли собственную инициативу. На стороне Габсбургов, например, находился Николай Вольский, а среди оппозиции, сочувствовавшей протестантам, Кшиштоф Радзивилл.

Втянута была в поток информации и шляхта, поскольку каждый шляхтич с детства был включен в общественные дела. Шляхта интересовалась как внутренней, так и внешней политикой. Августиньяк заметила, что наихудшее влияние на политику того времени оказывали решения сеймиков, осведомленных о военных событиях. При этом чаще всего эти решения были полны критики и к положительным результатам не приводили⁸. Особенно шляхта интересовалась теми аспектами международных отношений, которые могли бы вовлечь Речь Посполитую в военный конфликт. На войне можно было потерять свои земли, равно как и проявить свою доблесть.

При этом в каждом шляхетском сообществе существовали лидеры, влиявшие на общее мнение. Именно они преимущественно располагали поступающей информацией о ходе Тридцатилетней войны. Сеймики поднимали проблемы внешней политики в зависимости от близости их места к военным действиям. Так, сеймики мазовецкие, а также прусские лучше других знали и анализировали проблематику, касающуюся реляций из восточногерманских земель. Сеймики Великого Княжества Литовского интересовали отношения с Москвой. Самым же главным на сеймиках всегда был вопрос — «мир или война»⁹.

В Тридцатилетней войне шляхту больше всего интересовала прусская кампания против шведов 1626—1629 годов. Проводимые с привлечением значительных средств и закончившиеся мизерным результатом военные действия поляков против Густава Адольфа в Пруссии все же показали, что шляхта добилась немало уважения шведов. В меру своих возможностей шляхетское войско старалось взять под полный контроль устье Вислы, но помощь Вены, на которую большое впечатление оказали блестящие успехи шведского короля в Речи Посполитой, была весьма незначительной. С тех пор приоритетом шляхты стало непровоцирование шведов на военные действия, что фактически означало политический нейтралитет польско-литовского государства в Тридцатилетней войне. В целом же шляхта придерживалась принципа невмешательства в европейский конфликт, что отражало мнение ее лидеров на сеймиках. Она не принимала во внимание призывы короля вновь открыть военные действия в Пруссии. Это вело к определенной независимости шляхты от политики короля, его двора и магнaterии.

Шляхта получала информацию разными путями: через миссии от короля на сеймики, через универсалы, через ответы королей и магнатов на запросы шляхты и, конечно, из листовок. К последним часто

обращались как короли, так и оппозиция для распространения информации и пропаганды среди шляхты. Они зачитывались на сеймиках и могли вызвать бурную дискуссию. Немало выступлений шляхетских ораторов также публиковалось в популярной форме. В целом же прогабсбургская политика династии Ваза не была популярна среди шляхты, речи представителей которой имели оппозиционный двору характер. Типичным документом такого рода с пропагандистским подтекстом являлась «Речь ксендза Ежи Збараского на сейме, который состоялся в Варшаве в 1623 г.»

Безусловно, самая большая информативность содержится в документах, непосредственно описывающих военные действия эпохи Тридцатилетней войны. Первое место среди них по популярности и распространенности в Речи Посполитой принадлежит сведениям о деятельности литовского шляхтича Александра Юзефа Лисовского и его легких кавалерийских отрядов, которых именовали «лисовчиками». В этом плане немалый интерес представляет анонимный текст «О солдатах лисовчиках вне закона» (*O żołnierzach lisowczykach sine lege*), появившийся предположительно в 1620 году. В первой части текста автор с большим уважением говорит о заслугах Лисовского и его полка в последней фазе войны с Москвой в 1615—1618 годах. Еще в Смутное время этот литовский шляхтич во главе своих воинов разорял территорию Московского государства. А в 1615 г. Лисовский с 2 тыс. солдат совершил набег на русскую территорию, осадив Брянск, захватив Карачев, Орел, Перемышль и другие территории, и разбив авангард войск князя Пожарского. Поход планировался как маневр, отвлекающий от Смоленска. После внезапной смерти Лисовского под Вязьмой командование перешло к Станиславу Чаплинскому. В следующем году лисовчики захватили Курск и разбили русские войска под Болховым. В 1617 г. они предотвратили нападение русских сил на Смоленск, расположившись рядом с городом — русские отступили к Бяле, как только узнали об этом. После смерти Чаплинского в Калуге лисовчиков возглавил Валентин Рогавский, примкнувший к войскам королевича Владислава в походе на Москву в 1617 году.

Во второй части описаны действия лисовчиков на обратном пути и после возвращения в границы Речи Посполитой. Примечательно, что автор не обошел стороной и другую сторону деятельности лисовчиков. Так, последние в значительной степени являлись, по сути, разбойниками, получив печальную известность благодаря многочисленным грабёжам, насилиям и убийствам, жертвами которых становилось мирное население. «Они легко очищали и карманы, и кошельки, и обозы...», — пишет автор. Не брезговали они грабить и польские земли, что было одной из причин, почему Сигизмунд III желал держать их подальше от Речи Посполитой как можно дольше. Применительно к Тридцатилетней войне интерес вызывает та часть текста, где повествуется о чешском восстании 1618 г., о претензиях на венгерскую корону Бетлена Габора и коронации Фридриха V. Под командованием Рогавского лисовчики нанесли ряд чувствительных поражений протестантам в Трансильвании, не пренебрегая грабёжами и убийствами. Они не «жалели даже детей и собак». Впрочем, в эпоху Тридцатилетней войны это было характерно почти для всех армий. Текст заканчивается 1619 г. и в целом может служить надеж-

ным источником конкретной информации. Автор отразил не только часть начальных событий Тридцатилетней войны, но и отношение шляхты к разбойникам из ее рядов, которые скатились до уровня плебеев ¹⁰.

Существовали и иные мнения. Существенная роль в выявлении заслуг лисовчиков принадлежит сочинению Войцеха Демболенского «Преимущества польских эларов, некогда звавшихся лисовчиками...». Фигура автора сама по себе вызывает интерес — францисканец, композитор, бакалавр теологии, поэт, историк, он до конца жизни боролся с еретиками и интересовался событиями Тридцатилетней войны. Одно время он служил капелланом у лисовчиков и описал их деяния в 1619—1622 годах. Первое издание его сочинения появилось в 1623 г., второе — уже в 1630. Апологетическое по характеру, оно было написано живо и красочно, а вместо термина «лисовчик» автор предпочитал использовать определение «элар». Их действиями, по мнению автора, руководил сам Бог, который, по сути, являлся их гетманом. Само войско лисовчиков было «бичом Божиим» для еретиков ¹¹. Несомненно, Демболенский ставил перед собой задачу отобразить успехи воинов Речи Посполитой в Тридцатилетней войне.

Вообще сочинений о лисовчиках с полярными мнениями масса, что неудивительно — ведь они как-никак являлись воинами-поляками, добившимися определенной известности на полях европейской войны. Немалую популярность лисовчиков отражает «Песнь о Лисовских казаках», изданная в Кракове в 1620 году. Описывая борьбу лисовчиков с турками, чехами, венграми и моравами, она содержит даже ноты ¹². Противоположной точки зрения придерживается анонимный автор текста о лисовчиках, начинавшегося с прозы и заканчивавшегося стихами, изданного в одно и то же время с «Песнью...». Он считал, что лисовчикам было чуждо чувство чести, и подчеркивал их плебейское происхождение: «В Польше не было такой шляхты». Вместе с тем, автор не мог не сказать о боевой храбрости лисовчиков, от которой «у пана Мансфельда (кондотьера-протестанта времен войны. — *Л.И.*) болит голова» ¹³. О славе лисовчиков также повествуют «Свежие новости с Украины, Венгрии и Турции», представлявшие собой рассказ одного из них как источник информации. «Вооруженные до зубов, нас били силезцы, немцы, венгры, но почему же при таком раскладе у них душа уходит в пятки?» ¹⁴

Здесь следует уточнить, что после 1619 г. лисовчики раскололись: Рогавский с одной частью вернулся в Польшу, а остальные под командованием Яроша Клецковского остались служить императору. После гибели Клецковского лисовчики под началом Станислава Русиновского сражались в битве у Белой Горы 8 ноября 1620 г. и захватили 20 знамен. Но в мае следующего года император, уступая многочисленным жалобам населения на бесчинства лисовчиков, заплатил им жалование и освободил их от службы. Некоторые из них вернулись на родину, другие же поступили на службу к курфюрсту Баварскому Максимилиану I ¹⁵.

Заметно, что положительный характер деяний лисовчиков был отражен в пропагандистских документах двора, причем в первом периоде Тридцатилетней войны — до 1623 года. В кругах же шляхты чаще появлялись негативные писания о лисовчиках. Их ярким при-

мером может служить сочинение поэта Валериана Неканда Трепки «О лисовских и конфедератских солдатах», относившегося к лисовчикам с явным неодобрением. Он привел 70 случаев дарования этим солдатам шляхетского статуса. Трепка, не жалея слов, описал страдания и грабежи, которым подвергались люди в Речи Посполитой. Пример Трепки свидетельствует, что пропагандистская акция двора по «отбеливанию» деяний лисовчиков имела небольшой эффект и утонула уже ко второй половине 20-х гг. XVII века¹⁶.

Несколько иначе обстояло дело с прессой, касавшейся тематики войны, которая в равном отношении являлась источником как информации, так и пропаганды. При этом в большинстве изданий явно отражены прогабсбургские симпатии.

Первой летучей газетой, печатавшей новости из восставшей против Габсбургов в 1618 г. Чехии, были «Новости из Чехии» Ее издал в 1620 г. в Кракове Бартош Погодинский, автором текста являлся Ян Жечицкий. О самом Жечицком известно немного. Происходил он из Речицы Виленского повета и хоть не был шляхтичем, знал греческий и латынь. Известно шесть его сочинений, и все они являлись либо политическими репликациями из-за границы, либо известиями о сенсационных событиях (например, упавшем метеорите в Моравии). Жечицкий также перевел контрреформационный пасквиль «Анатомии Мартина Лютера».

«Новости из Чехии» состоят из вступления, пяти частей, тематически связанных с Тридцатилетней войной, и стихотворения польского поэта Яна Кмиты на латыни. Весьма нелестно автор отозвался о чехах, назвав их «презренным народом», отошедшим от своих братьев славян, и напомнил о том, «что позволено Льву, не позволено Скорпиону». Все факты в газете относятся к чешскому восстанию, его причины и ход описываются с прогабсбургских и контрреформационных позиций. Тем не менее, Жечицкий дал подробный анализ армии повстанцев, зависив, однако, при этом, численность чехов. Текст этот приобрел большую популярность и неоднократно переиздавался. О первых событиях Тридцатилетней войны повествуют также и другие газеты, материал в которых подан в таком же духе. Например, «Реляция о битве воинства императора с чехами...» повествует о полном разгроме протестантов¹⁷.

Затем количество летучих газет, описывающих проблематику войны в Европе, значительно уменьшается и вновь возрастает уже в 1630-х гг., что связано с политическими конфликтами при Сигизмунде III и Владиславе IV (1595—1648, польский король с февраля 1633 года). Так, в 1632 г. вышли в свет «Новые новости или полная реляция из Германии. Перемена фортуны от Густава до императора в 1632 г.», призванные склонить шляхту поддержать своего короля и императора Священной Римской империи. Текст был настолько популярным, что в том же году появилось второе его издание¹⁸.

Уже при Владиславе IV, в 1634 г., было опубликовано «Сообщение о победе Его Величества императора...». Эта типичная анонимная реляция была переведена с немецкого языка. С прогабсбургской позиции, сухим стилем в ней описывается победа имперской армии над шведами под Нордлингеном 6 сентября 1634 года. В том же году в придворных кругах распространилось стихотворение об имперском

полководце Валленштейне. В нем говорилось о жизни и головокружительной карьере герцога Фридрихландского, на которую он ответил императору изменой.

Наконец, весьма любопытным документом предстают «Новости императорского двора в Вене, которые написаны гетманом Глогговским в 1624 г.». Эту анонимную реляцию можно отнести к разряду сенсационных источников. Имевший лишь приблизительную ориентацию в отношении Речи Посполитой с Габсбургами автор в 13-ти кратких информационных пунктах описал мнимые успехи и планы императора, среди которых встречались следующие: «7. В том году обещана от Черного Орла гибель турецкой столицы. Для этого собрана казна, собралось 100-тысячное имперское войско, а также испанский король и английские люди...» Против турок, свидетельствует автор, выступили еще «король персидский» и запорожские казаки¹⁹.

Не меньше в 30-е гг. XVII в. поляков интересовало военное противостояние на восточных границах шляхетской Республики — борьба за Смоленск. Помимо обычных реляций, преимущественно отражавших позицию двора, это событие имело свои информационные особенности. Оно не было обойдено пристальным вниманием современников, оставивших о нем дневники и свидетельства иного рода. Среди них достойное и, пожалуй, одно из первых мест может быть отведено «Дневнику Московской войны 1633 года», авторство которого уверенно приписывают Яну Москожовскому, офицеру и секретарю Великого гетмана Литовского Кшиштофа Радзивилла.

Достоинств у этого документа немало. Во-первых, он оригинален, ибо представлен в нетрадиционной форме писем к брату Анджою; во-вторых, довольно подробно описывает защиту польским войском Смоленска и окружение московской армии. А в-третьих, что немаловажно, его издание в переводе с рукописи и в редакции Александра Рембовского 1895 г. было одобрено российской цензурой, что предполагает достаточно объективное отношение автора писем к происходившим событиям. При этом Рембовский отметил, что, хотя описаний войны 1632—1634 гг. не так уж и мало, столь обстоятельных среди них сложно найти. Москожовский не покрыл себя военной славой, но оставил потомкам другую память. По мнению автора «Дневника», экономическое состояние Смоленска было совсем неплохим, гарнизон был хорошо экипирован, и город мог держаться очень долго, тем более, в подошедшем на помощь польском войске было много опытных иностранных наемников. Такая ситуация, в принципе, в некоторой степени оправдывает поражение русского войска. Цифры, как и у большинства авторов записок о той войне, отличаются неточностью. Вместе с тем, Москожовский демонстрирует определенную событийную точность и натурализм жизни солдат и офицеров. Автора отличает деловой подход к людям и событиям своего времени. При описании жертв обороны Смоленска он, что важно, не скрывает правды, как бы горька она не была, и фиксирует ошибки командующих и офицеров польско-литовской армии²⁰. В целом же «Дневник» воссоздает впечатляющий образ Смоленской войны.

Среди многих прочих отметим еще два документа того времени. Первый — визуальный и отличается большой достоверностью. Владислав IV, мечтая о славе, приказал издать работу о защите Смоленска

ка, которая бы распространила славу о его деяниях в Европе. Планы обороны Смоленска поляками подготовил большой специалист в этом деле фламандский картограф, гравер и художник Вильгельм Гондиус, среди работ которого известен портрет молодого польского вельможи Яна Радзивилла, будущего великого гетмана Литовского, а в то время чрезвычайного посла, известившего Англию и Нидерланды об избрании нового польского короля — Владислава. Возможно, именно рекомендация Радзивилла и привела Гондиуса в Данциг (Гданьск) для исполнения заказа короля — гравирования плана осады Смоленска во время войны 1632—1634 годов. К портретным работам прибавилось привычное для семейной традиции гравирование карт. Король велел изобразить успешный смоленский эпизод всей кампании. Гондиус приехал в Данциг уже после происходивших событий и, хотя он редко прибегал к чужим образцам и работал преимущественно по собственным рисункам, был вынужден воспользоваться эскизами картографа Иоганна Плейтнера и реляциями королевского секретаря и историографа, силезского поэта Мартина Опитца. Огромный план, гравированный на 16 досках, был готов в 1636 г. и имел огромное пропагандистское значение. В нем воспроизводился весь ход осады, отдельные стычки и сражения, портреты участников действия и, прежде всего, самого короля. Гондиус осел в Данциге и в дальнейшем работал для двух королей — Владислава IV и Яна-Казимира, получив титул придворного гравера и связанные с ним привилегии. Он писал многочисленные портреты королей, магнатов, воевод, канцлеров, бургомистров, горожан и ученых. Гондиус также выполнил несколько таблиц для звездного каталога известного астронома Яна Гевелия, выгравировал карту Полесья, планы соляных копей в Величке, украшенные множеством бытовых сцен. Кроме того, он выгравировал карту Украины на восьми листах, автором которой был королевский картограф и фортификатор Гийом Боплан. Без изображения Крымского полуострова она была издана в 1648 году ²¹.

Второй небольшой документ носит, скорее, информативно-дипломатический характер. Это реляция канцлера Задзика о смоленской кампании 1633 г., адресованная первому министру Франции кардиналу Ришелье. Якуб Задзик, ярый католик и сторонник Контрреформации, являлся видной политической фигурой Речи Посполитой — в 1613—1627 гг. он занимал пост главного королевского секретаря, в 1628—1635 гг. — великого канцлера Короны, а с 1635 г. был епископом Кракова. Задзик принимал участие в заключении мирного договора со Швецией в Альтмарке в 1629 г. и Поляновского мира с Московским государством в 1634 году. Канцлер Короны часто находился в оппозиции королю Владиславу, особенно его шведской политике и стремлению усилить королевскую власть военными действиями. В этом плане его деловые отношения с кардиналом Ришелье, союзником Швеции в Тридцатилетней войне и не желавшим военной активности Польши, поддерживавшей Габсбургов и Католическую лигу, вполне понятны. В краткой и четкой реляции Задзика за декабрь 1633 г. отображается непрерывное проведение осадных работ «московитами», что создавало большие трудности для защитников крепости. Ведь неприятель стоял под ее стенами уже 10 месяцев, насчитывая в своем войске 100 тыс. человек (цифра, как, впрочем, и у Москожовс-

кого, очень преувеличена). Задзик зафиксировал, как король с войском почти 30 дней безуспешно пытался прорваться на Покровскую гору, как осадивший Смоленск неприятель столь же безуспешно атаковал, пытаясь найти место, где легче проникнуть в крепость. Он особо отметил эффективность совместных действий поляков с запорожским войском²².

И все же, несмотря на оставленное современниками большое количество описаний Смоленской войны, польский историк Д. Купиш с сожалением констатирует, что все обнаруженные реляции и записки написаны вне стен осажденного города. История не располагает ни одним дневником, оставленным непосредственным участником обороны Смоленска внутри крепости, что, возможно, скорректировало бы наши представления о той войне²³.

Подводя итоги, нельзя не отметить то обстоятельство, что политическое устройство шляхетской Республики и ее географическое положение серьезно сказалось на особенностях информационно-пропагандистской ситуации на ее территории. Эти особенности заключались как в учете влияния магнатской и шляхетской оппозиции польской короне, так и в наличии двухполюсной, а, скорее, и трехполюсной направленности, то есть западной (Габсбурги), северо-западной (Швеция) и восточной (Московское государство). В планировании и реализации информационно-пропагандистских действий были равно задействованы король и оппозиция, но разными методами и средствами в зависимости от их потребностей и возможностей. В условиях развивавшейся в Европе централизованной административной монархии это создавало иллюзию демократии, но демократии шляхетской, анахроничной, пользовавшейся современным уровнем развития книгопечатания.

Оценивая в целом степень информированности польских королей, можно сказать, что они должны были хорошо ориентироваться в ходе войны. Однако неудачные попытки дипломатической акции и Сигизмунда III (создание анти-шведской коалиции в 1623—1625 гг.), и затем его преемника Владислава IV свидетельствуют о том, что в Польше довольно слабо разбирались в тайных играх европейских политиков. В результате вышло так, что даже выборы нового короля в начале 1630-х гг. стали зависеть от политики в восточном направлении. Что же касается шляхты и остального населения Речи Посполитой, то их преимущественно интересовали события Тридцатилетней войны, связанные с ситуацией на родине. Причем эта заинтересованность носила волнообразный характер — ее пик приходился на начало войны и 30-е гг. XVII века.

Примечания

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00270.

1. См., например: ELLIOT J.H. The Imperial Spain. L. 1963, p. 227—239; THOMSON O. Historia propagandy. Warszawa. 2001, s. 273; LOLO R. Rzeczypospolita wobec wojny trzydziestoletniej. Opinie I stanowiska szlachty (1618—1635). Pultusk. 2004, s. 50—51.
2. HANLWEG U. Flugblatt und Zeitung in der Anfängen des Zeitungwesens in Polen. Königsberg. 1940; LANKAU J. Prasa staropolska na tle rozwoju prasy w Europie 1513—

1729. Krakow. 1960; ZAWADSKI K. Prasa ulotna za Zygmunta III. Warszawa. 1997; DROB J.A. Obieg informacji w Europie w polowie XVI wieku. Lublin. 1993; CHROSCINCKI J.A. Sztuka i polityka. Funkcje propagandowe sztuki w epoce Wasow 1587—1668. Warszawa. 1983; EJUSD. The struggle for the swedish and polish Throne during the Reign of Sigismund III Vasa. In: Stosunki polsko-szwedzkie w epoce nowotnej. Warszawa. 1981; AUGUSTYNIAC U. Informacja I propaganda w Polsce za Zygmunta III. Warszawa. 1981, s. 23.
3. ПОПШЕВ Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976; Der Westfälische Friede. Diplomatie, politische Zäyur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte. München. 1998.
 4. LOLO R. Op. cit., s. 54—55.
 5. CZAPLINSKI WL. Dyplomacja polska w latach 1605—1648. In: Polska sluzba dyplomatyczna XVI—XVIII w. Warszawa. 1966, s. 206.
 6. LOLO R. Op. cit., s. 57—58.
 7. Ksiecia Krzysztofa Radziwilla hetmana polnego Wielkiego Ksiestwa litewskiego spawy wojenne i polityczne 1621—1632. Paryz. 1859.
 8. AUGUSTYNIAC U. Op. cit., s. 85.
 9. CHOINSKA-MIKA J. Sejmiki mazowieckie w dobie Wasow. Warszawa. 1998, s. 114.
 10. LOLO R. Op. cit., s. 67.
 11. DEMBOLESKI W. Przewagi clearow polskich, co ich niegdy lisowczykami zwano... Pulawy. 1830, s. 11.
 12. Obrazy starodawne. T. I. Warszawa. 1843, s. 74—76.
 13. BADESKI K. Literatura mieszczańska w Polsce XVII wieku. Lwow. 1925, s. 183—186.
 14. Rozmowy swieze o nowinach z Ukrainy, z Węgier i z Turek. Rozmowa Straznika pogranicznego, Kursova z Kamienca Podolskiego, Wieznia z Turek, Zolnierza z Turek I Lisowczyka z trafunku. Krakow. 1621, k. 2, s. 82.
 15. См.: Wojskowy Instytut Historyczny. Zakład Historii Dawnego Wojska Polskiego. Zarys Dziejów Wojskowości Polskiej Do Roku 1864. T. I. Warszawa. 1966.
 16. TREPKA W.N. Liber generationis plebeanorum («Liber chzmorum»). Wroclaw-Warszawa-Krakow. 1995, s. 57.
 17. LOLO R. Op. cit., s. 83—84.
 18. ZAVADSKI K. Op. cit., s. 128—130.
 19. LOLO R. Op. cit., s. 85—86.
 20. Dyaryusz wojny moskiewskiej 1633 roku. Warszawa. 1895, s. I—II.
 21. Ibid., s. III.
 22. См.: Relacja kanzlerza Zadzika o kampanji Smolenskiej w 1633 r.
 23. KUPISZ D. Smolensk 1632—1634. Warszawa. 2001, s. 8.

Костры во Флоренции в конце XV в.

Е.П. Тельменко

В последнее десятилетие XV в. Флоренция, пережившая смерть Лоренцо Великолепного, изгнание Пьеро Медичи и нашествие французских войск ¹, признала в качестве своего духовного лидера Джироламо Савонаролу. Этот доминиканский монах, первоначально не выделявшийся из числа других проповедников конца столетия с их предсказаниями скорого обновления христианского мира, сумел обрести ведущие позиции в городе на Арно, встав в критический для республики момент на позиции оптимистичного миллениаризма ². В своих обращениях к пастве, фра Джироламо начал последовательно проводить мысль об особом положении Флоренции, о том, что именно она избрана Богом в качестве исходной точки преобразования Италии и всего мира, но прежде сама должна реформироваться. Таким образом, предоставив городу позитивный идеологический импульс, приор Сан Марко освятил своим авторитетом политические реформы и получил значительные возможности для проведения духовных и нравственных преобразований. При осуществлении последних Савонарола, помимо прочего, прибегнул к практике организации так называемых «костров суеты» — актов уничтожения предметов, отвлекавших жителей избранного Богом города от простой и целомудренной, благочестивой жизни.

Тема «костров суеты», устроенных доминиканцем во время карнавалов 1497 и 1498 гг., до сих пор не потеряла своей привлекательности для исследователей. При этом стоит отметить значительную эволюцию в подходах к постановке проблемы и выборе ракурса исследования. Так, историки XIX и отчасти XX в. рассматривали действия по уничтожению «суеты» либо как проявление вандализма, либо в качестве кульминационных моментов в духовной эволюции горожан, призванных обозначить факт обращения флорентийцев к ис-

Тельменко Елена Павловна — кандидат исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь.

тинной вере, очищенной от всяческих пороков ³. Авторы научных работ второй половины XX в., очевидно, признав, что подход с позиций «прогресс-регресс», «значительный-несущественный ущерб» мало что дает для объяснения сути явления, обратили внимание на то, что данные акции Савонаролы не отличались принципиальной новизной, поскольку практиковались другими проповедниками, что предоставило превосходный повод для сравнительного анализа ⁴. В конце XX — начале XXI в. ученые, работающие в русле исторической антропологии и новой культурной истории, предложили иное видение феномена «костров суеты» — с позиций *longue durée* — и обратились к вопросу о связи савонаролианских «духовных празднеств» с народной карнавальной культурой ⁵.

Представляется, что подобный подход применим и к анализу казни самого флорентийского реформатора, принявшего смерть на костре в мае 1498 года. Соответственно, выявление карнавального начала в акциях, связанных с организацией костров во Флоренции в конце XV в., может стать частью решения более сложной задачи, заключающейся в попытке понять, как современники и участники событий интерпретировали и модифицировали в своем сознании переживаемую действительность, какими смыслами ее наделяли, какими образами оперировали. Разумеется, следует признать, что любая попытка реконструкции ментальных репрезентаций гипотетична. Как отметил К. Гирц, такого рода работы по выявлению смыслов представляют «интерпретации второго и третьего порядка» ⁶, поскольку им уже предшествует интерпретация, содержащаяся в источнике информации. Зависимость от источников порождает существенные затруднения в определении того, что порождено коллективным, а что индивидуальным (и/или определенной группы) сознанием, что появилось в процессе непосредственной погруженности в события, а что есть результат индивидуальной и более поздней рефлексии, основанной на воспоминаниях, приведенных в соответствие с общими схемами, которыми в данный момент оперирует культура. По этой причине следует сразу оговориться, что далее мы сосредоточимся исключительно на рефлексии и переживаниях представителей «партии брата» ⁷, но в некоторых случаях позволим себе допущения, касающиеся народа (паствы) в целом.

В анонимной канцоне, исполненной во время одного из упомянутых выше савонаролианских карнавалов ⁸ и представляющей собой диалог между флорентийцем и убегающим из реформированной Флоренции Карнавалом, житель города на Арно язвительно вопрошает беглеца: «Где твои мальчишки? Шалашики (*capannucci*), шесты (*stili*) и камни (*sassi*), джостры и многочисленные развлечения?» ⁹ В ответ Карнавал с печалью заявляет: мальчишки — «моя погибель», а по прибытии в развращенный Рим, обращаясь к сочувствующему ему окружению, уточняет, что во Флоренции ему была уготована смерть на костре, для чего «мальчишки... подготовили шалашик (*capannuccio*)» ¹⁰. Итак, «мальчишки» — флорентийская молодежь — представлены в этом диалоге в качестве главных участников карнавальных торжеств, обычной практикой которых были «шалашики (*capannucci*), шесты (*stili*) и камни (*sassi*)».

В «Жизнеописании блаженного Иеронима Савонаролы», написанном автором, жившим на рубеже XV—XVI вв. ¹¹, можно обнару-

жить объяснение сути этих карнавальных забав. Развлечения с «шестами» заключались в том, что молодые люди «брали длинное бревно и перегораживали им общественную улицу, когда шел какой-либо человек и особенно молодая женщина, им не позволяли пройти, покуда те не давали деньги, которые они затем тратили на собственные наслаждения и на приятную тщету»¹². Особое внимание юношей к молодым, недавно вышедшим замуж женщинам, позволило Джованни Чаппелли выдвинуть интересное, но не бесспорное, положение о том, что по мотивам этот сбор пошлины за проход напоминает шаривари, во время которых холостая молодежь собирала плату за вновь заключенные супружеские союзы, компенсируя, таким образом, недостаток женщин на брачном рынке и пуская собранное на устройство развлечений¹³.

«Шалашики», в свою очередь, представляли собой установленные на улицах «большие шести ... к которым были приставлены фашины, хворост и бревна с тем, чтобы сжечь (это. — *Е.Т.*) в вечер карнавала»¹⁴. По сути, капаннуччи выполняли во время масленичных торжеств несколько функций. Вечером, в холодный месяц февраля они служили источником тепла и света. На масленицу, писал Джорджио Вазари в биографии художника Бартоломео из Сан Марко, «по городскому обычаю на площади устраивали соломенные или деревянные шалашы, а во вторник вечером по древнему обычаю сжигали их с любострастными танцами, во время которых мужчины с женщинами, взявшись за руки, кружились вокруг костра, распевая разные песни»¹⁵.

Однако днем капаннуччи выступали центрами иного рода активности — агональной. «Неоднократно случалось так, — отмечал современник Савонаролы, — что в день означенного карнавала рядом с этими шалашиками происходило множество сражений, когда с камнями, а когда с оружием, чтобы сжечь шалашик друг друга, и одна партия сражалась с другой с такой яростью, что часто погибали люди»¹⁶. Сооружение шалашиков оказывается связанным с другим, как указывал этот же автор, «древним»¹⁷ развлечением молодежи — игрой в камни. Сходное свидетельство, подтверждающее данную связь, оставил в своей «Истории» флорентийский горожанин Джованни Камби. Описывая возврат к прежней практике масленичных торжеств после смерти Савонаролы, он повествует о том, как во время «Карнавала дьявола», в «жирный вторник» 12 февраля 1499 г. «в городе было сооружено 15 капаннуччи», вокруг которых собрался народ; затем все эти группы были объединены в две партии, которые перешли к сражению с применением камней, а после и оружия. Поскольку драка сопровождалась смертельными исходами, должностные лица флорентийской синьории приказали «сжечь днем все эти шалашики», дабы к вечеру избежать новых беспорядков¹⁸.

Итак, игры в камни представляли собой состязания, имитирующие военные действия, а шалашики — своего рода символический центр отдельной группы участников, захват и сожжение которого означал ее проигрыш. Число упомянутых Камби капаннуччи (15) близко к количеству гонфалонов (16) — территориально-административных округов Флоренции¹⁹, поэтому вполне вероятно, что стычки происходили между территориальными группировками; игра шла на

выбывание, и в итоге происходило финальное сражение между двумя командами, прошедшими нечто вроде «отборочного турнира»²⁰.

При описании акций, устраиваемых Джироламо Савонаролой во Флоренции с целью ее духовного преобразования, термин «саранписсио» вновь появился у авторов — современников событий: шалашики флорентийской молодежи сменялись одним большим сооружением («un gran sarannissio»²¹) — костром тщеты, организованным на площади Синьории в дни «благочестивых» карнавалов 1497 и 1498 годов. И именно здесь, как утверждал Карнавал в упомянутой выше анонимной канцоне, ему был сбережен «прекрасный уголок», чтобы сжечь его во имя веры²².

Об устройстве костра 1497 г. мы можем судить на основе подробных описаний, оставленных современниками событий — фра Пачифико Бурламакки (Псевдо-Бурламакки), поэтом Джироламо Бенивьени и флорентийским горожанином, автором «Истории Флоренции» Якопо Нарди. Конструкция, возведенная на площади Синьории, представляла собой восьмигранник, «по типу пирамиды» высотой 30 и шириной каждой стороны в 15 локтей. Каждая сторона была устроена в виде расположенных друг над другом ступеней, на которых в тематическом порядке размещались изъятые у горожан молодыми приверженцами Савонаролы суетные вещи²³. Отдельно было выставлено: все, что служило услаждению слуха — различные музыкальные инструменты и нотные записи; сладострастные сочинения поэтов и писателей; непристойные произведения живописи и скульптуры; разнообразное приспособление для азартных игр; женская суета — косметика, духи, накладные волосы, зеркала; карнавальная «чертовщина» — маски, бороды, парики. Сооружение венчала фигура Карнавала, «настолько чудовищная и безобразная, что с трудом можно вообразить такую», — как охарактеризовал ее Бурламакки. Дж. Бенивьени же утверждал, что Карнавал был выставлен в качестве предводителя семи смертных грехов, «в виде настолько гнусного и отвратительного монстра, насколько можно вообразить» и символизировал пороки «ложных христиан»²⁴. Костер суеты 1498 г., по словам Псевдо-Бурламакки, представлял собой «большое сооружение, украшенное лучше прежнего», «по форме и модели напоминающее предыдущее, на вершине которого находился древний змей и на нем восседал Люцифер с семьей смертными грехами»²⁵. Для лучшего горения в основание конструкций были заложены хворост и бревна, а также «порох для бомбард».

Здесь следует обратиться еще к одному термину, употребляемому в источниках для обозначения сооружений, предназначенных для уничтожения суеты. Так, в текстах эта конструкция называется также «триумфом (trionpho)»²⁶. Примечательно, что Дж. Вазари в своих «Жизнеописаниях» «триумфами» именуется тематические колесницы, изготовлявшиеся в эпоху Лоренцо Великолепного для проведения карнавальных шествий. Так, в биографии флорентийского живописца Франческо Граначчи (р. 1469) автор отметил, что тот «знал толк в разного рода убранстве, каким во время масленичных празднеств обряжался весь город, великолепный Лоренцо Медичи всегда пользовался его услугами во многих подобных вещах, и в особенности в маскараде, представлявшем триумф Павла Эмилия по случаю победы, одержанной над некими чужими народами», и при этом уточнил,

«что Лоренцо деи Медичи был первым изобретателем этих маскарардов, представляющих то или другое, и именуемых во Флоренции “Песнями”, какие раньше в иные времена не устраивались»²⁷. Как отметил в своем исследовании А. Шастель, «за отсутствием точных дат, первые такие колесницы можно отнести к 1480 г., а последние — к 1490», практика их применения была возобновлена в 1511 и затем в 1515 гг., что «было воспринято как “возвращение эры Медичи”»²⁸.

Возможно, великолепии триумфальных повозок, организованных Лоренцо, произвело на горожан столь сильное впечатление, что термин, связанный с драматической (или статической) репрезентацией, вдохновленной римской историей и классической культурой, без труда был перенесен авторами сочинений на сооружения, наполненные иным смыслом. Эту легкость перенесения можно связать с тем, что Лоренцо, по сути, не был изобретателем тематических колесниц, он лишь модифицировал ранее существующую традицию представлений на темы Св. Писания, устраиваемых религиозными братствами флорентийцев во время праздника святого покровителя города — Иоанна Крестителя. Так, Паола Вентроне приводит свидетельства современников о таких инсценировках, устроенных в 1439, 1451 и 1454 гг., где речь идет о «повозках» или «сооружениях», как, по замечанию итальянской исследовательницы, их начали называть, видимо, со второй половины XV века²⁹. Здесь стоит отметить, что и этот термин — «сооружение (edifizio)» — также довольно часто встречается при описании как костров суеты, так и места казни их устроителя.

Помимо этого, возможно, огненная феерия, связанная с уничтожением костра суеты, начиненного порохом, и потому сопровождавшаяся взрывами, могла содержать аллюзию на традиционную забаву горожан в упомянутый выше праздник Иоанна Крестителя. Конструкция костра и эффекты, связанные с его горением, напоминают устройства для фейерверков в ночь на 24 июня. Для сравнения обратимся к Вазари, подробно описавшему данную традицию: «Во Флоренции был обычай: почти что каждый год по случаю праздника святого Иоанна Крестителя на главной площади вечером под Иванову ночь сооружать жирандоль, то есть целую махину, набитую бураками, ракетами и другими искусственными огнями, и жирандоль эта имела то вид храма, то корабля, то утеса, а то и целого города или ада как вздумается изобретателю»³⁰.

Итак, появившийся на площади Синьории во время карнавалов 1497 и 1498 гг. тематически оформленный «большой капаннуччо» — репрезентация, близкая по форме к традиционным праздничным представлениям горожан. Однако Савонарола, приурочив свои акции к масленичным торжествам, предпринял попытку изменить их внутреннее содержание — произвести христианизацию карнавала, превратив разгул плоти в торжество духа, что можно расценить как удар по самой сущности праздника.

Трансформация карнаваловых обычаев производилась монахом с привлечением тех же сил, с повышенной активностью которых было связано проведение прежних празднеств. Доминиканец обратился к молодежи и, осуществляя реформу ее нравов, наполнил новым смыслом традиционные карнаваловые практики. Так же, как и в забаве с «шестами», дети продолжали выпрашивать деньги, однако не для себя,

а в помощь «стыдливим беднякам»; склонность к жестокости и насилию, проявляемая во время игр в камни, бралась под контроль и направлялась на искоренение пороков и изъятие суетных вещей у горожан; собранная детьми в результате патрулирования Флоренции суета стала материалом для создания «большого капаннуччо»³¹.

Таким образом, костер тщеты, организованный по инициативе брата, являл собой сосредоточенную в одном месте «анафему», как пояснял своим читателям Якопо Нарди, «так называли похотливые и непристойные вещи, как преданные анафеме и проклятые Богом и канонами святой Церкви»³². Суета, предназначенная к сожжению, представлялась в качестве «чертовщины», «дьявольских приспособлений», и, в свою очередь, фигура Карнавала, венчавшая сооружение костра, мыслилась как олицетворение Сатаны, Люцифера — предводителя всех грехов³³. Кажется, авторы этих сообщений смогли передать суть предпринятой монахом акции: флорентийцы, избравшие своим главой Иисуса Христа, совершают символический акт отказа от порочной жизни именно в то время, когда, согласно традиции, материально-телесное, греховное начало могло проявить себя с максимальной силой, во время карнавала. «Сооружение», созданное усилиями ремесленников-плакс, с одной стороны, выполняло функцию назидания, поучения, с другой — являлось формой пропаганды, связанной с прославлением общества, принявшего реформы городского пророка.

Однако представляется, что и в этом случае связь с языческим субстратом масленичного карнавала не была окончательно разорвана. Рассуждая о свойствах празднеств, М.М. Бахтин отмечал, что их основой является тесная связь со временем, его восприятием, что «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека», и «именно эти моменты... создавали специфическую праздничность праздника»³⁴. Также и костры суеты, устроенные Савонаролой, — ритуальное очищение, символизировавшее смену одного периода жизни (греховного) другим (благочестивым), — по сути, воспроизводили идеи смерти и возрождения, смены и обновления, присущие календарным празднествам, где смерть является амбивалентным образом, поскольку за ней следует рождение, где хаос (разрушение) неизбежно влечет за собой восстановление порядка природного или культурного³⁵.

В этом контексте, очевидно, следует судить и о действиях детских отрядов, как во время «языческих», «дьявольских», так и «благочестивых» савонаролианских карнавалов. «Шесты», «капаннуччи» и «камни» могут расцениваться как символическое воплощение хаоса, разрушительного начала. Савонарола же попытался использовать это свойство праздничного поведения молодежи в своих целях, придав ему новый смысл и направление. Подчинив религиозной дисциплине карнавальные практики молодежи, он стремился контролировать насилие в молодежной среде, но, одновременно, дал, пусть и не желая того, стимул к его применению в борьбе с пороками флорентийского общества, более того, наделил своих мальчиков правом ритуального разрушения изъятой в ходе инспектирования города суеты. Так, в сочинениях современников, описывающих карнавал 1497 г., отмечено, что кульминацией праздника стало поджигание костра четырьмя

«кустодами» картьер — то есть юношами, возглавлявшими детские отряды в одной из частей города. Заведовавшие «деструктивной частью» ритуала «четыре куста... поднесли означенный огонь к описанной выше куче, — отмечает Псевдо-Бурламакки, — при такой большой радости и веселии всего народа, какой требовал пожар суеты и дьявольских силков, это доставило радость не только мужчинам, женщинам и детям, но и творениям неодушевленным, и колокола палатцо, трубы Синьории, дудки и тамбурины звонили во славу великого торжества, посвященного Богу... под множество гимнов всего народа, пламя огня восходило к небесам, во славу Господа и к посярмлению Сатаны и его приспешников, все это сооружение было сожжено»³⁶.

Сценарий праздника — утренняя месса и причастие, послеобеденная торжественная процессия, возглавляемая мальчиками в ангельских облачениях и «обходящая город согласно обычаю» с пением гимнов и кацон³⁷, — способствовал постепенному нарастанию экзальтации его участников, духовное напряжение которых находило свое разрешение в момент поджигания костра. Какого рода переживания испытывали при этом сторонники партии брата, можно предположить на основании приведенных выше слов анонимного плаксы. Особый душевный подъем он связывает с чувством освобождения от «дьявольских сетей», переходящим в ликование, которое распространяется на весь мир, где даже «неодушевленные» предметы принимают участие в общем торжестве, связанном с триумфом веры.

И, наконец, обратимся еще к одному «сарапписсио» в истории Флоренции конца XV в. — костру, на котором горожане сожгли самого Савонаролу³⁸ — своего духовного лидера и пророка. И в этом случае можно увидеть не только политическую акцию, но и ритуал, отношение к которому и участников и свидетелей имело ярко выраженный амбивалентный характер. 23 мая 1498 г., накануне праздника Вознесения, фра Джироламо вместе со своими товарищами — фра Доменико да Пеша и фра Сильвестро Маруффи — были сожжены на площади Синьории. Прежде, чем свершилась казнь, монахи прошли торжественный и унижающий обряд лишения священнического сана, затем публично зачитывался «приговор, осуждающий их всех на смертную казнь, как еретиков и схизматиков»³⁹. Последнее, видимо, вызвало недоумение среди части горожан, прежде всего, сторонников и последователей брата, ибо монахов «незадолго до этого исповедовали и причастили, что никогда не делается с еретиками и схизматиками»⁴⁰. Это, в свою очередь, усиливало ощущение, что казнят невиновных.

Долгая и сложная церемония расстрижения трех доминиканцев явно выражала стремление церковных и светских властей не допустить появления новых мучеников за веру. Однако уже накануне казни возбужденное сознание флорентийцев начало сближать фигуру Савонаролы с образом Христа, распятого на Голгофе. Сооружение, на котором предстояло умереть братьям, представляло собой столб с поперечной перекладной, что в целом породило в умах горожан иллюзию креста, похожего на «тот, первый»⁴¹. Очевидец событий — флорентийский бакалейщик Лука Ландуччи — передал слухи, распространившиеся среди жителей Флоренции, главный мотив которых — монахов Сан Марко «хотят распять»⁴². Власти, «почувствовав этот ропот», попыта-

лись уничтожить возникшую символическую связь, подпилив концы бревна, но, как отметил хронист Джованни Камби, «не настолько коротко, так, что все равно в этой виселице угадывалась форма креста»⁴³.

Воспоминания о событиях, связанных с последними часами жизни Савонаролы, во всяком случае, в передаче авторов, принадлежавших к числу плакс, сливались с библейскими рассказами о страстях Христа. Так, в сочинениях ультрасавонаролианцев Симоне Филипепи и Псевдо-Бурламакки соответствующий культурно-символический код настолько силен, что память формируется им вплоть до деталей. Согласно их воспоминаниям, ремесленников из числа последователей Савонаролы, — «друзей слуги Божьего», «которые верили в отца и его учение», — за день до церемонии принуждали соорудить помост и сложить костер для казни; при этом противники брата, скорее всего молодежь, подвергали их всяческим оскорблениям и унижениям⁴⁴. Соответственно, у автора «Жизнеописания» эти люди стали воплощением Симона Кириинеянина, которого, согласно Евангелиям, недруги Христа заставили нести крест Спасителя на Голгофу⁴⁵. Доминиканец, также как и Христос, претерпевал насмешки и издевательства во время следования к виселице-кресту. Мальчики — «сыновья дьявола» — в щели помоста, по которому должны были ступать босыми ногами осужденные, вбили острые, режущие предметы⁴⁶, чтобы «довести до слез» монахов, а также громко поносили идущих на смерть⁴⁷. Помимо этого, прежде чем городской пророк был повешен, в толпе, якобы, нашелся некто, прокричавший ему, так же, как когда-то Христу: «О, Савонарола, сейчас настало время сотворить чудеса»⁴⁸. Еще одно сходство с Христом, вольно или невольно проявившееся в трудах С. Филипепи и Псевдо-Бурламакки, представляется результатом размышлений более поздних, совпавших с наступлением новой фазы почитания монаха в первой половине XVI века. Вспоминая проповеди брата, авторы утверждали, что он, так же как и Спаситель⁴⁹, предвидел и предсказал свой конец⁵⁰.

Трудно судить, насколько означенная, индивидуальная, основанная на памяти и партийной принадлежности, интерпретация событий совпадает с коллективными переживаниями присутствовавших на площади зрителей. Не исключено, что, если описанные выше вещи действительно происходили во время казни монахов, то они могли вызвать аллюзию на Св. Писание не только у авторов сочинений, но и у значительной части толпы⁵¹.

Амбивалентность, присущая древним празднествам аграрного типа, с их неразрывной связью отрицания и утверждения, смерти и возрождения, проявилась как в библейских событиях, так и во время казни доминиканского монаха: осмеяние, поругание авторитета разворачивалось параллельно с его прославлением. Действия флорентийской молодежи в отношении тела приора Сан Марко представляют обряд поношения — обычный и часто применявшийся по отношению к казнимым преступникам поведенческий код. Мальчики, на протяжении получаса забрасывали обгоревших братьев камнями, особенно стараясь попасть во фра Джироламо, «и не переставали бросать до тех пор, пока кисть и вся рука с частью черепа, не упали на землю», после чего стали раскидывать останки ногами⁵². Здесь стоит также отметить, что подобная смерть, связанная с растерзанием,

разъятием тела на части, имеет явно выраженный карнавалый оттенок⁵³. Более того, 23 мая 1498 г. на площади Синьории совершился акт — архетипический в своей основе, связанный с праздником в его первичном, архаическом виде, — принесение в жертву, «sacrificio», — как пишет в своем «Дневнике» Л. Ландуччи⁵⁴. И, возможно, этот флорентийский горожанин имел в виду не только и не столько политический аспект «принесения в жертву» братьев ради интересов флорентийской республики, сколько ритуальный, обрядовый⁵⁵.

Возникновению в сознании флорентийцев параллелей между казнью, происходившей на площади Синьории, и карнавалом, способствовало не только топографическое совпадение, но и устройство костра и те эффекты, которые он производил. Для лучшего горения в него поместили «порох для бомбард», в результате уничтожение тел доминиканских монахов сопровождалось «треском ракет и взрывами»⁵⁶, напоминая действия пиротехнических устройств (жирандолей), которыми народ любовался во время праздников. Дополнительным свидетельством в пользу означенного предположения служит воспоминание Ландуччи, повествующего о том, как месяц спустя город готовился к торжеству в честь одного из своих покровителей — Св. Иоанна Крестителя. «И 24 июня 1498 г., — пишет этот флорентийский горожанин, — был св. Иоанн, и соорудили жирандоль, на которую установили свинью и великанов и собак, и одного мертвого великана; и говорилось, что это было сделано из презрения к Брату: и утверждали, что свинья — это Брат, а мертвый великан — Франческо Валори и подобный вздор. И перетаскивая упавшего великана, непрестанно болтали: это свинья монаха⁵⁷, и сходные глупости»⁵⁸. В том, как горожане интерпретируют означенное «сооружение», заметно проявление карнавального, стихийно-трагического начала: воспоминания о недавних событиях, связанных с осадой монастыря Сан Марко и казнью его братьев, как бы выворачиваются наизнанку; образ тех, кто раньше представлялся незыблемым авторитетом, снижается и профанируется, к символически замещающим их фигурам практикуется фамильярное обращение.

Однако, как было отмечено выше, одновременно с поношением флорентийского пророка шел процесс его возвеличивания — рождался мученик, святой; поэтому, как во время казни, так и после нее началось собирание реликвий, связанных с Савонаролой. По приказу представителя папы палач сделал все возможное, чтобы от тел казненных монахов остался лишь пепел; кроме того, место казни было окружено солдатами с тем, чтобы воспрепятствовать сбору реликвий. Затем останки братьев, погрузив на повозки и под охраной, перевезли на Понте Веккьо и сбросили в Арно. Тем не менее, как свидетельствуют источники, многие мужчины, женщины и дети, да и сами солдаты охраны, тайно собирали на площади Синьории части тел и пепел осужденных доминиканцев⁵⁹. Появилась также легенда о том, что некий мальчик выловил в реке «сердце пророка и мученика фра Джироламо»⁶⁰, которое, как и прочие реликвии, затем явило множество чудес. Помимо прочего, последователи монаха стали собирать все, что было связано с ним: одежду; орудия пыток; сочинения — «особенно те, что написаны его святыми руками»⁶¹. Официальные власти пытались воспрепятствовать этому стихийно возникшему и

набиравшему силу культу Савонаролы, но, видимо, не вполне успешно. Так, один из «плакс» — С. Филипепи — писал, что Синьория издала указ сдать специальному уполномоченному лицу реликвии «под угрозой тяжелого наказания», и «многие приносили это, а многие — нет»; сам автор с гордостью отмечал: «среди последних был я сам, написавший эти строки»⁶². Как видим, с одной стороны, стремление горожан обрести прах казнимых воспроизводит традиционный алгоритм поведения, основанный на восприятии казни как своеобразного ритуала очищения от скверны и искупления грехов, и соответственно, присвоении магических свойств «освященным» таким образом останкам преступников. С другой стороны, на этот архаический поведенческий код накладывались реалии Флоренции конца XV в., когда приобретение и сохранение реликвий становилось символическим воплощением религиозно-фракционного противостояния между взявшими верх противниками брата — «аррабиати» и аутсайдерами — «плаксами».

Подводя итог, стоит отметить следующее. В источниках, оставивших сведения об организации костров во Флоренции конца XV в., часто употребляется термин *sarappucci* («шалашики»): и если в первом случае — это кучки дров, вокруг которых ведутся карнавальные бои и вершатся площадные увеселения; то, с савонаролианской реформой карнавала появляется «*un gran sarappuccio*» — костер тщеты; крах и казнь монаха сопровождаются сооружением еще одного большого костра. При всей разнице действий, разворачивавшихся вокруг данных конструкций, имеется определенное сходство, если не в понимании, то в переживании (проживании) происходившего участниками. Прежде всего, это ощущение некоего переломного момента, связанного со сменой одного периода жизни социума другим; и именно в этой ситуации перехода профанное уступало место сакральному — свершался ритуал жертвоприношения (очевидно, составляющий основу любого праздника), где огонь выполнял важную функцию очищения.

«Шалашики» масленичного карнавала и «костры суеты» означали отказ от греховного состояния ради благочестивого. Однако савонаролианские сооружения не просто служили символом наступления времени поста, но выполняли ярко выраженную назидательную и пропагандистскую функцию, призывая флорентийцев целиком и полностью очиститься от пороков, чтобы утвердиться в статусе избранного Богом города, которым правит Иисус Христос. В свою очередь, казнь флорентийского пророка и его двух братьев по ордену — это типичный пример проявления переменчивых настроений толпы, амбивалентного отношения к происходящему. Восприятие и поведение зрителей колебалось в диапазоне от Голгофы к карнавалу: тот, кто раньше был непререкаемым авторитетом, то превозносится, то предается поруганию, а пройдя очищение смертью на костре, в народном сознании обретает ореол мученика и славу чудотворца; мало того, возводится своими последователями-плаксами, что может толковаться также как попытка внутренней терапии проигравшей партии и выражение ее стремления взять духовный реванш во время официальных преследований, в статус «нового святого».

1. Лоренцо Великолепный, правивший городом на Арно двадцать три года, умирает 8 апреля 1492 года. 9 ноября 1494 г. во Флоренции совершается антимагический переворот, изгоняется сын Лоренцо Медичи — Пьеро. Итальянские войны (1494—1559 гг.) начинаются с вторжения возглавляемых Карлом VIII французских войск на территорию Италии летом 1494 г., с 17 по 28 ноября 1494 г. французы находятся во Флоренции.
2. См., например: CORDERO F. Savonarola. Profeta delle meraviglie 1494—1495. Torino. 2009, p. 18.
3. Например, Я. Буркхард считал, что Савонарола отличался «крайне малой свободой мысли», и следующим образом высказал свое удивление: «какого нужно было огня, чтобы заставить образовательный энтузиазм флорентийцев поклоняться этим воззрениям». Напротив, П. Виллари предположил, что на «кострах суеты» сгорели несколько экземпляров «Декамерона» и книг с непристойными рисунками, но среди предававшихся огню вещей «не могли быть драгоценные античные и современные картины и статуи, древние кодексы, иначе не было бы положительной оценки (действий монаха. — *Е.Т.*) со стороны гуманистов». См.: БУРКХАРД Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб. 1876, с. 395; ВИЛЛАРИ П. Джироламо Савонарола и его время. Т. 1. М. 1995, с. 372.
4. См., например: PEZZELLA S. La Chiesa al tempo del grande scisma e della crisi conciliare (1378—1449). In: Storia della Chiesa dalle origine ai nostri giorni. Vol. XIV. Torino. 1967, p. 149; ЧЕНТИ Т.С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. М. 1998, с. 124.
5. CIAPPELLI G. Carnevale e Quaresima. Comportamenti sociale e cultura a Firenze nel Rinascimento. Roma. 1997, p. 217, 229; BENVENUTI A. I Bruchi di Frate Gerolamo. L'eversivo anacronismo del Savonarola. In: Savonarola e la politica. Firenze. 1997, p. 163—186.
6. ГИРЦ К. Интерпретация культур. М. 2004, с. 22.
7. Далее анализу будут подвергнуты источники, оставленные плаксами, — флорентийским бакалейщиком Лукой Ландуччи и хронистом Джованни Камби, братом знаменитого художника Сандро Боттичелли — Симоне Филиппеи и анонимным автором «Жизнеописания» монаха, которым мог быть доминиканец Пачифико Бурламакки (в тексте этот автор будет упоминаться как Псевдо-Бурламакки), причем последних можно назвать «ультрасавонаролианцами»; сторонником брата был и поэт Джироламо Бенивьени, написавший ряд канцон и лауд, исполнявшихся во время религиозных шествий, организованных по инициативе городского пророка; некоторую отстраненность и непредвзятость при описании событий стремился сохранить хронист Якопо Нарди, однако, явно заметно, что и его симпатии на стороне монаха.
8. Издавший ее в XIX в. Исидоро дель Лунго полагал, что это был карнавал 1498 г., однако современные исследователи, цитирующие это произведение, проявляют большую осторожность в вопросах времени его воспроизведения. См.: DEL LUNGO I. Prefazione. In: Canzona d'un Piagnone pel Bruciamiento delle Vanità nel Carnevale del 1498. Firenze. 1864, p. VII; CIAPPELLI G. Op. cit., 1997, p. 225—226; MARTINES L. Savonarola. Moralità e politica a Firenze nel Quattrocento. Milano. 2009, p. 113.
9. Canzona che fa uno Fiorentino a Carnasciale. In: Canzona d'un Piagnone pel Bruciamiento delle Vanità nel Carnevale del 1498. Firenze. 1864, p. 3.
10. Ibid., p. 4, 13.
11. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze. 1937. Высказывалось предположение, что автором «Жизнеописания» был Пачифико Бурламакки, однако это утверждение считается спорным, поэтому часть исследователей обозначает сочинителя как Псевдо-Бурламакки. Пачифико Бурламакки родился в Лукке между 1465 и 1466 гг.; в 1490-е гг. пребывал во Флоренции, где стал одним из плакс — сторонников Савонаролы,

- после его смерти вернулся в Лукку и принял монашество, став членом доминиканского ордена. См.: Burlamacchi Pacifico. In: *Enciclopedia italiana di scienza, lettere ed arti*. Istituto Giovanni Treccani. T. VIII. Roma. MCMXXXIX, p. 142.
12. *La Vita...*, p. 123.
 13. CIAPPELLI G. *Op. cit.*, p. 137. О дискуссиях, связанных с внутренним смыслом шаривари, см.: БЕССМЕРТНЫЙ Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М. 1991, с. 144—145.
 14. *La Vita...*, p. 123.
 15. ВАЗАРИ ДЖ. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М. 2008, с. 489.
 16. *La Vita...*, p. 123.
 17. «Во Флоренции существовал давний обычай играть в камни, непрерывно существовавший многие века», — писал автор «Жизнеописания» Савонаролы. См.: *La Vita...*, p. 120.
 18. SAMBI G. *Istorie*. In: *Delizie degli eruditi toscani*. T. XXI. Vol. 2. Firenze. MDCCLXXXV, p. 136—137.
 19. С 1343 г. город был разделен на 4 части (квартеры), состоявшие из более мелких территориально-административных округов — гонфалонов (16 — по 4 в квартере), в границах которых формировался отряд народного ополчения и создавались компании народа, имевшие свои директивные исполнительные органы.
 20. Джованни Чаппелли на основе сравнительного анализа практик организации подовых сражений в итальянских городах XIV—XV вв. убедительно доказывает «территориальность» групп-участников. CIAPPELLI G. *Op. cit.*, p. 129—136.
 21. *La Vita...*, p. 130.
 22. *Canzona...*, p. 13.
 23. NARDI I. *Istorie della città di Firenze a cura di Agenore Gelli*. Vol. 1. Firenze. 1858, p. 92; *La Vita...*, p. 130; *Canzona d'un Piagnone pel Bruciamento delle Vanità nel Carnevale del 1498*. Firenze, 1864, p. XXI. В целом описания устройства этого сооружения у означенных авторов совпадают, однако Псевдо-Бурламакки говорил о 15 ступенях, в то время как Джироламо Бенивьени утверждал, что было 7 ступеней, соответствующих 7 смертным грехам.
 24. *La Vita...*, p. 131; *Commento...*, p. XXI—XXII.
 25. *La Vita...*, p. 132—133. Как видим, окружение фигуры, увенчавшей, по словам Псевдо-Бурламакки, это сооружение, напоминает образ Карнавала 1497 г. у Бенивьени — это один из примеров сложности соотнесения сведений современников с конкретными датами событий.
 26. *La Vita...*, p. 134; CERRETANI B. *Storia fiorentina a cura di Giuliana Berti*. Firenze. 1994, p. 232.
 27. ВАЗАРИ ДЖ. *Ук. соч.*, с. 702.
 28. ШАСТЕЛЬ А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М.—СПб. 2001, с. 157.
 29. VENTRONE P. *La festa di San Giovanni: costruzione di un'identità civica fra rituale e spettacolo (secoli XIV—XVI)*. In: *Annali di Storia di Firenze*. Vol. 2. Firenze. 2007, p. 59—60.
 30. ВАЗАРИ ДЖ. *Ук. соч.*, с. 827.
 31. *La Vita...*, p. 125; FILIPEPI S. *Cronica*. In: SAVONAROLA G. *Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola*. Firenze. 1898, p. 477; LANDUCCI L. *Diario fiorentino dal 1450 al 1516*. Firenze. 1883, p. 123, 127. NARDI I. *Op. cit.*, p. 93.
 32. NARDI I. *Op. cit.*, p. 92.
 33. См.: Псевдо-Бурламакки: «при приближении сатанинских дней и карнавальных бесчинств», «в пакостном месте дьявольского праздника». *La Vita...*, p. 129, 130.
 34. БАХТИН М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. 1990, с. 14.
 35. Там же, с. 9—18, 31—32; ДАРКЕВИЧ В.П. Народная культура средневековья: светская, праздничная жизнь в искусстве IX—XVI вв. М. 1988, с. 123, 125, 168.
 36. *La Vita...*, p. 132. Сходное по настроению свидетельство Якопо Нарди см.: NARDI I. *Op. cit.*, p. 93.

37. У Псевдо-Бурламакки имеются сведения не только о карнавале 1497 г., но и описание сходного сценария празднования карнавала 1498 года. См.: *La Vita...*, p.132—134.
38. NARDI I. *Op. cit.*, p. 129; CAMBI G. *Op. cit.*, p. 127; *La Vita...*, p. 183.
39. FILIPEPI S. *Op. cit.*, p. 505. Описание церемоний, предшествующих казни, см.: LANDUCCI L. *Op. cit.*, p.176—177. Лауро Мартинес, ссылаясь на сведения, оставленные современником событий — Пьеро Вальенти (*Vaglienti*), указывает на то, что на означенное действие было затрачено два часа (с 8 до 10 утра); этот же исследователь не только передает последовательность шагов по расстрижению монахов, но и обращает внимание читателя на их смысл. MARTINES L. *Op. cit.*, p. 255—256.
40. FILIPEPI S. *Op. cit.*, p. 505. См. также: NARDI I. *Op. cit.*, p. 136.
41. FILIPEPI S. *Op. cit.*, p. 504. См. также: NARDI I. *Op. cit.*, p. 130, *La Vita...*, p. 183.
42. LANDUCCI L. *Op. cit.*, p. 176.
43. *Ibidem*; CAMBI G. *Op. cit.*, p. 130.
44. FILIPEPI S. *Op. cit.*, p. 504; *La Vita...*, p. 183—184.
45. Мф. 27: 32; Мк. 15: 21; Лк. 23: 26.
46. «*Stimoli acuti*». См.: *La Vita...*, p. 183.
47. Параллель с крестным путем Христа очевидна, см.: Мф. 27: 29—30; Мк. 15: 18—19.
48. *La Vita...*, p. 184. Автор данного сочинения прямо указывает на аналогию: «... как было также сказано нашему Спасителю: “Если ты Христос, Сын Божий, сойди с креста, и уверуем в тебя”». См.: Мф. 27: 39—43; Мк. 15: 29—32; Лк. 23: 35, 37, 39.
49. См.: Мф. 20: 17—19; Мк. 10: 32—34; Лк. 18: 31—33; Ин. 18: 32.
50. С. Филипеппи в своей «Хронике» упомянул проповедь Савонаролы от 6 января 1494 г., где тот предсказывал Флоренции: «... ты вызовешь гнев божий против себя, поскольку пожелаешь, чтобы обвинили невинных. И пытками ты заставишь их признаться в том, что они никогда не совершали, и казнишь их без вины...». Псевдо-Бурламакки также указал на исполнение пророчеств брата: «... и таким образом было исполнено его пророчество: “Войдут нечестивцы в святилище с секирами и огнем, и подожгут, и сломают ворота. И захватят праведников, и в центре города сожгут их, и то, что не уничтожит огонь и не развеет ветер, бросят в воду”. И [в проповедях] на Амоса говорил: “Бросьте меня в Арно, мне довольно того, что тело будет обретено в судный день”». См.: FILIPEPI S. *Op. cit.*, p. 508; *La Vita...*, p. 186.
51. Здесь хотелось бы привести мнение Анны Бенвенути, утверждавшей, что еще долгое время флорентийцы, в том числе противники брата — аррабиати — «носили в себе, схоронив в скрытых, труднодоступных местах сознания, чувство вины перед исходом событий, и в памяти горожан относительно помоста с тройственной казнью господствовал, беспокоя, образ Голгофы и трех крестов». См.: BENVENUTI A. *Op. cit.*, p.164.
52. CAMBI G. *Op. cit.*, p. 127; *La Vita...*, p. 185.
53. БАХТИН М.М. Ук. соч., с. 290—295
54. LANDUCCI L. *Op. cit.*, p. 176.
55. А. Бенвенути в своей статье отметила эту особенность казни Савонаролы, указав, что сценарий церемонии способствовал нарастанию эмоционального напряжения с кульминацией в момент зажигания костра, когда для всего города прервалось обычное время и наступило экстраординарное время обряда, ритуала, где «выступили “иные” смыслы по отношению к политическому событию и его прямым правовым последствиям». BENVENUTI A. *Op. cit.*, p. 166.
56. CAMBI G. *Op. cit.*, p. 127; *La Vita...*, p. 185; LANDUCCI L. *Op. cit.*, p. 177—178.
57. «*Quel porco del Frate*». Возможный перевод: «эту свинью подложил Брат».
58. LANDUCCI L. *Op. cit.*, p. 180.
59. CAMBI G. *Op. cit.*, p. 127; NARDI I. *Op. cit.*, p. 131; LANDUCCI L. *Op. cit.*, p. 178; *La Vita...*, p. 185—186.
60. FILIPEPI S. *Op. cit.*, p. 505; *La Vita...*, p. 187.
61. *La Vita...*, p. 187—189.
62. FILIPEPI S. *Op. cit.*, p. 506.

Саудовская Аравия и США в 1942 — начале 1946 г.

А.С. Дербенёв

Ближний Восток занимает одно из первых мест в иерархии приоритетов внешней политики Соединенных Штатов Америки. Неоднозначный характер отношений Вашингтона и Эр-Рияда на современном этапе побуждает исследователей анализировать причины возникновения американо-саудовского сотрудничества, что невозможно без детального изучения опыта 1940-х годов. Именно со времен второй мировой войны США последовательно превращались в самого «востребованного» союзника Саудовской Аравии, а в мировой литературе появился термин «асимметричной взаимозависимости» таких разных государств¹. Несмотря на освещение отдельных аспектов американской политики на ближневосточном направлении в годы второй мировой войны отечественными и зарубежными историками, следует признать, что комплекс вопросов, связанных с военно-политическим взаимодействием США и Саудовской Аравии, пока остается вне поля зрения историков. Данная работа преследует цель комплексного научного освещения основных направлений военно-политического сотрудничества между США и Королевством Саудовская Аравия в 1940-х годах. Исследование по выбранной теме позволяет углубить знания о малоисследованных гранях политики США на Ближнем Востоке в указанный период.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы были предметом изучения А. Васильева², И. Андерсона³, А. Миллера⁴. Американо-саудовские отношения в годы второй мировой войны представляют серьезный исследовательский интерес по разным причинам. Прежде всего, речь идет о сотрудничестве Соединенных Штатов с деспотическим режимом Абд аль-Азиза, что, казалось бы, не соответствовало демократическим традициям американской внешней политики. Это объясняется тем, что у Вашингтона в 1940-х гг. имелись стратегические интересы в этом регионе. В то же время, Вашингтон не располагал механизмами их защиты. В условиях нараставшей агрессивности держав фашистско-милитаристской «оси» становилось ясно, что американской элите еще предстояло решить непростую задачу выработки оптимального курса в отношении Саудовской Аравии в специ-

Дербенёв Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского педагогического государственного университета.

фических условиях мировой войны. 1 мая 1932 г. США признали Королевство Неджд и Хиджаз. 7 ноября 1933 г. между странами было подписано соглашение о дипломатических и консульских представительствах. К началу 1940-х гг. американская внешняя политика на ближневосточном направлении стала существенно инициативнее. 4 февраля 1940 г. американский посланник Берт Фиш вручил верительные грамоты королю Саудовской Аравии Абд аль-Азизу в Эр-Рияде.

Еще в апреле 1938 г. в Форин-офисе заговорили о необходимости поставки Саудовской Аравии в большом количестве винтовок, пулеметов, пушек и боеприпасов. Поскольку Абд аль-Азиз не располагал достаточным количеством денежных средств для закупки оружия, Министерство иностранных дел предложило британскому правительству выдать кредит саудовскому королевству в размере 50 тыс. фунтов стерлингов под минимальный процент. 1 июля 1938 г. Постоянный комитет по делам Ближнего Востока и Имперской Защите (Middle East of the Committee of Imperial Defense) заявил, что британское правительство должно приложить все усилия для удовлетворения запросов короля Саудовской Аравии на оружие и боеприпасы, а цены на указанную военную продукцию должны быть минимальными. Форин-офис рекомендовал британскому правительству направить несколько самолетов в Саудовскую Аравию для обучения пилотированию и обслуживанию саудовских пилотов и инженеров. Стоимость одной машины начиналась от 27 тыс. и заканчивалась примерно на уровне 35 тыс. фунтов стерлингов, еще 13 тыс. требовалось на топливо, запасные части и обслуживание. Условия выплаты кредита были понятными и простыми. В соответствии с рекомендациями и с учетом того факта, что Саудовская Аравия вела переговоры с Германией и Италией о покупке оружия, в мае 1939 г. Великобритания предоставила кредит Эр-Рияду на сумму 65 800 фунтов стерлингов, обратив внимание короля на то, что можно не спешить с расчетом⁵.

В августе 1939 г. саудовский посланник в Лондоне передал британскому правительству телеграмму от короля Саудовской Аравии, в которой тот выражал надежду на то, что английское правительство окажет помощь его стране в строительстве небольшого завода по производству винтовок и патронов. В телеграмме также отмечалось, что Эр-Рияд готов купить 200 пулеметов, 350 000 патронов и несколько сотен винтовок. Британское правительство оценило запрос короля в 73 500 фунтов стерлингов. В Форин-офисе заявили, что постараются помочь саудовскому правительству. 17 августа Абд аль-Азиз получил телеграмму из Лондона, в которой говорилось, что все готово к отправке (1200 винтовок, патронов и медикаменты). Казалось, что вопрос о поставке оружия был улажен. Однако события осени 1939 г. перечеркнули все планы. В ноябре того же года Абд аль-Азиз в беседе с английским посланником заявил, что Великобритания не в силах обеспечить военной продукцией Египет и Ирак, не говоря уже об удовлетворении потребностей в оружии Саудовской Аравии. Военное министерство Великобритании выступило против поставок оружия саудовскому государству в кредит на сумму 85 тыс. фунтов стерлингов.

США оказывали помощь союзникам в Северной Африке, самоотверженно сражавшимся с немецко-фашистскими войсками путем поставок военных грузов через Персидский залив. Американское военное министерство назначило бригадного генерала Л. Максвелла в Каире ответственным за поставки военной продукции по биллю о ленд-лизе в СССР по «Персидскому коридору». В 1941 г. генерал Третьего рейха Э. Роммель высадился в Киренаике с немецким Африканским корпусом. Перед ним стояла задача продвинуться в Египет, захватить Суэцкий канал и продолжить наступление в сторону Персидского залива. Англичане и американцы ожидали появления в

Заливе немецких войск ⁶. В ноябре американскую военную миссию на Ближнем Востоке возглавил полковник А. Раймонд со штаб-квартирой в Багдаде.

Британский историк Э. Джексон отмечает, что успешное наступление немецких войск осенью 1941 г. на Восточном фронте подогрело опасения руководителей Великобритании о прорыве немцев на Средний и Ближний Восток через Кавказ. В связи с проникновением итальянских и немецких войск в богатый ресурсами и стратегически важный ближневосточный регион в Вашингтоне и Лондоне задумывались относительно того, как сохранить стабильную обстановку и удержать под своим контролем Палестину, регион Персидского залива и другие не менее важные территории на Ближнем Востоке. После британского вмешательства в Ирак, Иран, Египет и страны Леванта государственный департамент опасался роста напряженности, что могло вызвать волну народного недовольства в других государствах исламского культурно-цивилизационного комплекса. Военные действия в Африке продемонстрировали необходимость поддержания хороших отношений с народами Ближнего Востока для защиты коммуникаций, доступа к стратегическим ресурсам (в частности, нефти). Американский президент Ф. Рузвельт понимал, что Великобритании и США, во-первых, необходимо совместными усилиями сделать все необходимое для недопущения взрывов массового недовольства палестинского народа, который проявлял «естественное желание» получить независимость от Великобритании и не допустить еврейской миграции в Палестину и, во-вторых, укрепить отношения с владельцем святых мест ислама — саудовским королем Абд аль-Азизом, мнение которого имело большой вес ⁷. В памяти Великобритании были свежи арабские волнения в Палестине второй половины 1930-х годов.

«Находящиеся под командованием фельдмаршала сэра Арчибалда Уейвелла британские силы на Ближнем Востоке насчитывали 80 000 человек и были разбросаны по территории Египта, Судана, Кении. Сомали и Палестины. В Египте под командованием генерал-лейтенанта Г.М. Уилсона находилось 36 000 человек Западной пустынной группировки (командующий — генерал Р. Коннор), состоящей из 7-й бронетанковой дивизии под командованием генерала М. Мур-Крига и 4-й индийской дивизии под командованием генерала сэра Ноэля Монсера де ла Поэр, барона Бересфорда-Пирса, а также различных недивизионных подразделений, в том числе 1-й бронетанковой бригады генерала Пратта. В этих подразделениях служили отличные бойцы и поддерживался высокий моральный дух, но они были слабо оснащены и вооружены. У них насчитывалось 275 танков, только 35 из которых являлись тяжелыми “Матильдами”, а остальные были быстрыми, но слабо вооруженными машинами. У них не хватало противотанковой и зенитной артиллерии. Эти войска занимали очень невыгодную позицию. У Уилсона имелась только одна хорошая база для отхода в Мерса-Матрух, но этот город находился в 250 километрах от ливийской границы и в 350 километрах от Александрии. На ливийской границе отсутствовали природные препятствия, которые можно было бы укрепить, за исключением небольшого порта Эс-Соллум. Но сообщение между Эс-Соллумом и Мерса-Матрух было плохое, к тому же, небольшие запасы питьевой воды не позволяли организовать здесь крупную базу. По этим причинам Уилсон оборудовал главную оборонительную позицию в Мерса-Матрух и удовлетворился тем, что отправлял к ливийской границе небольшие мобильные группы, беспокоившие противника и выяснявшие его дислокацию. Эта задача была возложена на группу поддержки 7-й бронетанковой дивизии, смешанную команду из моторизованной пехоты, усиленную легкими танками и артиллерией, и пехотных батальонов», — отмечал Ф. де Ланнуа ⁸.

В январе 1942 г. вопрос об арабской нефти обсуждался в ходе консультаций президента Рузвельта и внешнеполитических стратегов с представителями американских деловых кругов. Хозяин Белого дома проявил особый интерес к богатым нефтяным запасам Аравийского полуострова. Говоря о задачах американской политики в энергетической сфере применительно к ближневосточному региону, министр внутренних дел Г. Икес сформулировал следующую задачу: «Соединенным Штатам крайне важно использовать все имеющиеся средства для обеспечения своей экономики энергоресурсами. Соединенные Штаты не располагают достаточными запасами нефти, что самым серьезным образом отражается на экономике страны. Необходимо предпринять действенные меры для решения данной проблемы»⁹. После совещания Икес в беседе с Рузвельтом сообщил: «Наши специалисты, используя современные технические средства для переработки саудовской нефти, добились получения качественного топлива, которое соответствует всем необходимым нормам»¹⁰. В конце января командование ВВС США на встрече с вашингтонской элитой поставило вопрос о создании авиабаз на территории Саудовской Аравии для военных самолетов, направляющихся в районы боевых действий против Японии. Заместитель государственного секретаря С. Уэллес на встрече со своими коллегами поставил вопрос о военной поддержке саудовского королевства¹¹. В феврале 1942 г. Уэллес направил в адрес президента Рузвельта меморандум, в котором информировал о необходимости создания американской военно-воздушной базы в Саудовской Аравии. Хозяин Белого дома оценил инициативу Уэллеса положительно¹². В конце февраля Уэллес сообщил посланнику в Саудовской Аравии А. Кирку о намерениях американского военного ведомства направить группу офицеров в Саудовскую Аравию для поиска подходящей территории под строительство военного аэродрома¹³.

В начале апреля состоялась встреча У. Мюррея с Рузвельтом. Гость американского президента выразил обеспокоенность тем, что нацистская Германия несет угрозу Арабскому Востоку с севера через Кавказ и с юга через Египет. Одновременно с этим он указал на возможность обострения ситуации в Палестине, особо подчеркнув, что британцы весьма обеспокоены перспективой накачивания беспокойного арабского региона американским вооружением, что может только усугубить ситуацию в Палестине. В меморандуме Уэллеса президенту от 11 апреля 1942 г. отмечалось, что создание военного аэродрома в Саудовском королевстве позволит преодолевать расстояние между Хартумом (Судан) и Карачи (портовый город на юге Пакистана) значительно быстрее. «В этой связи, — отмечал Уэллес, — необходимо провести подготовительные мероприятия на территории арабского королевства для выбора территории под строительство военного аэродрома»¹⁴. Одновременно с этим, руководители нефтяной компании КАСОК выразили опасение по поводу отсутствия зенитных орудий и оборонительных сооружений вблизи нефтяных месторождений, разрабатываемых их компанией в Саудовской Аравии. Необходимость защиты от воздушного нападения была вызвана налетом итальянской авиации на нефтеносные районы Саудовской Аравии в октябре 1940 года.

В середине апреля американские нефтяники обсудили с представителями госдепартамента возможность отправки 75 американских военнослужащих с зенитными орудиями для защиты нефтяных скважин Королевства Саудовская Аравия. Бизнесмены подчеркнули, что отправки зенитных орудий без военных специалистов будет недостаточно, потому что в королевстве попросту не было квалифицированных военных, способных грамотно использовать оружие. Одновременно с этим, американские бизнесмены выражали опасение относительно того, что местные военные могут допустить мародерство и

хищение американской военной продукции. Посланник США Д. Муз отмечал, что США поддержали инициативу руководства КАСОК. Кроме того, их поддержали П. Аллинг и А. Кирк. Правительство Великобритании также разделяло это мнение. США считали, что правительство Туманного Альбиона должно взять на себя бремя защиты этого региона, учитывая сложность диалога с арабскими лидерами¹⁵.

В мае того же года американские нефтяные магнаты направили письмо в адрес военного ведомства, в котором выражали беспокойство по поводу уязвимости нефтяных месторождений в Дахране в связи с тем, что у армии Саудовской Аравии отсутствовало современное оружие. Сотрудники военного ведомства США ответили, что в настоящее время нет планов относительно поставок каких-либо военных грузов в королевство, добавив, что они готовы взять на себя оборону Дахрана, если будет принято соответствующее решение. Стоит отметить, что Абд аль-Азиз постоянно искал пути укрепления своего режима. Один из них — иметь сильного союзника, который мог оказать финансовую помощь королевству, а также поставлять в его страну промышленную и военную продукцию, включая военную технику. Если бы закон о ленд-лизе был распространен на Саудовскую Аравию, то военная помощь стала бы главным аспектом американо-саудовских отношений. Однако в Америке необходимо было получить легитимный доступ своих военных в Персидский залив.

12 июня 1942 г. по приказу командующего штаба армии США генерала Дж. Маршалла была создана американская армия на Ближнем Востоке (USAFIME) со штаб-квартирой в Каире под командованием генерала Л. Максвелла. Перед ним были поставлены следующие задачи: поддержка британских и советских сил в северном Иране, охрана мест добычи и переработки нефти в Саудовской Аравии и, наконец, контроль за поставками военной продукции через «Персидский коридор». 29 августа 1942 г. американский посланник в Джидде Д. Муз и министр иностранных дел Саудовской Аравии Ю. Яссин подписали предварительное соглашение, согласно которому саудовское правительство разрешило американским авиакомпаниям, назначенным правительством США, совершать полеты в Саудовскую Аравию. Американский генералитет не проявлял особого желания отправлять военных на Аравийский полуостров по нескольким причинам. Во-первых, военные достаточно скептически относились к возможности нанесения воздушного удара Германией, поскольку нефтяные месторождения Саудовской Аравии находились на достаточно значительном расстоянии от ближайшей немецкой авиабазы, которая находилась в Египте к западу от Александрии. Во-вторых, американские военные специалисты понимали, что присутствие западных военных в «сердце» исламского мира может спровоцировать народные волнения. Британский посланник в Саудовской Аравии Х. Бирд в беседе с Музом выразил сомнение по поводу готовности правительства Саудовской Аравии обеспечить присутствие американских военных на территории своего государства¹⁶.

В сентябре Государственный департамент запросил у военного ведомства информацию о планах намечавшегося строительства военного аэродрома, отметив, что эта информация крайне необходима для предстоящих переговоров между американским посланником А. Кирком и королем Абд аль-Азизом. Подходы Ближневосточного отдела Государственного департамента к данной проблеме были неоднозначными. С одной стороны, его представители разделяли планы военного ведомства в отношении Саудовской Аравии. С другой, — они хотели заручиться поддержкой военного ведомства в расширении помощи по ленд-лизу, что было важным рычагом давления на королевство. Все это серьезно беспокоило американских дипломатов,

в государственном департаменте полагали, что англичане оказывают большое давление на внешнюю политику Саудовской Аравии.

Новый 1943 год стал важным рубежом, как в политическом, так и в военном взаимодействии Вашингтона с Эр-Риядом. В документах госдепартамента отмечалось, что «...маршруты через воздушное пространство Саудовской Аравии существенно сократили бы расстояния для авиации между Хартумом и Карачи. Традиционный маршрут через Египет протяженнее и сложнее. В этой связи необходимо провести подготовительные мероприятия на территории королевства для выбора подходящей территории для аэродрома»¹⁷.

Интересно заявление американского военного ведомства о том, что любые соглашения с саудовским правительством о строительстве и эксплуатации аэродрома в королевстве должны быть предварительно согласованы с Великобританией, так как безопасность Саудовской Аравии находится в зоне стратегической ответственности Туманного Альбиона. Изучив обстановку, руководство военного ведомства было полностью убеждено в том, что правительство Абд аль-Азиз нуждается в финансовой помощи, однако в данный момент США могли рассмотреть лишь вопрос о небольших поставках военной продукции в Саудовскую Аравию в рамках ленд-лиза¹⁸. Очевидно, что на данном этапе американские военные не испытывали большого желания закрепиться в Саудовской Аравии. Воздушный коридор между Южной Атлантикой и Ближним Востоком выполнял 3 основные функции. Первая заключалась в поддержке английских войск на северо-востоке Африки (Египет-Ливия). Таким образом оказывалась поддержка союзникам практически на всей территории Северной Африки. Из этого следовало, что транзит грузов восточнее Каира не требовался.

Вторая заключалась в сопровождении грузов, поставлявшихся по ленд-лизу войскам Великобритании и СССР через Персидский залив, но здесь подавляющий объем поставок осуществлялся по морю. Самолеты, в соответствии с ранее установленными договоренностями, курсировали по маршрутам из Каира на подконтрольные Великобритании аэродромы в Ираке в городах Лидде и Хаббании, отсюда направлялись в Басру или Тегеран. Третья функция заключалась в том, что Ближний Восток был стратегически важным регионом на пути в Индию и на Дальний Восток. США прекрасно понимали необходимость контроля над данной территорией. Существовавшие воздушные маршруты вели от Басры до Карачи и из Карачи в Африку через самую южную часть Аравийского полуострова — Южный Йемен, Султанат Маскат и Имамат Оман¹⁹.

Уэллес в беседе с Рузвельтом подчеркивал, что «опасения Британского комитета начальников штабов по поводу наших планов использования территории Саудовской Аравии для строительства аэродрома обоснованы и выглядят достаточно логичными в условиях войны, поэтому следует позаботиться о проведении прямых переговоров с руководством Саудовской Аравии по вопросам, затрагивающим военную сферу. Присутствие американских военных в данном регионе стало бы важным фактором, оказывающим влияние на всю ситуацию в Персидском заливе»²⁰. Здесь следует обратиться к мнению американского дипломата Дэвида Лонга, верно подметившего, что государственный департамент прикладывал максимум усилий для усиления американского присутствия в Саудовской Аравии²¹. Таким образом, можно заключить, что на данном этапе интересы военно-технического плана продвигались больше дипломатами, чем военными специалистами.

В конце февраля министр финансов Саудовской Аравии Яссин направил британской и американской дипломатическим миссиям запрос на поставку правительству Саудовской Аравии винтовок, танков,

бронированных автомобилей, самолетов, зенитных установок и запчастей к технике. Он также просил проинструктировать арабских военных на предмет использования вооружения. Запрос носил общий характер, причем количество оружия и техники не оговаривалось²².

Необходимость оказания финансовой помощи королю, а также защита нефтяных концессий в Аравии от нападения держав «оси», вызывали беспокойство у главы госдепартамента Хэлла. Но сообщения Кирка и посланника в Джиdde Джеймса Муза обнадеживали руководителя американского внешнеполитического ведомства. Хэлл поручил им заняться проработкой вопросов финансово-экономического и военного сотрудничества с правительством Королевства Саудовская Аравия. Кирк обратил внимание короля Абд аль-Азиза на то, что, возможно, им придется согласовывать некоторые вопросы с английскими дипломатами. Этот шаг был высоко оценен саудовским монархом²³. После серии совещаний с участием посланника Великобритании, американского посла Муза и Яссина король заявил, что он не имеет ничего против беспосадочных полетов над Саудовской Аравией²⁴.

Внимание Вашингтона постепенно стало смещаться в сторону вовлечения Саудовской Аравии в сферу своих непосредственных экономических и военно-политических интересов. Американские компании нацелились на укрепление своих позиций в регионе Персидского залива. Возросший интерес США к Саудовской Аравии был вызван, прежде всего, потребностью в сырьевых ресурсах. С открытием большого количества богатых нефтяных месторождений во второй половине 1930-х гг. в полосе вдоль побережья Персидского залива значение Саудовской Аравии молниеносно возросло. На Западе учитывали, что Саудовская Аравия — одна из наиболее развитых в экономическом отношении страна полуострова, имеющая весьма большие запасы стратегических ресурсов. Однако необходимо отметить, что политические контакты Вашингтона с Эр-Риядом заметно отставали от уровня экономического взаимодействия. Повышение активности в регионе Великобритании и других стран и, как следствие, возрастающая конкуренция ставили перед правительством США задачи по сохранению своих позиций в регионе Персидского залива. В таких условиях ценность представляла не сама территория, а ее экономический потенциал — ресурсы, воздушные и морские коммуникации. В рамках американско-саудовского взаимодействия постепенно стали обозначаться контуры военного сотрудничества, в связи с чем американские планы относительно строительства авиабазы и развития производственной инфраструктуры стратегического значения в Саудовской Аравии привели к корректировке целей и методов дипломатии США, внеся во внешнеполитическое планирование элементы военной целесообразности. Связи между двумя странами стали наполняться конкретным военно-политическим и экономическим содержанием. Как показали события, 1943 год стал важным рубежом как в политико-дипломатическом, так и в военном взаимодействии США и Саудовской Аравии. Наиболее действенным механизмом распространения американского влияния и контроля над Саудовской Аравией, как показало время, явились программы военной помощи, реализуемые демократической администрацией Рузвельта. Королю Саудовской Аравии Абд аль-Азизу американские военные советники и инженеры нужны были не только в качестве инструмента укрепления обороны и безопасности королевства, но и в качестве буфера в отношениях с Великобританией. Кроме того, развитию военного сотрудничества двух стран способствовала постоянная угроза со стороны Хашимитского Ирака.

Вопросы поставок по ленд-лизу занимали в американско-саудовских отношениях военного времени одно из ведущих мест. В начале

февраля 1943 г. состоялась беседа Рузвельта с представителями аналитических служб разведки и госдепартамента. Американский президент отметил, что отношения с саудовским правительством не получат должного развития, если не распространить ленд-лиз на Саудовскую Аравию. Наряду с этим, хозяин Белого дома заявил сотрудникам госдепартамента, что американские поставки арабскому королевству позволят укрепить двусторонние связи. Руководителю комитета по ленд-лизу Стеттиниусу идея распространения ленд-лиза на Саудовскую Аравию лично очень понравилась, более того, в присутствии своих коллег он высказался за создание действенной системы контроля за поставками различной продукции в Саудовскую Аравию. Так, стратегическая важность арабской нефти и необходимость военного проникновения в Саудовскую Аравию получили признание высшей американской инстанции ²⁵.

После этого Хэлл информировал Стеттиниуса: «Если не предоставить финансовую помощь Саудовской Аравии, увеличится риск возникновения очага нестабильности и в без того беспокойном регионе» ²⁶. Стеттиниус, в свою очередь, направил меморандум Рузвельту, в котором говорилось, что Саудовская Аравия имеет жизненно важное значение для защиты США и, следовательно, право на ленд-лиз. 18 февраля 1943 г. Рузвельт признал справедливость данных выводов, что стало основанием для включения Саудовской Аравии в зону действия закона о ленд-лизе ²⁷.

Смысл этого распоряжения заключался в том, что помощь, оказываемая Саудовской Аравии, теперь поступала непосредственно из США. Это было очень важно. До этого момента Соединенные Штаты оказывали экономическую поддержку Саудовской Аравии через Великобританию. В Вашингтоне полагали, что эта практика имеет негативные для США последствия ²⁸.

В апреле правительство Саудовской Аравии обратилось к Великобритании с просьбой о поставках оружия по ленд-лизу. Узнав об этом, государственный департамент информировал и английское, и арабское правительства о том, что любые запросы на поставки военной продукции в рамках ленд-лиза должны направляться непосредственно правительству Соединенных Штатов ²⁹. Уже в июле 1943 г. Яссин послал британской и американской дипломатическим миссиям запрос о предоставлении правительству Саудовской Аравии винтовок, танков, бронированных автомобилей, самолетов, зенитных установок и запчастей к технике. Запрос, как и год назад, носил общий характер. Также он просил провести курс подготовки молодого бойца и отдельно обучить арабских военных правилам обращения с оружием и сложной техникой ³⁰.

Проблема поставок военной продукции в Саудовскую Аравию обсуждалась на заседании специальной англо-американской комиссии в конце июля. Англичане осознанно и неизменно подчеркивали, что любые поставки американского вооружения в королевство не приветствуются в Лондоне, и, тем не менее, было решено обеспечить арабов оружием в большем количестве, чем необходимо для поддержания внутреннего порядка. Следует отметить, что английская сторона серьезно опасалась утечки оружия в Палестину. Англичане приняли решение о предоставлении правительству Саудовской Аравии в течение 1943 г. 50 автомобилей, 500 ручных пулеметов, 10 тыс. винтовок и боеприпасов ³¹.

Администрация Рузвельта хотела получить более точную информацию о военных потребностях Саудовской Аравии по другим каналам, так как американцы испытывали сомнения относительно компетентности запросов, получаемых от арабов относительно оружия. Информация англичан также вызывала сомнения у американских

экспертов. Поэтому сбор информации о военных потребностях Саудовской Аравии был поручен командующему USAFIME, в штабе которого были подготовлены рекомендации правительству Саудовского королевства, суть которых заключалась в том, что им надлежало грамотно оформить и представить в кратчайшие сроки список необходимой военной продукции, медикаментов, средств обеспечения военной деятельности. В Эр-Рияде заявили, что готовы предоставить американским инструкторам право свободно приступить к ознакомлению с состоянием арабской армии и самим решить, что ей требуется в первую очередь. «Проведение экспертизы армии Саудовской Аравии американской стороной не вызовет возмущений со стороны приграничных государств», — заверили саудовцы ³².

В середине августа 1943 г. командующий USAFIME Р. Ройс в беседе с американским посланником А. Кирком заявил, что уже 15 сентября в королевство прибудет группа военных советников во главе с полковником А. Говардсом, в задачи которой входит комплексное изучение вооруженных сил королевства ³³. Однако учитывая отрывочные данные о военном потенциале Саудовской Аравии, в конце сентября Говардс сообщил Ройсу, что для решения поставленной цели потребуется несколько месяцев. Он просил направить в королевство инструкторов для обучения одной моторизованной бригады и инженеров для обслуживания 12 самолетов. С его точки зрения, работа, проводимая американскими военными экспертами, послужит «индикатором для оказания в ближайшем обозримом будущем военной помощи Саудовской Аравии в рамках ленд-лиза» ³⁴.

В конце сентября Абд аль-Азиз на встрече с Дж. Музом дал следующую характеристику сложившегося положения в вооруженных силах своего государства: «В настоящее время в королевстве под ружьем находится 8 тыс. стражей порядка и 15 тыс. солдат. Кроме того, 50 тыс. бедуинов можно мобилизовать в случае крайней необходимости. Регулярной армии в составе 15 тыс. крайне недостаточно для обеспечения безопасности государства, для отражения внешних угроз и для защиты нефтяных скважин КАСОК в юго-восточных провинциях королевства. Войска дислоцируются, главным образом, в крупных населенных пунктах: Эр-Рияде, Джидде, Мекке, Таифе, Хаиле, Абхе, Наджране и Хиджазе» ³⁵.

Стоит отметить, что армия королевства ощущала острый недостаток в стрелковом оружии и боеприпасах. Саудовские власти настаивали на предоставлении американцами четырех бомбардировщиков и шести транспортных самолетов для обучения арабских летчиков. Кроме того, высокопоставленные лица саудовского правительства на встрече с Музом в сентябре 1943 г. вновь подняли вопрос о строительстве дорог, развязок и прочих инфраструктурных сооружений американскими инженерами, поскольку развитие автодорожной сети повышало мобильность войск.

Вопрос о военной помощи Саудовской Аравии пересматривался 30 сентября в Вашингтоне на совещании специальной англо-американской комиссии. Было принято решение внимательно изучить материалы комиссии Говардса и на их основе скорректировать работу по оказанию военной помощи Абд аль-Азизу ³⁶.

Об интенсификации американо-арабских контактов свидетельствуют переговоры между американским посланником Музом и Абд аль-Азизом, проходившие в Эр-Рияде 1 октября. Муз отметил, что США и Саудовскую Аравию объединяет близость взглядов по ряду ключевых вопросов двусторонних отношений. Кроме того, Муз подчеркнул: «У американских военных советников недостаточно сведений о вооруженных силах Саудовской Аравии, в связи с чем рекомендую разрешить им провести все необходимые мероприятия для

комплексного анализа военной отрасли королевства». Король одобрил это предложение. Справедливости ради нужно отметить, что такое партнерство имело принципиальное значение для американцев, поскольку позволяло реализовывать свои интересы на полуострове и гарантировать стабильность в зоне Персидского залива. Выстраивая каркас для более предметного сотрудничества, Муз подчеркнул возможность оказания американской военной помощи Саудовской Аравии, в том числе и в строительстве аэродрома в Дахране, который был крайне важен, поскольку его расположение между Каиром и Карачи было удобно для перелетов грузовых самолетов и отдыха экипажей. По оценкам американских военных специалистов, проектное использование аэродрома (2 000 посадок в месяц) и сокращение расстояния между Каиром и Карачи за один перелет на 216 миль, должно было сократить перелеты на 432 тыс. миль за месяц и существенно уменьшить нагрузку на экипажи. Кроме того, авиабаза в Абадане не могла использоваться для приема больших транспортных самолетов, а аналогичную базу в Бахрейне нельзя было расширить в силу непригодности прилегающей местности для соответствующей инфраструктуры. Кроме того, эти базы находились под контролем английских ВВС. Такое положение беспокоило командование USAFIME. Военные отмечали, что совместное с Великобританией использование воздушного пространства королевства крайне нежелательно ³⁷.

В конце октября Муз направил государственному секретарю несколько писем, в которых подробно изложил свое понимание сложившейся ситуации: «Король сильно обеспокоен крайне низкой боеспособностью своей армии. Он не раз подчеркивал нехватку инструкторов и военных специалистов для подготовки арабских вооруженных сил», — отмечал он ³⁸. Военная помощь Саудовской Аравии была не только инструментом упрочения внутривосточной обстановки в стране, но и способствовала укреплению королевской власти в государстве и усилению позиций США на полуострове.

В декабре 1943 г. Форин-офис проинформировал госдепартамент о том, что Великобритания рассматривает просьбу Абд аль-Азиза о направлении своих советников для обучения арабской армии. Это не шло в противоречие с интересами США, так как американцы планировали обучать саудовскую армию лишь в течение нескольких месяцев после поставок своей военной продукции. По завершению американской миссии в королевстве подготовкой арабских вооруженных сил должны были заняться британские военные специалисты на долгосрочной основе. Тем не менее, в Вашингтоне расценили заявление Лондона как попытку резко ограничить военное влияние США в королевстве и напомнили своим английским коллегам, что сроки пребывания американской военной миссии в стране не ограничены ³⁹.

Не очень искушенные в дипломатии американские военные в штабе USAFIME полагали, что для решения поставленных задач по приблизительным подсчетам потребуется 11 тыс. солдат и инженеров, которые будут присутствовать на территории королевства до полного выполнения поставленных перед ними задач ⁴⁰. Вашингтонская элита выступила за строительство военного завода по производству стрелкового оружия и боеприпасов в королевстве. Кроме того, предполагалось значительно улучшить состояние дорожной инфраструктуры. На очередном совещании специальной англо-американской комиссии в начале октября 1943 г. было принято решение о том, что поставки военной продукции пойдут из обеих стран.

В 1944 г. американо-саудовское военное сотрудничество развивалось интенсивно и по многим направлениям. Ключевым механизмом влияния США на ситуацию в Саудовской Аравии стала материальная поддержка режима Абд аль-Азиза. 15 февраля американское

внешнеполитическое ведомство направило в штаб USAFIME инструкцию о создании контингента вооруженных сил США в Саудовской Аравии. 30 марта в штабе была создана группа военных специалистов, после чего состоялось заседание, на котором командующий USAFIME отметил широкий диапазон сложившихся арабо-американских связей и определил наиболее перспективные направления сотрудничества на ближайшее будущее. Среди прочего предусматривалось:

1. Обеспечение безопасности нефтяной инфраструктуры королевства.
2. Контроль за поставками военной продукции в Саудовскую Аравию.
3. Разработка программы по обучению арабских военных на некоторых новейших военных образцах оружия союзников.
4. Сбор технической и оперативной информации о боевом потенциале вооруженных сил Саудовской Аравии.
5. Обеспечение связи между штабом USAFIME и правительством Саудовской Аравии ⁴¹.

Великобритания планировала сократить размеры субсидий, акцентируя внимание на том, что американцы предоставляли арабам достаточно большое количество денежных сумм. В начале апреля Лондон заявил, что англо-американскую военную миссию, договоренность о создании которой была достигнута меньше месяца назад, должен возглавить военный специалист из Лондона. В Вашингтоне английское предложение было воспринято позитивно. В Белом доме заявили, что согласны с предложением Великобритании поскольку Саудовская Аравия находится в зоне стратегической ответственности Британии, одновременно с этим подчеркнув, что экономические миссии в Саудовскую Аравию должны возглавляться американскими специалистами ⁴².

1 мая Хэлл проинформировал американского посла в Лондоне о том, что госдепартамент, с согласия военного ведомства, одобряет предложение Великобритании о работе совместной американо-британской военной миссии в Саудовской Аравии, возглавляемой британским офицером англо-саксонского происхождения, с опытом и профессиональной подготовкой в арабских странах. В госдепартаменте заявили, что «учитывая преобладание американского бизнеса в Саудовской Аравии, любая финансово-экономическая миссия, которая может быть направлена в Саудовскую Аравию по запросу Абд аль-Азиза, должна возглавляться специалистом из США. Если Министерство иностранных дел согласно с приведенным выше решением, то это может означать то, что наш официальный представитель и британский министр в Джидде должны стремиться совместно получить согласие короля на работу специальной миссии. Только после этого американские и британские военные в Каире могут провести ряд консультаций между собой для согласования деталей» ⁴³. 26 июня 1944 г. государственный секретарь США Хэлл вызвал посла Великобритании лорда Галифакса и проинформировал его о поведении английского посла Джордена в Саудовской Аравии, который проявлял недружелюбность в разговорах со своим американским коллегой. Англичане под давлением США отзывали своего представителя в Джидде, назначив на его место Лоренса Графти-Смита, который, в свою очередь, был полон уверенности в том, что «после войны США предполагают вытеснить Великобританию и Францию из Ближнего и Среднего Востока» ⁴⁴. Последовавшая полемика между госдепартаментом и британским внешнеполитическим ведомством не привела к консенсусу.

Одновременно с этим Муз, по просьбе администрации президента, представил Белому дому свои комментарии по вопросу о военном сотрудничестве с Саудовской Аравией. «Назначение британца

руководителем союзной военной миссии не может самым серьезным образом не отразиться на наших позициях в королевстве. История стран, — отмечал американский дипломат, — окружающих Саудовскую Аравию..., наглядно демонстрирует тот факт, что королевство будет нуждаться скорее в защите от британцев, чем оно будет нуждаться в британской защите от третьих стран... король не раз говорил о том, почему Соединенные Штаты не могут самостоятельно реализовать свои планы в отношениях с Саудовской Аравией, минуя британское посредничество. Изменение в руководстве военной миссии еще раз продемонстрирует королю, что американская политика в отношении Саудовской Аравии настолько сильно зависит от Лондона, что англичане в силах обнулить любой американский проект. Результатом будет потеря доверия к американским планам и гарантиям и менее благоприятные условия для Соединенных Штатов, чтобы отстоять в случае необходимости, свои интересы. Англо-американская военная миссия не принесет желаемого результата». Мнение Музы вполне можно было считать компетентным: до назначения в Джидду он в должности посланника провел 4 года в Багдаде.

В Госдепартаменте заявили, что вместо совместной англо-американской миссии в Саудовскую Аравию будут направлены военные миссии из США и Великобритании⁴⁵. В июне 1944 г. впервые американская военная продукция стала поступать напрямую в Саудовскую Аравию по ленд-лизу. К концу месяца в королевство было завезено 1667 винтовок, 350 тыс. патронов и различные медикаменты. Доставка осуществлялась по воздуху через Каир в Джидду, где груз поступал на арабские военные склады. Американские военные специалисты проинструктировали представителей вооруженных сил Саудовской Аравии в использовании и обслуживании стрелкового оружия. Великобритания поставляла военную продукцию в Саудовскую Аравию параллельно с США. Вместе с военной продукцией в королевство «нефти и ислама» направлялись американские военные советники, инженеры. Американская военная миссия («Временное представительство американского Штаба в Саудовской Аравии») прибыла в Саудовскую Аравию в середине июня во главе с полковником Г. Шомбером. Американцы расположились в Таифе, где развернули палаточный лагерь⁴⁶.

В соответствии с директивой, американские специалисты отвечали за подготовку будущих офицеров для арабской армии. Обучение первой группы саудовских офицеров в количестве 50 человек началось в июле. Курсанты отбирались из трудоспособных жителей Саудовской Аравии, которых обучали стрельбе из американского стрелкового оружия, тактике ведения боя, правилам оказания первой медицинской помощи и санитарии. Американские инженеры учили курсантов правилам управления самоходным транспортом. В полевых дневниках полковника Шомбера описываются различные проблемы, с которыми столкнулись обе стороны: языковой барьер, неграмотность среди арабских курсантов и отсутствие элементарных навыков обращения с оружием и техникой. Шомбер писал, что 35 из 50 курсантов ни разу не держали оружие, многие не умели водить автомобиль, однако, арабы с интересом относились к военной подготовке⁴⁷. 26 июля командующий USAFIME генерал Джайлс и посол США в Саудовской Аравии Муз провели встречу с Абд аль-Азизом. Гости короля вручили его телохранителям четыре автомата «Томпсон», а также альбом с фотографиями достопримечательностей Америки. На встрече американский генерал поднял проблему обеспечения прямого авиасообщения Каира с Бахрейном и Дахраном, что было на 212 миль короче действующего авиасообщения Каир — Хаббания и Абадан — Бахрейн. Король был явно не в том расположении духа, чтобы обсуж-

дать этот вопрос. Он поручил его разработку министру иностранных дел Яссине и заявил, что англичане сильно огорчились, узнав о планах Америки на авиаперелеты через Саудовскую Аравию. Через четыре дня Муз сделал официальный запрос в МИД Саудовской Аравии от имени генерала Джайлса, в котором затронул проблему подготовки местности близ Дахрана под строительство авиабазы для установления прямого авиасообщения с Каиром ⁴⁸.

Известие о намерениях американского военного руководства построить военный аэродром в Саудовской Аравии чрезвычайно быстро распространилось в саудовском руководстве и вызвало волну негодования в правительстве. Арабов беспокоило, что США через Саудовскую Аравию планировали переправлять военные материалы на Аравийский полуостров и своим союзникам в Иран. Кроме того, у арабов вызывал опасения тот факт, что американцы готовы предпринять попытку использования армии для увеличения своего присутствия на Ближнем Востоке, в частности, в регионе Персидского залива. Аб аль-Азиз потребовал от американской стороны предоставить ему планы переброски военной продукции, сроки и маршруты транспортировки. В Вашингтоне считали, что изменение политической атмосферы в правительстве Саудовской Аравии было инициировано британцами. Лондон использовал свое давление с целью убедить Абд аль-Азиза отклонить предложение американцев относительно использования территории и воздушного пространства королевства, подчеркивая, что в этом нет никакой необходимости ⁴⁹.

Госсекретарь США Хэлл отмечал, что планы США по созданию аэродрома в Дахране самым серьезным образом отразятся на англо-американском соперничестве за влияние на Ближнем Востоке. В беседе с американским президентом он резюмировал: «Разногласия вокруг строительства аэродрома в Дахране обострились до такой степени, что вынудили англичан обратиться к политике человек человеку — волк». Американский посланник У. Эдди 12 июня 1944 г. в письме руководителю Госдепартамента сообщал, что «Англичане настоятельно рекомендовали Абд аль-Азизу не давать американцам разрешение на строительство аэродрома в Дахране, кроме того, они выражали обеспокоенность в связи с тем, что американские инженеры занимались прокладкой кабеля в королевстве, обеспечением средств связи между Эр-Риядом, Каиром и Вашингтоном. Великобритания прикладывает все силы, чтобы свести к минимуму влияние американцев на королевское правительство» ⁵⁰. Таким образом, Англия, придерживаясь твердой позиции — не допустить строительства аэродрома в Дахране.

В августе 1944 г. Эдди сообщал в Вашингтон, что реализация американских планов по строительству аэродрома и созданию соответствующей инфраструктуры в Дахране в некоторой степени зависит от Лондона. Военный министр Г. Стимсон на встрече с Э. Стеттиниусом подчеркнул, что «Саудовская Аравия представляет стратегический интерес для США, прежде всего потому, что обладает богатыми запасами нефти, строительство и использование аэродромов позволит проводить аэрофотосъемку не только королевства, но и близлежащей территории, а это, безусловно, в наших интересах» ⁵¹. Министр ВМФ США Дж. Форрестол заявил, что обладание нефтью Персидского залива улучшит снабжение армии горючим и укрепит валютные запасы страны. Активное проникновение американской бизнес элиты в нефтяную отрасль Саудовской Аравии крайне необходимо». Таким образом, заявления высокопоставленных деятелей США свидетельствовали о твердом решении упрочить позиции США в Саудовской Аравии. Министр иностранных дел Саудовской Аравии Яссин на встрече с Эдди в декабре 1944 г. не отрицал факта давления на короля со стороны англичан. Одновременно с этим, он выразил на-

дежду на продолжение работы американских военных «вопреки давлению со стороны англичан»⁵².

В меморандуме на имя президента США 22 декабря 1944 г. госсекретарь представил ряд проектов по расширению долгосрочной финансовой помощи Саудовской Аравии в рамках ленд-лиза. Основными причинами этого были: растущие потребности американской экономики в арабской нефти и планы по строительству аэродромов на территории Саудовской Аравии. Кроме того, госсекретарь подчеркнул, что «экономическую поддержку необходимо реализовать в ближайшее время, в условиях острой конкурентной борьбы, разворачивающейся на арабском нефтяном рынке, ибо другие развивающиеся нации могут опередить нас, что самым серьезным образом отразится на позициях США в зоне Персидского залива»⁵³. Диапазон проектов был весьма широк.

По оценкам американских внешнеполитических стратегов, согласно первому проекту, для удовлетворения неотложных нужд Саудовской Аравии необходимо было 43 млн долл., американское правительство могло предоставить кредит на пять лет. Сущность второго проекта заключалась в том, что Экспортно-импортный банк США обеспечит финансирование совместных американо-арабских проектов в различных сферах. Третий был адресован командованию вооруженных сил США, в нем предусматривалось: «Оказать помощь Саудовской Аравии посредством строительства аэродромов и связанных с ними коммуникаций, инфраструктуры и направить военных специалистов для обучения арабской армии и создания стратегически важных объектов». Все эти предложения были одобрены командующими сухопутных и военно-морских сил США⁵⁴.

Пакет финансовой помощи королевству предполагалось вынести на обсуждение в Конгресс. Некоторые его представители считали, что часть денежных средств, выделенных Саудовской Аравии, попадет в руки бизнесменов АРАМКО, а процесс принятия проекта финансовой помощи затянется. Так и оказалось на самом деле⁵⁵. 12 февраля 1945 г. руководство Государственного Военно-морского координационного комитета (SWNCC) изложило Рузвельту свой взгляд на перспективы финансовой помощи Саудовской Аравии в рамках ленд-лиза.

По оценкам специалистов SWNCC, для глубокой модернизации инфраструктуры и т.п. Саудовской Аравии потребуется примерно 28—57 млн долл. в период 1945—1950 годов. Было решено оказать помощь двух видов:

1. В краткосрочной перспективе военное ведомство США должно было обеспечить строительство аэродромов, в частности, сооружение авиабазы в Дахране и создание сети современных дорог.

2. В долгосрочной перспективе — выделить кредит для модернизации нефтяных промыслов.

В меморандуме Госдепартамент, подчеркивая важность воздушных путей над Саудовской Аравией, указывал на то, что наиболее ценным является арабская нефть для вооруженных сил США, а строительство военного аэродрома в Дахране отвечает национальным интересам Соединенных Штатов⁵⁶.

Важнейшим шагом вперед в американо-саудовских отношениях стала встреча на высшем уровне между президентом США Рузвельтом и королем Саудовской Аравии Абд аль-Азизом, состоявшаяся в феврале 1945 г. на борту американского военного корабля «Куинси» в Суэцком канале, ставшая важной вехой в истории взаимодействия двух государств. Президент США подчеркнул интерес американского политического руководства и бизнес сообщества к расширению отношений с Саудовской Аравией⁵⁷.

Важным предметом обсуждения двух лидеров явился вопрос о переселении евреев в Палестину. Король недвусмысленно намекнул

президенту США, что евреям, пострадавшим в годы второй мировой войны, должно быть предоставлено жизненное пространство на территории стран «оси», ибо арабы рассматривали еврейскую иммиграцию в Палестину как серьезную угрозу арабскому миру. Король подчеркнул, что арабы будут всеми средствами противодействовать еврейской миграции в Палестину. По словам полковника Эдди, Абд аль-Азиз был неуступчив.

В июле 1945 г. вопрос о строительстве аэродрома в Дахране обсуждался на заседании Объединенного Комитета Начальников Штабов (ОКНШ). Англичане заявили, что готовы поддержать американские планы строительства авиабазы в Дахране. Абд аль-Азиз направил телеграмму исполняющему обязанности госсекретаря США Дж. Грю, в которой сообщил о необходимости проведения прямых переговоров о сроках начала строительства авиабазы. Кроме того, король указал на необходимость создания всей соответствующей инфраструктуры. В мае английский посланник в Джидде передал правительству Саудовской Аравии телеграмму из Лондона с одобрением американского проекта. После этого Эдди и полковник USAFIME В. Коннор 9 мая 1945 г. отправились в Эр-Рияд на переговоры по строительству авиабазы в Дахране ⁵⁸.

11 мая американцы получили официальное уведомление от Министерства иностранных дел Саудовской Аравии о разрешении строительстве аэродрома. Согласно документу, король разрешал строительство аэродрома в Дахране и его использование вооруженными силами США в течение трех лет после окончания войны. Кроме того, разрешалось использование аэродрома гражданской авиацией США, а также американскими коммерческими авиакомпаниями. Король отверг просьбу правительства США об аренде военного аэродрома в Дахране на шестьдесят лет. Он считал, что это может вызвать у населения страны опасения по поводу иностранного вмешательства во внутренние дела королевства. Кроме того, все объекты, связанные с аэродромом, должны были отойти правительству Саудовской Аравии по окончании войны. Госдепартамент направил меморандум президенту Г. Трумэну, в котором говорилось о необходимости реализации проекта строительства аэродрома. Грю отмечал, что его создание укрепит американо-саудовские связи. Трумэн одобрил рекомендацию 28 июня 1945 года ⁵⁹. В это время один из сыновей короля, заместитель министра иностранных дел Саудовской Аравии эмир Фейсал Ибн Сауд Абд аль-Азиз отправился в Соединенные Штаты на переговоры со своими американскими коллегами. Он использовал свое пребывание в США, чтобы подчеркнуть интерес арабского политического руководства к расширению отношений с Соединенными Штатами. В сопровождении большой делегации деловых кругов Амир Фейсал встретился с исполняющим обязанности госсекретаря Дж. Грю и директором управления по делам Ближнего Востока и Африки (NEA) Л. Гендерсоном. Грю заявил, что правительство США не может оказать финансовую помощь, пока соответствующее решение не примет Конгресс. Этот процесс требует много времени. Грю подчеркнул, что Саудовская Аравия является важным партнером США на Ближнем Востоке ⁶⁰.

В арабском мире получило распространение мнение, что американская военная миссия в Саудовской Аравии была первым шагом на пути установления гегемонии США на Ближнем Востоке и началом военной оккупации региона. Во время второй встречи с представителями Госдепартамента Фейсал Ибн Сауд Абд аль-Азиз подчеркнул необходимость продолжения диалога по вопросу строительства аэродрома в Дахране. Представители госдепартамента заявили, что контингент американских военных специалистов на востоке Саудов-

ской Аравии будет сокращен после окончания войны, что благоприятно отразится на авторитете Абд аль-Азиза. Американские коллеги подчеркнули, что созданием аэродрома в Дахране займется воздушно-транспортная команда ВВС США (U.S. Air Transport Command), а после трехлетней эксплуатации аэродром перейдет коммерческой фирме Trans-World Airlines (TWA) ⁶¹.

5 августа 1945 г. проект строительства аэродрома в Дахране лег на стол Абд аль-Азизу. После ряда незначительных поправок (в частности король потребовал, чтобы на территории аэродрома развивался государственный флаг Саудовской Аравии) документ был подписан королем и министром иностранных дел Яссином ⁶². 23 августа американское военное ведомство заявило, что создание аэродрома в Дахране отвечает национальным интересам Соединенных Штатов. 28 сентября Конгресс одобрил расходы на строительство аэродрома. Дахран представлял стратегическое значение для армии США. Строительство аэродрома было завершено в 1946 г., американские военные использовали его для вывода военного контингента из Ирана ⁶³.

Причины активного военного сотрудничества США и Саудовской Аравии кроются преимущественно в позиции американских властей, которые, укрепляя присутствие своих вооруженных сил в зоне Персидского залива, заложили основы военно-стратегического преобладания США в Саудовской Аравии, установив контроль над подступами к арабскому энергетическому эллипсу. Результатом этих мер, во-первых, стало включение Аравийского полуострова в зону геополитического влияния США, во-вторых, американские поставки военной продукции по ленд-лизу Саудовской Аравии улучшили оснащение арабской армии. Подготовительные курсы способствовали повышению ее качественных характеристик и укреплению контроля над ней со стороны Вашингтона, что послужило основой для сотрудничества США и Саудовской Аравии в послевоенный период. В-третьих, американо-саудовские контакты по военной линии привели к созданию военного аэродрома в Дахране в 1946 году. Эти шаги означали заметное усиление американского влияния в Саудовской Аравии и начало активного участия США в ближневосточных делах. Теперь сотрудничество Эр-Рияда и Вашингтона охватывало не только экономическую, но и военно-политическую сферу. Аравийский полуостров стал для Америки важнейшим звеном в конструировании будущей системы влияния на процессы, происходившие в регионе. Усиление американского влияния на Ближнем Востоке не приветствовалось в Лондоне, ибо оно вело к ослаблению позиций Туманного Альбиона. Саудовская Аравия стала проводником американских стратегических интересов на Ближнем Востоке.

Примечания

1. РОДРИГЕС А.М. Кувейтский кризис 1990—1991 гг.: трудный выбор Саудовской Аравии. — Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014, №3, с. 187.
2. ВАСИЛЬЕВ А.М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М. 2010.
3. ANDERSON I. Aramco, the United States and Saudi Arabia: A Study of the Dynamics of Foreign Oil Policy 1933—1950. Princeton. 1981.
4. MILLER A. Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy 1939—1949 N.C. 1980.
5. WALT D. The Foreign Policy of Ibn Saud 1936—1939. — Journal of the Royal Central Asian Society. Vol. II. 1963, p. 159—160.
6. ВАСИЛЬЕВ А.М. Ук. соч., с. 160.

7. JACKSON A. The British Empire and Second World War. L. 2006, p. 157.
8. ЛАНУА Ф. де. Африканский корпус (1941—1943). М. 2008, с. 16.
9. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1942, vol. IV, p. 573.
10. HART T. Saudi Arabia and the United States: Birth of a Security Partnership. Bloomington. 1999, p. 39.
11. HULL C. Memoirs of Cordell Hull. L. 1952, p. 1511, 1513—1516.
12. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1942, vol. IV: The Near East and Africa. Wash. 1963, p. 562—563.
13. FRUS. 1942, vol. IV, p. 573.
14. Ibid., p. 577.
15. IRVINE A. Lend-Lease for Saudi Arabia: A Comment on Alternative Conceptualizations. — Diplomatic History. 1979, vol. 3, p. 413—414.
16. GRAYSON B. Saudi-American Relations. Wash. 1982, p. 78.
17. IRVINE A. Op. cit., p. 415.
18. BRONSON R. Thicker than Oil: America's Uneasy Partnership with Saudi Arabia. L. 2006, p. 57.
19. FRUS. 1943, vol. IV, p. 854—855.
20. Ibid., p. 857.
21. LONG D. Saudi Arabia. Wash. 1978, p. 61.
22. Вооруженные силы королевства выглядели удручающе. Американская дипломатическая миссия в Каире в 1940 г. описывала их следующим образом: «Постоянная армия насчитывала около 2 500 человек, обученных бывшими турецкими офицерами; еще 100 000 бедуинов, могут быть мобилизованы от местных племен в условиях военного времени; на вооружении были устаревшие винтовки, автоматы и небольшое количество легких полевых орудий британского, итальянского и польского производства; дюжина легких самолетов базировалась на летном поле в Джидде. См.: MILLER A. Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy 1939—1949. North Carolina. 1980, p. 111.
23. Documents on the Emergence of the Kingdom of Saudi Arabia as a World Power, 1936—1949. Part I. Vol. IV. Cambridge. 1980, p. 110.
24. FRUS. 1943, vol. IV, p. 875.
25. GRAYSON B. Op. cit., p. 92.
26. Ibid., p. 110.
27. FRUS. 1943, vol. IV, p. 857.
28. IRVINE A. Op. cit., p. 417.
29. MADAWI A. A History of Saudi Arabia. L. 2002, p. 97.
30. RANDALL S. Op. cit., p. 115.
31. FRUS. 1943, vol. V, p. 885—886.
32. BADEAU J. The American Approach to the Arab World. N.Y. 1968, p. 171.
33. GRAYSON B. Op. cit., p. 88.
34. HART P. Op. cit, p. 85.
35. MADAWI A. Op. cit., p. 103.
36. FRUS. 1943, vol. IV, p. 907—920.
37. Ibidem.
38. Ibidem.
39. IRVINE A. Op. cit., p. 419.
40. Ibidem.
41. MILLER A. Op. cit., p. 120.
42. FRUS. 1944, vol. V, p. 692—693.
43. Ibid., p. 697.
44. ВАСИЛЬЕВ А.М. Саудовская Аравия и Вторая Мировая война. — Азия и Африка сегодня. 2005, № 8, с. 60.
45. BADEAU J. Op. cit., p. 184.
46. FRUS. 1944, vol. V, p. 678—679.
47. Гарнизон британской военной миссии также располагался в Таифе, участвуя в английской помощи Саудовской Аравии по ленд-лизу. Генерал Шомбер в своих дневниках охарактеризовал отношения между двумя военными миссиями как «очень

- дружелюбные, партнерские». См.: HART, PARKER. Saudi Arabia and the United States: Birth of a Security Partnership. Bloomington. 1998, p. 86—87.
48. SIMON D. *Op. cit.*, p. 217.
 49. FRUS. 1944, vol. V, p. 662—663.
 50. *Ibid.*, p. 735.
 51. *Ibid.*, p. 748. Из-за плохого самочувствия К. Хэлла на пост госсекретаря США в конце 1944 г. был назначен Э. Стеттиниус.
 52. BARAM P. The Department of State in the Middle East 1919—1945. Philadelphia. 1978, p. 97.
 53. FRUS. 1944, vol. V, p. 758.
 54. *Ibid.*, p. 758.
 55. MILLER A. *Op. cit.*, p. 126—127
 56. FRUS. 1945, vol. VIII, p. 852—853.
 57. EDDY W. F.D.R. Meets Ibn Saud. 1954, p. 30—31.
 58. В план строительства дорог был включен маршрут Дахран — Эр-Рияд, приблизительно 290 миль. См.: FRUS. 1945, vol. VIII, p. 886—887.
 59. *Ibid.*, p. 915—917.
 60. GRAYSON B. *Op. cit.*, p. 111.
 61. Соглашение между TWA и правительством Саудовской Аравии было подписано в 1946 году. По нему TWA предоставлялось право на коммерческие рейсы в Саудовскую Аравию. Бывший командующий USAFIME генерал Джайлс был назначен на пост директора филиала TWA в Саудовской Аравии. FRUS. 1946, vol. VII, p. 744—745.
 62. FRUS. 1945, vol. VIII, p. 946—949.
 63. LAWSON H. The Iranian Crisis and the Spiral Model of International Conflict. — International Journal of Middle East Studies. 1989, vol. 21, № 5, p. 311.

К вопросу о роли Ламбро Кацониса в российской морской истории

Г.А. Гребенщикова

В № 4 журнала «Вопросы истории» за 2015 г. опубликовано мнение главного научного сотрудника института славяноведения Г.Л. Арша с критикой позиции, занятой автором настоящей статьи по отношению к Ламбро Кацонису (Кацони, Качиони), подробно изложенной в двух монографиях — «Черноморский флот в период правления Екатерины II» и «Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II».

Подобные претензии в серьезном историческом исследовании выдвигаются вполне осознанно, с полной ответственностью и только после глубокой проработки максимально доступного количества источников. К большому сожалению, Арш взял в кавычки слово «комплексное исследование», которое на самом деле имело место в период работы над «Черноморским флотом...», поскольку было задействовано множество документов из пяти федеральных архивов Российской Федерации. Все эти документы, с их полными архивными шифрами, приведены в обеих указанных монографиях. Наиболее важные из них хранятся в Архиве внешней политике Российской империи (АВПРИ), в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ) и в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). С открытием (после перерыва) АВПРИ, любой историк вправе заказать эти материалы, а с теми, которые хранятся в РГАВМФ, можно ознакомиться уже сейчас. Одним из рецензентов на монографию «Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II» являлся директор РГАВМФ, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук С.В. Чернявский, хорошо знакомый с представленными в монографии документами.

К большому сожалению, Арш взял из всего объемного текста указанных монографий только часть характеристики Л. Кацониса —

Гребенщикова Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией истории флота и мореплавания Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, профессор.

пират, бандит, преступник — без обоснования причины, почему автор «Черноморского флота...» сделал такой вывод. На самом деле, перед тем, как прийти к окончательному итогу, автор указанных монографий *полностью* опубликовала документы, связанные с преступной деятельностью Кацони в Адриатическом море и в Греческом Архипелаге. Наверное, трудно ошибиться в характеристике человека, который грабил и убивал своих же соотечественников греков, отрезал мирным торговцам и судовладельцам носы и уши, похищал детей у богатых греков с целью выкупа, сооружал виселицы для греческих юношей, высаживал десанты убийц и мародеров в Море (на Майне).

Российские ученые рассматривают Кацониса, прежде всего, как офицера, состоявшего на службе у российской императрицы Екатерины II, в силу чего он был обязан подчиняться вышестоящему начальству в лице светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического и своих командиров; Потёмкин доверил Кацони высочайше утвержденный патент на право оперировать в Эгейском море под российским флагом. В Архипелаге Кацони поступил под командование генерала И.А. Заборовского и контр-адмирала С.С. Гиббса, но их приказов не выполнял, не подчинялся начальству, нарушал Морской Устав, поступал самовольно, совершал грабежи в нейтральных водах Адриатики и за совокупность проступков был лишен Екатериной II данного ему патента (приложена ксерокопия документа). Императрица направила всем российским консулам указ о запрещении Кацони плавать под российским флагом, но Кацони ложными донесениями смог убедить Потёмкина, а тот — Екатерину II в том, что он один воюет против турок. В результате, императрица наградила Кацони высшим военным орденом Св. Георгия 4-ой степени, но при этом следует подчеркнуть, что сам главнокомандующий — князь Потёмкин — на театре военных действий не был и проверить заявления Кацони не мог.

Надуманно и безосновательно возвышая Кацониса, Арш и его петербургский коллега Ю.Д. Пряхин отрицают боевые заслуги других людей — мальтийского офицера на русской службе капитана Гвильермо Лоренцо, корсиканского офицера Самуэля де Шаплета, российского офицера Степана Телесницкого, многих греческих добровольцев, которые честно служили России. Они успешно сражались против турецких морских сил в Эгейском и Средиземном морях в ходе войны 1787—1791 гг., нарушали коммуникации противника и наносили ему значительный урон, облегчая тем самым операции флоту на Черном море под начальством Ф.Ф. Ушакова. В целом же, за освобождение Греции из-под османского господства воевали российские, мальтийские, австрийские, венецианские и корсиканские офицеры, которые вносили свой вклад в борьбу против Турции. Но, к сожалению, Пряхин и Арш отрицают подвиги этих людей и все боевые заслуги отдают исключительно Кацони, что не подтверждается документально и не соответствует действительности. Об этом подробно изложено в «Российских флотилиях...», где полностью опубликованы соответствующие документы и приведены характеристики, данные этим офицерам российским командованием.

Недавно в РГАДА обнаружены еще два документа с новым именем капитана, состоявшего на русской службе вместе с Г. Лоренцо (командиром российской императорской казенной флотилии) и С. де

Шаплетом. Дело датировано 1797 г., когда в Петербурге шло разбирательство в отношении казенной и каперской флотилий и, в частности, поступков Кацони в Адриатике и Архипелаге:

№ 1. «Перевод с итальянского. Копия.

Дан сей вид служащему под Российским флагом капитану Федору Лайну в том, что он со своим судном был в городе Превезе, где получил от г-на подполковника Панно Бицили набранных в службу Российскую албанцов тридцать семь человек, с коими по приказанию его ездил в Мессину, а оттуда, выдержав карантин, приказано было от меня ехать в Сиракузу, где нагрузив судно бочечными досками, отправлен был в Мальту, откуда возвратясь в Сиракузу, отдал помянутых албанцов на два Российские фрегата. Во все время службы, которую он начал от 18 (29) мая сего года, на собственном своем судне содержал он людей на своем иждивении, не получив за то еще ничего. Исправлял должность свою порядочно, и в том ради свидетельства подписал сентября 12 (23) дня 1788 года, в Сиракузе.

Генерал маиор и кавалер Самуил Гиббс».

№ 2. «Копия. Ордер Благородному господину Лайну.

Предприяв отправить в море как полаку, коею вы командуете, так и пакетбот, на котором командир 1го ранга шкипер Сапунцоглу, предписал г-ну лейтенанту де Шаплету иметь в своей команде оба сии судна, и возложил на него попечение о скором приготовлении сих судов к походу, и о прочих распоряжениях. И как скоро готовы будете, то на поход ваш г-ну лейтенанту де Шаплету дано будет от меня особенное наставление.

Сиракуза февраля 3го дня 1789 года. Гиббс»¹.

Что касается Кацониса, то он не выполнил приказов командующих о соединении с отрядами российских судов для совместных операций против турок, и своими авантюрными и необдуманными действиями обрек на поражение себя и своих подчиненных. Князь Потёмкин дважды отзывал Кацони в Россию для дачи объяснений, но этих приказов главнокомандующего Кацони не выполнил.

Арш пишет, что Пряхин двадцать лет собирал в РГАВМФ материалы о Кацонисе и опубликовал 165 документов. Автор этих строк также в течение двадцати лет работает с документами не только РГАВМФ, но и других архивов. И с полным основанием утверждаю, что в РГАВМФ такого количества документов о Кацонисе нет, равно как нет и его послужного списка (ф. 406), поэтому почерпнуть сведения о его службе невозможно. В РГАВМФ имеются короткие телеграфные сообщения Кацониса Потёмкину о его якобы победоносных действиях против турок, но эти донесения не подтверждает российское командование в Архипелаге. Наоборот, оно свидетельствует о том, что упомянутые Кацонисом подвиги совершали другие офицеры, и эти рапорта полностью опубликованы в «Российских флотилиях...»². Причем сообщения Кацониса даже нельзя назвать рапортами — настолько они расплывчаты, неясны и составлены из двух-трех предложений о совершенном им очередном подвиге. Всего в РГАВМФ имеются три таких коротких донесения, на основании которых Пряхин объявил Кацони героем³. Других подтверждающих документов по данному вопросу нет, а имеются прямо противоположные свидетель-

ства и показания очевидцев, российских дипломатов и командующих адмиралов.

Документы, приведенные в книге Пряхина о Кацони, говорят далеко не в пользу последнего, и с ними также может ознакомиться заинтересованный читатель. Это дела финансового характера, долгов, которые Кацони не выплатил различным лицам и кредиторам, включая его начальника контр-адмирала Н.С. Мордвинова, многочисленные жалобы на Кацони и т.д. И, как представляется, в РГАВМФ для активного поиска материалов по деятельности Кацони двадцати лет не требуется.

К вопросу о Кацонисе Пряхин подошел с субъективистских позиций, отбросив те документы, которые не только дискредитировали Кацониса, но и прямо свидетельствовали о его правонарушениях и беззакониях. Однако повторим: в архивах Москвы, Венеции и Стамбула, где хранятся документы такого рода, Пряхин не работал. Кроме того, он опустил проблему исключения Кацониса из русской службы императором Павлом в 1797 г. за дезертирство, без права ношения мундира. Больше император этого офицера на службу не принимал. Чтобы доказать последнее утверждение, было проведено отдельное исследование, подняты все списки действующих офицеров Черноморского корабельного и гребного флотов с 1798 по 1805 гг., тщательно изучены протоколы Черноморского Адмиралтейского Правления, в которых фиксировалась вся повседневная и боевая жизнедеятельность флота. И ни в одном из указанных материалов капитан 1 ранга Л. Кацонис не значится⁴. Оба императора, Павел и Александр I, на службу Кацониса больше не принимали, на флоте он не служил, долгов не выплатил, а вместо этого купил винный завод в Крыму.

Арш пишет, что контр-адмирал Гиббс был недоброжелателем Кацониса, поэтому его сместили и отозвали. Но И.А. Заборовского также отозвали из Италии, что вовсе не свидетельствовало о его недоброжелательном отношении к Кацони. Гиббс являлся вовсе не недоброжелателем, а непосредственным начальником Кацониса, однако тот саботировал приказы Гиббса и публично высмеивал его — заслуженного боевого офицера, начинавшего служить еще при Елизавете Петровне. Сменивший Гиббса генерал В.С. Томара впоследствии также даст Кацони отрицательную оценку.

Арш считает, что автор настоящей статьи упоминает лишь о неких безымянных консулах, которые негативно отзывались о Кацони. Это заявление считаю полностью не соответствующим истине, так как в обеих монографиях — «Черноморский флот...» и «Российские флотилии...» — опубликованы подробные донесения консулов с указанием их фамилий и мест службы. В этой связи следует подчеркнуть главное, а именно: российские консулы и дипломаты, служившие в Триесте, Венеции, Неаполе, на островах, принадлежавших Венеции, — на Занте, Цериго, Цефалонии, Корфу — являлись официальными чиновниками МИД России (коллегии Иностранных дел), которых Екатерина II уполномочила оказывать всяческое содействие морским и сухопутным силам в Архипелаге. Дипломатические представители в упомянутых государствах ратовали за интересы своей державы и отстаивали их в мирное и в военное время, когда Россия находилась в состоянии войны с Турцией. Не доверять их донесениям императри-

це, вице-канцлеру И.А. Остерману и первоприсутствующему в коллегии Иностранных дел графу А.А. Безбородко нет никаких оснований — в царствование Екатерины II это совершенно исключалось. В этих донесениях, равно как и в рапортах контр-адмиралов Гиббса, А.К. Псаро, генерала Томары речь идет о том, что Кацони воевал не против турок, а захватывал мелкие суда греческих торговцев, которые потом выдавал за взятые им турецкие суда. Длительное время его корсарская флотилия находилась во владениях республики Венеция, а не на театре военных действий, где Кацони полагалось воевать против турок. В нейтральных водах он захватывал суда подданных дружественных России и нейтральных держав — Венеции, Рагузы, Мальты, Неаполя — тем самым ввергая Россию в дипломатические конфликты и разбирательства на межгосударственном уровне.

После окончания войны и подписания мирного договора с Турцией Кацони продолжал заниматься пиратством, из-за чего едва не разразился военный конфликт с Францией и не возобновилась война с Турцией. Более того, он не выполнил указов Екатерины II о возвращении в Россию и даче отчета о своих поступках, за что, как указано в документе, был «уровнен бунтовщику и морскому разбойнику»⁵. В официальных документах коллегии Иностранных дел этот офицер окончательно был назван преступником⁶, и въезд в Санкт-Петербург ему был запрещен.

Арш также пишет, что условия Ясского мирного договора с Турцией не удовлетворили Кацони — Россия ничего не сделала для греков, и Кацони решил продолжать войну. Но он не имел никакого права решать за руководство России — продолжать войну или нет, у него на это не имелось полномочий — это была прерогатива Екатерины II и членов ее кабинета. Кацони четырежды получал от своего начальства уведомления о прекращении военных действий с Турцией⁷. Так, генерал Томара докладывал руководству: «Известия о мире посланы были полковнику четыре раза. Первое из Неаполя от 18 (29) января, второе от 20 (31) января ж, третье из Ливорны от 15 (26) марта, по известиям о ратификации, из Вены полученным. Сверх того ж поручено генеральному консулу в Рагузе, как туда скорее из Молдавии доходят известия, уведомить полковника о мире, что тем консулом и исполнено от 1 (12) февраля»⁸. Кроме того, Кацони не мог знать об окончательных статьях мирного договора в Яссах, который граф Безбородко подписал только 29 декабря 1791 года. Как представляется, Кацони не имел права упрекать Россию и Екатерину II в том, что они ничего не сделали для греков. Прежде всего, он сам, своими действиями осложнил ситуацию в Архипелаге, и в итоге малочисленная российская императорская флотилия под начальством капитана Лоренцо не смогла противостоять силам Турции и ее союзника Алжира. Незаслуженно возвышая ординарного иностранного офицера на русской службе, Арш, к сожалению, отрицает заслуги русских и офицеров других национальностей, внесших свой вклад в дело борьбы с Турцией.

Также необходимо заметить, что в греческих архивах прямых доказательств боевых подвигов Ламбро Кацониса нет и быть не может, потому что в середине XVIII в. независимого греческого государства не существовало, поскольку Греция входила в состав Османской им-

перии. А вот в архивах Москвы, Петербурга, Вены, Стамбула и Венеции сохранились документы, касающиеся пребывания начальников российских флотилий в Эгейском море и незаконных действий Кацони против подданных нейтральных держав и против греков. Этими документами пользовались ученые из Стамбульского университета, защитившие докторские диссертации в 1992 и 1999 гг., а также греческая исследовательница Ольга Кацарди-Херинг⁹. Венецианские источники с протестами против незаконных действий Кацони в территориальных водах Венеции в переводе с итальянского языка отложились в АВПРИ, в делопроизводстве коллегии Иностраннных дел.

Наконец, последнее и очень важное примечание. Говоря об историографии по Кацони, Арш в качестве примера привел брошюру «российских и греческих историков» А. Гертсиоса, И. Николопуса и Пряхина. Со всей ответственностью можно сказать, что названная брошюра представляет собой совершенно неаргументированные, без ссылок на архивные документы обвинения автора настоящей статьи, причем в оскорбительных и грубых выражениях. Подобные эпитеты и речевые обороты не приемлемы в научном диалоге и не допустимы в исторических спорах. К тому же, брошюра написана не историками, как уверяет Арш, а политологом, ранее проживавшим в США, и журналистом, которые не знакомы с документами, хранящимися в российских архивах. Голословно и бездоказательно обвиняя российского ученого, они называют автора «Черноморского флота...» и «Российских флотилий...» «доктором наук» в кавычках, подставляют ложные тезисы, на которых строят обвинения, и прибегают к другим недопустимым в науке приемам.

Примечания

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1239, оп. 3, д. 56205, л. 13—13об., 17.
2. ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II. СПб. 2014.
3. ПРЯХИН Ю.Д. Ламбро Кацонис. Личность, жизнь и деятельность. СПб. 2011.
4. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 212, оп. 1, д. 327, 384; ф. 243, оп. 1, д. 491; ф. 315, оп. 1, д. 195.
5. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 41, оп. 41/3, д. 345, л. 36—36об.
6. Там же, д. 213, л. 17—20об.
7. РГАДА, ф. 21, оп. 1, д. 86, л. 110—110об.
8. Там же, л. 348об.
9. КАЦАРДИ-ХЕРИНГ О. Мифы и легенды о финансировании Кацониса. Крит. 1994.

Немецкий консервативный мыслитель Эрнст Юнгер

С.В. Артамошин

Фигура немецкого консервативного мыслителя, писателя, ветерана мировых войн Эрнста Юнгера (1895—1998) представляет собой слепок целой эпохи. Достаточно упомянуть, что его жизненный путь составил 102 года и пришелся на катастрофический XX век. Юнгер был решительным и бесстрашным воином, ярким консервативным политическим публицистом Веймарской республики, тонким романистом и эссеистом, мастером дневникового жанра. Мы постараемся сфокусировать внимание на основных этапах творческой и политической деятельности этого человека с тем, чтобы проследить динамику эпохи сквозь личность ее представителя.

29 марта 1895 г. в Гейдельберге в семье аптекаря Эрнста Георга Юнгера и Каролины Лампл родился первенец, названный Эрнстом. Отец мальчика изучал химию и защитил диссертацию под руководством профессора Виктора Майера, но в силу обстоятельств, связанных с необходимостью обеспечивать семью, выбрал путь аптекаря. Следует отметить, что в жизни сына отец сыграл немаловажную роль. Кроме интеллектуального влияния он своим вмешательством и дельным советом несколько раз менял судьбу Эрнста в определенном направлении.

Как и многие дети, Эрнст Юнгер не стремился погружаться в мир гимназической учебы. Его больше привлекали приключения и таинственный, чарующий мир Африки. Видимо не случайно, одно из своих эссе он назвал «Сердце искателя приключений». Юноша жил в романтическом мире подвигов и опасностей. Среди его любимых книг были сочинения Д. Дефо и А. Дюма, Д. Сервантеса и братья Гримм, М. Твена и Ж. Верна, Ф. Купера и К. Мая. Но вместе с тем, его увлекали сочинения античных авторов: Геродота, Платона, Плутарха, Овидия и Тацита. Уже в юные годы он полюбил европейскую литературу, читая Байрона, Гюго, Сю, Стендаля, Достоевского ¹.

Артамошин Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Не окончив гимназии, в октябре 1913 г. Юнгер убежал из дома с желанием уехать в Африку, в которой, как ему представлялось, вся жизнь будет сплошным приключением. В Вердене 3 ноября 1913 г. он завербовался на пять лет в ряды французского Иностранного легиона и отправился в Алжир. Здесь он впервые приблизился к границе, разделяющей гражданский мир и войну, но не переступил ее, так как вмешался отец, который забрал сына домой. Вернувшись в гимназию в Ганновер, Эрнст закончил учебу летом 1914 года.

Первым рубежом в жизни Эрнста Юнгера стала Великая война 1914—1918 гг., которая выковала его личность, и память о которой он пронес через всю свою жизнь, ни разу ее не осудив. Он был представителем немецкого поколения, которое сменило гимназический костюм на солдатскую шинель, прыгнув в окопы первой мировой. 4 августа 1914 г. Юнгер записался добровольцем в 73-й пехотный принца Альберта Прусского полк ². После прохождения трехмесячной подготовки он оказался на Западном фронте. В начале 1915 г. при Лезэпарже в Шампани в своем первом бою он получил и первое ранение. За всю войну в общей сложности Юнгер был ранен 14 раз. По совету отца он поступил в школу младших офицеров и по его же рекомендации начал писать дневники, 14 книжек из которых сохранились.

Военная биография будущего писателя вызывает уважение. Он прошел путь от добровольца до командира штурмовой роты. Лейтенантом Юнгер принимал участие в битве на Сомме (24 июня — 26 ноября 1916 г.). Правда, накануне сражения он был легко ранен и отправлен в лазарет. Из его взвода, принявшего участие в боях, не выжил никто. После третьего ранения летом 1916 г. Эрнст был награжден Железным крестом первой степени. За героизм в битве при Камбре ему вручили Рыцарский крест придворного ордена Гогенцоллернов, а после тяжелого ранения в 1918 г. он получил Золотой знак за ранения и стал кавалером высшего прусского военного ордена *Pour le Mérite*, учрежденного еще Фридрихом Великим. Эта награда была большой редкостью для младших офицеров пехоты. Уведомляя Юнгера о награждении, генерал фон Буссе в телеграмме писал: «Его Величество кайзер присуждает Вам Орден За Мужество. Поздравляю Вас от имени всей дивизии» ³. На этом для доблестного военного война закончилась.

В 1920 г. Юнгер издал за собственные средства военные дневники, которые он вел на фронте, под названием «В стальных грозах». Следует указать, что эта работа стала бестселлером и ставилась современниками на один уровень с романом Т. Манна «Будденброки». С 1920 по 1943 гг. было продано около 230 тыс. экземпляров ⁴.

Участие в войне воспринималось Юнгером как причастность к великим событиям, свидетелем которых ему довелось быть. В этом чувствовалось ожидание чего-то нового, неизвестного. «Нас, выросших в век надежности, охватила жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтах о крови и розах... Ах, только бы не остаться дома, только бы быть сопричастным всему этому!» ⁵

Героический образ войны имел для него и изнанку, соседствуя со смертью: «...на пустынной деревенской улице появились закоп-

ченные фигуры, тащившие на брезенте или на перекрещенных руках темные свертки. С угнетающим ощущением нереальности я уставился на залитого кровью человека с перебитой, как-то странно болтающейся на теле ногой, непрерывно издававшего хриплое “Помогите!”, как будто внезапная смерть еще держала его за горло!»⁶ Раненый, вырванный из пламени боя, демонстрировал новобранцам иной лик. Красивая форма, чистота и спокойствие прифронтовой полосы вдруг резко сменялись ощущением войны: запыленные, измученные лица, кровь, боль, куски человеческих тел говорили о том, что смерть подстерегала каждого бойца всюду, где только возможно. Чувство опасности давало понять, что теперь солдат вступил в иной мир — мир войны, в котором героическое всегда соседствовало со смертью. «Война выпустила когти и сбросила маску уюта. Это было так загадочно, так безлично»⁷. «... огромная фигура с красной от крови бородой неподвижно глядела в небо, вцепившись ногтями в рыхлую землю», «молодой паренек, его остекленевшие глаза и стиснутые ладони застыли в положении прицела. Странно было глядеть в эти мертвые, вопрошающие глаза, ужас перед этим зрелищем я испытывал на протяжении всей войны»⁸, — писал Юнгер.

Переживания окопной войны сохранили в себе остроту динамики боя и внутренние переживания, а также восприятие противника, к которому автор относился с чувством уважения и без ненависти: «... моей задачей было преследовать врага в бою, чтобы убить, и от него я не ожидал ничего иного. Но никогда я не думал о нем с презрением»⁹. Здесь прослеживается мысль Юнгера о том, что героизм и мужество солдата на поле боя достойны уважения вне зависимости от того, к чьей армии он принадлежит. И не случайно, что он писал о фигуре безымянного солдата, чей подвиг незаметен за его военной обыденностью.

Первая мировая война в представлении Юнгера была войной техники, что было связано с применением новейших видов вооружений и массированным использованием автоматического оружия. В ней пулемет выступал в качестве символа эпохи. В пулеметной войне индивидуальность исчезает, и война становится войной техники, а не индивидуальных бойцов. Это подтверждается анализом немецких санитарных потерь. С 1914 по 1917 г. из 2 млн раненых 43% составляли артиллерийские ранения, а 51% — пистолетно-пулеметные. Но начиная с 1917 г., характер поражений стал меняться: ранения, причиненные артиллерией, включая гранаты, составляли 76%, пистолетно-пулеметные — 18%¹⁰. Новый тип солдата впитал в себя характерные черты эпохи техники. Это не только применение им средств войны, но и заменяемость солдата другим, как замена неисправного механизма. Великая война создала военное поколение, объединенное единым переживанием и историческим опытом. Юнгер называл это поколение «новой расой», которая заражена «воплощенной энергией и высшей силой. Гибкое, худощавое, жилистое тело, характерное лицо, окаменевшие под каской глаза с тысячей страхов. Он ликвидатор, стальная натура, настроенная на борьбу в своей ужасающей форме... Жонглер смерти, мастер взрывчатки и пламени, великолепный хищник, быстро перебегающий в траншеях»¹¹.

Размышляя о характере войны, Юнгер пришел к выводу, что «эта война была чем-то большим, чем просто великой авантюрой»¹².

Поражение Германии было воспринято как нечто трагическое. Война породила людей, прошедших фронт и жертвовавших собой ради победы, но их усилий и крепости духа оказалось недостаточно. Они вынесли с собой фронтовое братство, сплоченное кровью, иную оценку смысла жизни, которая формировалась в момент опасности. Это были уже не романтические добровольцы 1914 г., а ветераны войны, вышедшие живыми из боев. В их руках был послевоенный мир.

В 1919 г. Юнгер продолжил военную службу под началом капитана Оскара фон Гинденбурга, сына знаменитого «героя Танненберга» Пауля фон Гинденбурга, будущего второго и последнего президента Веймарской республики. Он вращался в различных милитаристских кружках, где поддерживался дух солдатской добродетели и фронтового братства. Откомандированный в Берлин, Эрнст был включен в состав комиссии по разработке армейского устава, где работал над пехотным уставом, который должен был вобрать в себя опыт мировой войны. Однако уже в это время он осознал, что военная карьера не для него. В начале сентября 1923 г. Юнгер покинул службу в рейхсвере и поступил на биологический факультет Лейпцигского университета, однако в 1925 г. он был вынужден прекратить занятия.

С 1925 г. бывший военный — свободный писатель, к тому времени уже имевший определенную репутацию как автор сочинений «В стальных грозах» и «Война как внутреннее переживание». К резким переменам в жизни его подтолкнули два обстоятельства: женитьба на Грете фон Йенсен и рождение первого сына Эрнстеля. Его писательская карьера гармонично сочеталась с активной публицистической деятельностью. Начался второй этап его жизни, который характеризовался активным противостоянием Веймарской республике и стремлением к ее изменению. Юнгер воспринял Ноябрьскую революцию 1918 г. как «брюквенную революцию»¹³, которая продемонстрировала немецкую безыдейность и, сама того не ведая, работала на будущую националистическую систему. Активная деятельность Юнгера как публициста была связана со стремлением сформулировать политические задачи военного поколения, на которое он возлагал надежду в националистическом возрождении Германии.

В этой связи консервативная публицистическая деятельность Юнгера гармонично вписывалась в интеллектуальное течение «консервативной революции», ярким представителем которого он стал во второй половине 1920-х годов. С сентября 1925 г. по март 1926 г. он опубликовал 22 статьи в издании «Die Standarte». С апреля 1926 г. он начал, совместно с Хельмутом Франке, Францом Шаувекером и Фрицем Кляйнау, выпускать свое собственное издание в Магдебурге «Standarte. Wochenschrift des Neuen Nationalismus», в котором опубликовал 11 статей до его закрытия в августе 1926 года. С этого времени он стал издавать «Arminius. Die neue Standarte», в котором опубликовал 27 статей. Одновременно Юнгер был секретарем Общества Фихте.

В 1927 г. Юнгер переехал в Берлин, где совместно с Вернером Лассом и Хартмутом Плаасом стал издавать ежемесячник «Der Vormarsch. Blätter der nationalistischen Jugend», а также активно сотрудничать с национал-большевистским журналом «Widerstand. Zeitschrift für nationalrevolutionäre Politik», который издавал Эрнст Никиш. В последнем издании Юнгер опубликовал 28 статей. С янва-

ря 1929 г. он сотрудничал с органом праворадикального молодежного союза «Die Kommenden», в котором появились 10 его статей, но в 1931 г. вышел из его редакции. В последние годы Веймарской республики его статьи публиковались в «Das Reich», «Der Tag», «Deutsches Volkstum».

Националистическая публицистика Юнгера веймарского периода носила воинственный характер и была направлена на разрушение существовавшего государственного устройства. Тональность его статей отличалась от работ других сторонников «консервативной революции» призывами к реальным действиям, имевшими отголосок путчистской тактики немецких правых в первой половине 1920-х годов. Юнгер подчеркивал, что «протест должен осуществляться не в виде докладов о смысле немецкой миссии или книг, анатомирующих труп марксизма, а размеренно и трезво с помощью гранат и пулеметов на уличной мостовой»¹⁴. Националистический подход Юнгера был средством объединения антиреспубликански настроенных ветеранов войны, а также отражал тенденцию развития эпохи. «Новый национализм — это центральное движение нашего времени, к которому должна примкнуть любая организация, если она хочет действительно примкнуть к жизненным силам эпохи»¹⁵, — утверждал он.

Идея жертвенности на войне в современных условиях, по мысли Юнгера, означала борьбу за националистическое обновление Германии. Новая Германия должна была основываться на авторитарной модели политической системы, которая включает в себя национализм, социализм, обороноспособность и авторитарное управление. В данных принципах прослеживается не только наследие первой мировой войны и модель управления государством, которое было создано в 1915 г., но и отражение тотального духа, стремящегося использовать ресурсы и человека для достижения единой цели. Тотальный характер мира делал авторитаризм солдатского социализма удачной альтернативой веймарской демократической системе.

В 1932 г. Юнгер опубликовал одну из центральных своих философских работ «Рабочий. Господство и гештальт», в которой рассматривал современность как наступившую эпоху техники. Буржуазный мир, по мнению Юнгера, обладает своими законами и нравственными нормами. Его представителем является бюргер, которого автор считал носителем статичных сил. Главной особенностью бюргерского сознания является стремление к стабильности и покою, гарантии защиты индивидуальных интересов. Бюргер ограничивает свой мир исключительно образом общества, в своем собственном понимании его как совокупности сословных элементов и взаимоотношений между ними. «Общество — это совокупное население земного шара, являющееся пониманию как идеальный образ человечества, расщепление которого на государства, нации или расы зиждется, в сущности, не на чем ином как на мыслительной ошибке. Однако с течением времени эта ошибка корректируется заключением договоров, просвещением, смягчением нравов или просто прогрессом в средствах сообщения». Поэтому, по мнению Юнгера, общество не предстает как «некая форма сама по себе», а является лишь отражением одной из основных форм бюргерского представления. Общество подчиняет себе государство, подгоняя его под свои мерки. Это определяется, прежде всего, «бюрг-

герским пониманием свободы, нацеленным на превращение всех связующих отношений ответственности в договорные отношения, которые можно расторгнуть». Любая социальная активность осуществляется в границах общества и не выходит за его рамки. Фактически любые трансформации изменяют только общественные элементы, принципиально не меняя само общество. Юнгер подчеркивал, что в буржуазной системе «пробуждающаяся власть должна осознать себя как сословие, равно как и то, что захват власти должен характеризоваться как изменение общественного договора»¹⁶.

Противоположностью бюргера выступает рабочий, который относится к стихийным силам, и является слепком эпохи индустриального мира. Это единственный тип, способный господствовать, так как соответствует тотальной мобилизации общества. В нем выражается единство человека и его средств как выражение единства высшего рода¹⁷. Тотальная мобилизация, берущая свое начало с эпохи мировой войны, обеспечивает стирание различия между фронтом и тылом, подчиняя абсолютно все достижению единой цели¹⁸. Рабочий противопоставляется эпохе техники, так как в нем сохраняются героические персонифицированные черты, в то время как стремление к унифицированию жизни превращает человека в жертву техники. Юнгер считал, что тип рабочего обладает претензией на планетарное техническое господство, что выводит его за пределы национального государства.

Следует подчеркнуть, что в «Рабочем» автор отдалается от националистического боевого дискурса и стремится к размышлениям о модерне и веке техники. Во многом это было вызвано разочарованностью в возможности революционных изменений в силу отхода немецких правых от путчистской тактики и ориентации на парламентскую деятельность.

Берлинская жизнь сблизила Юнгера с Э. Никишем и К. Шмиттом, дружба с которыми была испытана временем. Контакты с Никишем относятся к началу 1927 г., когда Юнгер стал сотрудничать как публицист с журналом «Widerstand. Zeitschrift für nationalrevolutionäre Politik». Идеологической основой издания были антизападная направленность и национализм. Никиш видел перспективу германского будущего в ориентации на восток, на СССР. Рапалльская политика заложила твердую основу для дальнейшего сотрудничества двух стран, однако говоря «да» Рапалло, Никиш говорил «нет» московскому диктату во взаимоотношениях. Национал-большевики считали себя учениками Мёллера ван ден Брука в вопросе ориентации Германии на Россию (СССР), а его книга «Третий рейх» выступала для них в качестве основополагающей¹⁹. Уже в годы нацистского господства Юнгер поддерживал супругу Никиша, когда тот был арестован и посажен в тюрьму.

В 1930-х гг. началась длительная дружба Юнгера со Шмиттом. 14 октября 1930 г. Юнгер отправил Шмитту письмо с благодарностью за присланную книгу «Понятие политического». Казалось бы, это были два разных человека, которых разделял не только возраст (Шмитт был старше Юнгера на семь лет), но и образ деятельности: один — штатский ученый, другой — бывший военный офицер, прошедший фронт, и националистический публицист. Однако они оди-

наково обостренно чувствовали духовно-политический кризис Веймарской Германии, слабость и недееспособность политических институтов демократии и парламентаризма. Чувство нестабильности и незащищенности вызывало необходимость поиска выхода из кризиса. И для одного, и для другого этот выход не был связан с демократией. Действительно, «они кристаллизировали в себе консервативный “дух времени”»²⁰, требовавший диктаторско-авторитарного пути преодоления политической нестабильности. Отношения между Шмиттом и Юнгером были искренними и по-настоящему дружескими. После рождения у Юнгера второго сына Александра в 1934 г. Шмитт стал его крестным отцом, и их личная дружба переросла в дружбу семьями.

Третий этап жизни Юнгера связан с временем национал-социалистической диктатуры. Его отношения с нацизмом имели скачкообразный характер. Первое знакомство произошло весной 1923 г. во время посещения Юнгером в Мюнхене Э. Людендорфа и присутствия на политическом выступлении А Гитлера в цирке «Кроне». С сентября 1923 г. он печатал ряд статей в «Volkischer Beobachter». В мае 1926 г. Юнгер и Гитлер обменялись книгами. Юнгер подарил книгу «Огонь и кровь» с говорящей дарственной надписью: «Национальному вождю Адольфу Гитлеру — Эрнст Юнгер!», а Гитлер ему — первый том «Моей борьбы» с дарственной надписью²¹. Юнгер считал Гитлера вождем нового типа. «В фелькишеском движении..., из недр которого возникает фигура ефрейтора Гитлера, образ, который подобно Муссолини, несомненно, воплощает собой новый тип вождя, и под его знамена встают рабочие и офицеры плечом к плечу. Тогда у этого духа не было ни форм, ни средств; дух национализма, для которого не важна личность, а важна задача, соединился с фронтовыми солдатами»²².

10 мая 1927 г. Й. Геббельс отправил Юнгеру письмо с пожеланием познакомиться и восторженными отзывами о его военных произведениях. Однако тот отнесся к этому прохладно. Оказавшись в 1927 г. в Берлине, Юнгер получил предложение стать депутатом рейхстага от НСДАП, которое также отклонил. Нацисты всячески старались привлечь писателя в свои ряды. Летом 1929 г. он был даже приглашен в Нюрнберг в качестве почетного гостя на партийный съезд НСДАП, который должен был проходить с 1 по 4 августа. Но эта поездка так и не состоялась²³.

Окончательный разрыв произошел в сентябре 1929 г. и был вызван реакцией Гитлера на серию террористических актов голштейнского движения ландфолька, когда 1 сентября 1929 г. в здании рейхстага была взорвана бомба. Гитлер дистанцировался от поддержки и одобрения этих действий, что позволило Юнгеру заявить, что нацистское движение превратилось в буржуазное, которому важнее места в рейхстаге, чем решительные действия. «По меньшей мере, странно, когда коммунисты призывают стражей порядка. Парадокс состоит в том, что там оказалось меньше националистов, чем я ожидал. Господин Гитлер вообще заявил о вознаграждении за поимку террористов. Таким образом, лишний раз подтвердилось, что все они имеют одно основание. Словом, все вы бюргеры и как бы вы ни старались, как бы вы ни полировали старые, никому не нужные медали, вы все на одно лицо, и мне больше не хочется вам льстить»²⁴.

С установлением нацистской диктатуры Юнгер старался дистанцироваться от активной политической деятельности и почетных должностей. В 1933 г. Гитлер вновь предложил ему стать депутатом рейхстага от нацистской партии, которое он отклонил. Летом 1933 г. последовало избрание Юнгера в Немецкую академию поэзии, несмотря на протесты многих ее членов. Самое интересное состояло в том, что писатель отправил письмо в Академию с просьбой не избирать его и принять его отказ как жертву во имя будущего Германии. На самом деле, как справедливо отмечал П. Ноак, Юнгер не собирался политически сотрудничать с нацистским режимом и занял позицию внутренней эмиграции ²⁵.

Обыск гестапо в квартире Юнгера в конце 1933 г. заставил его уничтожить не только опасные книги и газеты, но и часть переписки с деятелями левых взглядов. В декабре 1933 г. он навсегда покинул Берлин, переехав в провинциальный Гослар. Здесь он работал над редактурой нового издания «В стальных грозах», и в 1937 г. издал в новом виде «Сердце искателя приключений. Фигуры и каприччо», которая дописывалась в новом доме в Юберлингене на Боденском озере. В 1939 г. он написал роман «На мраморных утесах», где использовал форму магического реализма, впервые опробованную в «Фигурах и каприччо».

Жизнь Юнгера изменила вторая мировая война. 25 апреля 1939 г. он получил по почте военный билет, что было признаком ожидаемой мобилизации. В августе 1939 г. его призвали в вермахт с присвоением звания гауптманна. Он служил на «линии Зигфрида» на Западном фронте на Верхнем Рейне под Гrefферном. Период «странной войны» не создавал никакой опасности до тех пор, пока нацистское правительство не приступило к реализации плана «Гельб». 23 мая 1940 г. Юнгер в качестве командира роты 73-го ганноверского пехотного полка действовал в составе группы армий «А» и 26 мая пересек «линию Мажино». Однако принять участие в боевых действиях против французов Юнгеру не пришлось. Стремительное наступление немцев сломило Францию в течение полутора месяцев. Свои переживания от проходившей кампании писатель изложил в книге «Сады и дороги» ²⁶. Это была единственная книга, опубликованная им за годы второй мировой войны. Именно она открывала цикл военных дневников под названием «Излучения».

После французской кампании Юнгер остался для прохождения службы в Париже, откуда 23 октября 1942 г. отправился в командировку на Восточный фронт, на южный участок. В феврале 1943 г. он вернулся и продолжил службу в штабе германских войск в Париже. Несмотря на то, что он не участвовал в боевых действиях, война настигла и его. Его сын Эрнстель, призванный на службу в морскую часть, был осужден военным трибуналом за антинацистскую деятельность и отправлен для прохождения «фронтового испытания» в Северную Италию, в Каррарские горы, где 29 ноября 1944 г. был убит при столкновении с дозорным отрядом ²⁷. Эта смерть потрясла Юнгера и заставила его пересмотреть многие свои взгляды.

Юнгер дистанцировался от участия в Движении 20 июля, хотя находился в доверительных отношениях с генералом пехоты Генрихом фон Штюльпнагелем и генерал-лейтенантом Гансом фон Шпейделем. После провала заговора и упразднения в августе 1944 г. штаба

военного командования в Париже, он покинул столицу Франции. В октябре последовала отставка Юнгера со службы.

После окончания войны начался четвертый этап жизни Юнгера, который характеризуется активной писательской деятельностью и путешествиями, впечатления от которых нашли отражение на страницах многотомного дневника «70 лет минуло». Среди знаковых художественных произведений этого периода следует выделить антиутопический роман «Гелиополь» и философскую притчу «Эвмесвиль». Писательские заслуги Юнгера перед немецкой литературой были отмечены в 1982 г. премией Гёте. Его роль как хранителя памяти Великой войны была оценена в 1984 г. на праздновании 70-летия начала первой мировой войны, когда на пути к Дуамонту стояли президент Франции Ф. Миттеран, федеральный канцлер Г. Коль и немецкий писатель Юнгер.

Жизненный путь Эрнста Юнгера завершился 17 февраля 1998 г. в Вильфлингене. Его жизнь была отражением драматического пути XX в. и размышлений о том, по каким дорогам следовало бы идти.

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 15-01-00399.

1. KIESEL H. Ernst Jünger. Die Biographie. München. 2009, S. 43.
2. Ibid., S. 111.
3. ЮНГЕР Э. В стальных грозах. СПб. 2000, с. 329.
4. NIETALA M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920—1933. Helsinki. 1975, S. 34.
5. ЮНГЕР Э. Ук. соч., с. 35.
6. Там же, с. 36—37.
7. Там же, с. 37.
8. Там же, с. 54, 56.
9. Там же, с. 90.
10. ZIEMANN B. Gewalt im ersten Weltkrieg. Töten-Überleben-Verweigern. Essen. 2013, S. 28.
11. JÜNGER E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin. 1922, S. 33.
12. ЮНГЕР Э. Ук. соч., с. 64.
13. JÜNGER E. Vorwort. In: JÜNGER F.G. Aufmarsch der Nationalismus. Berlin. 192, S. XIII.
14. EJUSD. Schliesst euch zusammen! Schlusswort. In: JÜNGER E. Politische Publizistik 1919 bis 1933. Stuttgart. 2001, S. 224.
15. EJUSD. Der neue Nationalismus. Ibid., S. 285.
16. ЮНГЕР Э. Рабочий. Господство и гештальт. В кн.: ЮНГЕР Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб. 2000, с. 72—74.
17. Там же, с. 103.
18. ЮНГЕР Э. Тотальная мобилизация. В кн.: ЮНГЕР Э. Рабочий. Господство и гештальт ..., с. 447—449.
19. DUPEUX L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919—1933. München. 1985, S. 71.
20. NOACK P. Carl Schmitt: Eine Biographie. Berlin. 1993, S. 107.
21. NIETALA M. Op. cit., S. 123.
22. JÜNGER E. Abgrenzung und Verbindung. In: JÜNGER E. Politische Publizistik ..., S. 77.
23. KIESEL H. Op. cit., S. 339—341.
24. JÜNGER E. «Nationalismus» und Nationalismus. In: JÜNGER E. Politische Publizistik ..., S. 509.
25. NOACK P. Ernst Jünger: eine Biographie. Berlin, 1998, S. 121—123.
26. KIESEL H. Op. cit., S. 492.
27. ЮНГЕР Э. Излучения. Февраль 1941 — апрель 1945 гг. СПб. 2002, с. 690.

К вопросу о периодизации политики аграрного переселения второй половины 1940-х—1980-х гг.

С.А. Пискунов

Исторически сложилось так, что в наращивании демографического потенциала многоземельных районов России существенную роль играло государство. Степень участия зависела от многих факторов, в конечном счете обуславливавших отношение власти к этому процессу. Так, централизованное переселение, целенаправленно проводившееся со второй половины XIX в., активизировалось П.А. Столыпиным в начале XX века. Однако первая мировая война и последовавшие за ее началом потрясения закономерно свернули государственные программы освоения восточных окраин. Возобновившаяся с 1925 г. политика организованного заселения многоземельных районов СССР была прервана в 1941 году.

Значительным оказалось влияние Великой Отечественной войны на миграционные процессы, выраженные в эвакуации и реэвакуации населения страны, депортациях, репатриации и реэмиграции. Существенные коррективы были внесены и в переселенческую политику, главная задача которой первоначально фокусировалась на форсированном заселении присоединенных территорий. Плановое привлечение жителей страны в хозяйства районов миграционного притяжения происходило уже в иных демографических условиях, вызванных колоссальными людскими потерями, исчисляемыми, по некоторым оценкам, 27 млн человек¹, урбанизацией и демографическим переходом. Эти многообразные и чрезвычайно сложные процессы вызывают неослабевающий научный интерес исследователей, работы которых носят преимущественно региональный характер и ограничены первыми послевоенными десятилетиями². Целью настоящей работы является определение основных этапов советского государственного опыта аграрного переселения во второй половине 1940-х—1980-х годах.

Изучавшая отдельные аспекты централизованной сельскохозяйственной миграции в 1946—1958 гг. О.М. Вербицкая выделила два этапа: 1946—1953 гг. и 1954—1958 года. Обосновывая подобное деление, автор справедливо отмечает: «...Различия между ними во многом определялись конкретной социально-экономической обстановкой в стране, задачами, которые ставили Коммунистическая партия и Советское государство перед народным хозяйством, в том

Пискунов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, докторант Московского педагогического государственного университета.

числе перед аграрным сектором»³. Чрезвычайно важен вывод о том, что переселение являлось своего рода «инструментом» в решении властью актуальных для страны задач, обусловленных исторической действительностью.

В основу предложенной в настоящей работе периодизации планового аграрного переселения положены политическая и демографическая «переменные». Этот «тандем» во многом обуславливал специфику организованных перемещений людей при отсутствии паритета между входящими в него элементами, по крайней мере, постоянно сохранявшегося. На основании этого подхода можно выделить 4 этапа: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг.; середина 1950-х — середина 1960-х гг., середина 1960-х — середина 1980-х гг. и вторая половина 1980-х годов.

На первом этапе доминантная роль государства обуславливалась решением важных геополитических задач за счет добровольного сельскохозяйственного переселения. После депортации балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, немцев, татар и чеченцев возникла необходимость в кратчайшие сроки освоить районы их бывшего компактного проживания. Согласно принятым постановлениям СНК СССР и ГКО в марте и августе 1944 г. соответственно, предполагалось привлечь 8 тыс. семей в Грозненский округ (впоследствии Грозненскую область), 16,8 тыс. семей в Саратовскую область, 17 тыс. семей в Крым, в районы, отошедшие Дагестану, — 5 тыс. семей и Северной Осетии — 3 тыс. семей⁴. Установленные государством задания были выполнены, за исключением Саратовской области. В следующем, 1945 г., новоселов приняли хозяйства районов Карельского перешейка Ленинградской области, включенных в состав СССР в 1940 г., Крыма и Грозненской области. Окончание Великой Отечественной войны потребовало форсированного наращивания демографического потенциала на присоединенных территориях — будущих Калининградской и южной части Сахалинской областей. И только с 1947—1950 гг. возобновилась плановая миграция в районы Дальнего Востока и Сибири, традиционно считавшиеся многоземельными.

Переселение сыграло важную роль на этом этапе, поскольку во многом за его счет была увеличена численность советских граждан на территориях, вошедших в состав СССР по итогам второй мировой войны. Реализация утвержденных государством планов привлечения туда населения обеспечивалась в небольшой степени за счет демобилизовавшихся военнослужащих и их семей. Тем самым государство решало, во-первых, задачу сокращения многочисленной армии, предоставляя работу увольняемым в запас, во-вторых, обеспечивало жилищно-бытовое устройство прибывших семей за счет построек, сохранившихся после депортации населения, прежде проживавшего на этих территориях, и, в-третьих, в приграничные территории привлекались, по меркам того времени, «благонадежные» граждане. Все это, безусловно, является спецификой этого этапа, обусловленной конкретно-исторической действительностью.

В то же время, анализ архивных документов позволят выявить преемственность государственного подхода к источникам формирования миграционных потоков, главным содержанием которого являлось привлечение в многоземельные области жителей сельской местности густонаселенных регионов.

Так, в приказе от 24 апреля 1947 г. Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР отмечалась необходимость при выполнении «...планового задания по переселению колхозников... строго руководствоваться данными трудового баланса в колхозах, планируя переселение в первую очередь из районов, имеющих малоземельные колхозы, в которых уже исчерпаны резервы земли для наделения колхозников приусадебными участками по установленным нормам...»⁵. То есть, как и прежде, на переселение должны были вербоваться колхозные семьи. В то же время, обосновывая причины слабой адапта-

ции новоселов, руководители переселенческих отделов считали, что одной из них было отсутствие опыта работы в аграрном секторе членов семей⁶. Например, из 38,7 тыс. чел. трудоспособного возраста, в 1947 г. направленных в области приема РСФСР из других регионов, лишь у 3,2 тыс. (8,2%) из них указана специальность либо опыт работы, которые могли быть востребованы в хозяйствах. Из них: председателей и членов правлений колхозов — 0,15 тыс. (0,4%), трактористов, комбайнеров, мотористов — 0,5 тыс. (1,3%), а самую «многочисленную» группу составили плотники и столяры — 0,9 тыс. (2,3%) к общему числу трудоспособных⁷.

К сожалению, статистика не зафиксировала данных о социальной принадлежности представителей вышеуказанных профессий. В то же время, учитывая донесения отделов вселения и приведенные данные, напрашивается вывод о трудностях набора семей, проживавших в селе. В этом, очевидно, проявились последствия не только кровопролитной войны, но и урбанизации и демографического перекоса.

Пересмотр подхода к формированию миграционных потоков под влиянием произошедших демографических изменений был вопросом времени. Его начало следует связать с инициативой Н.С. Хрущёва по освоению целинных и залежных земель. Именно при нем де-юре обозначился переход к расширению социальной основы переселения. Основанием для подобных выводов служит принятие двух постановлений в 1954 году.

Первое, датированное 15 мая 1954 г. (№ 918), предусматривало «... содействие и помощь в переселении рабочим и служащим, а также колхозникам малоземельных районов, изъявившим желание переселиться со своими семьями в колхозы районов освоения целинных и залежных земель...». Эта категория плановых мигрантов получила право воспользоваться льготами, предусмотренными постановлением Совета Министров СССР от 19 февраля 1953 г. (№ 517)⁸. Тем самым, была «узаконена» возможность в хозяйствах переселения семей, трудоспособные члены которых не имели опыта работы на селе.

Второе, от 8 сентября 1954 г. (№ 1894), по существу окончательно закрепило возможность направления в деревни многоземельных районов горожан. Отмечалось, что «...на семьи рабочих и служащих, переселяющиеся в 1954—1955 годах (начиная с 1 января 1954 г.) из городов, рабочих поселков и районных центров в пределах области... на работу и постоянное жительство в многоземельные колхозы, нуждающиеся в пополнении рабочей силы...», распространялись льготы, предусмотренные февральским постановлением 1953 года⁹.

Итогом принятых решений стало резкое увеличение доли внутриобластного переселения в решении кадровой проблемы села: если в 1946—1953 гг. его часть составляла 19,68%, то в 1954—1959 гг. — 55,28%¹⁰.

Таким образом, для этого этапа характерно усиление влияния второй «перемённой» — демографического фактора, результатом действия которого стал переход к расширению социальной базы переселенческого движения.

Внешним выражением такого перехода стало образование Государственного комитета Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов. В действительности же была создана качественно новая система, осуществлявшая, наряду с традиционным переселением и организованным набором рабочих, функции трудоустройства населения, переподготовки рабочих, принимавшая участие в разработке планов «...размещения нового промышленного строительства с учетом наиболее полной и рациональной занятости трудоспособного населения в общественном хозяйстве...» и других. Для проведения необходимых исследований при Государственном комитете Совета Министров РСФСР была создана Центральная научно-исследовательская лаборатория трудовых ресурсов (ЦНИЛТР)¹¹. С этого времени в отчеты местных органов по использо-

ванию трудовых ресурсов стали включаться сведения о динамике численности населения, трудоустройстве безработных граждан и выпускников школ, о выполнении плана переселения и организованного набора рабочих, а также указывалась потребность в рабочей силе отдельных отраслей экономики.

Поступавшие данные о сокращении сельских жителей вызывали тревогу специалистов ведомства. В 1967 г. на республиканском совещании работников органов по использованию трудовых ресурсов заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Л.П. Лыкова заявляла об «истощении источников рабочей силы», «...особенно, — говорила она, — речь идет о Центральной России. Там в колхозах рабочей силы нет, мы там живем за счет центрально-черноземных областей, Чувашии и Татарстана..., и в большинстве областей дефицит в кадрах сельского хозяйства...»¹². А в сводках, поступавших из регионов, применительно к селу все чаще стали употребляться словосочетания «...механический отток превысил естественный прирост» (Владимирская область, 1968 г.); «...отрицательный естественный прирост» (Калининская область, 1972 г.); «.. за счет естественной убыли численность сельского населения уменьшилась...» (Орловская область, 1973 г.) и т.д.¹³ Стало очевидным, что области Нечерноземья, сравнительно недавно отдававшие жителей деревни другим регионам, нуждались в централизованном пополнении хозяйств рабочей силой. Частично потребность покрывалась за счет внутриобластного переселения. Эта практика со временем стала осуществляться почти во всех субъектах республики.

Особое положение, как и прежде, занимали Приморский и Хабаровский края, Амурская и Читинская области. Их хозяйства ежегодно пополнялись новоселами, как за счет областей РСФСР, так и союзных республик.

Подводя краткие итоги реализации переселенческой политики на третьем этапе, отметим, что она осуществлялась в обстановке практически повсеместного сокращения жителей деревни.

Начало четвертого этапа следует связать с приходом к политическому руководству М.С. Горбачёва, с именем которого связаны резкие социально-экономические изменения в стране, напрямую отразившиеся на плановом аграрном переселении. В совместном постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 декабря 1987 г. предписывалось «...образовать в 1988 году в союзных и автономных республиках, в краях, областях и крупных городах хозрасчетные центры по трудоустройству, переобучению и профориентации населения, а в других районах и городах — хозрасчетные бюро по трудоустройству населения». Одной из задач таких организаций должно было стать «...осуществление организованного перераспределения рабочей силы преимущественно из трудообеспеченных в трудонедостаточные районы...»¹⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что осуществление плановых миграций было передано этим хозрасчетным организациям. Если прежняя практика проведения организованного набора подразумевала выплаты предприятиями за переданных рабочих, исходя из действовавших тарифов, то в отношении сельскохозяйственного переселения такого опыта не было. Тем самым был создан прецедент.

В декабре 1988 г. были утверждены тарифы на оказываемые центрами (бюро) услуги. Так, за 1 семью, прибывшую по внутриобластному переселению, хозяйства должны были заплатить 150 руб., тогда как по межобластному — 250¹⁵.

Более того, во «Временной инструкции о порядке проведения переселения семей и общественного призыва молодежи в сельскую местность» (1989 г.) был закреплен договорный принцип его осуществления: устанавливались права и обязанности субъектов правовых отношений — переселенческой семьи и принимавшего ее хозяйства¹⁶. Эти изменения вызвали в целом положительный отзыв Председателя Государственного комитета РСФСР по труду и социальным

вопросам А.П. Блохина. Он, в частности, отмечал: «... устанавливаемое плановое задание по переселению семей было обязательным как для районов отбора, так и их приема. Руководители хозяйств... не брали на себя никаких обязательств по отношению к переселенцам и были уверены, что их привезут при любых обстоятельствах, причем бесплатно для хозяйств». И далее: «Договор подписывается руководителем хозяйства и на него возлагается ответственность...»¹⁷.

С этого времени государственная монополия на централизованное переселение начала разрушаться, поскольку власть переключивала часть обязательств по приему и устройству новоселов на принимавшие их хозяйства. Организованные центры (бюро) осуществляли на коммерческой основе поиск семей, желавших трудиться в сельском хозяйстве. Решение таким способом кадрового дефицита в колхозах и совхозах рано или поздно должно было привести к отказу от межобластного переселения, с финансовой точки зрения являвшегося, согласно тарифам, более дорогим мероприятием. Кроме того, сама идея перемещения жителей одного региона все еще единой страны в другой вызывала большое сомнение, особенно в ситуации, когда руководство России, отмежевавшись от предшествующего советского опыта развития, было занято поиском иных путей и перспектив, решением гораздо более острых проблем фактически во всех сферах жизни. Поэтому переселение, даже в своем «обновленном» варианте, объективно оказалось в арьергарде государственных приоритетов, прекратив существование с 1993—1994 годов.

Таким образом, в централизованной переселенческой политике середины 1940-х — 1980-х гг. прослеживается 4 этапа, в основу определения которых было положено два фактора: политический, «формулирующий» концепт, и демографический, объективный, определявший степень реализации этого концепта. Так, на первом этапе, середина 1940-х — середина 1950-х, сохранялась, по опыту довоенного времени, установка на вовлечение в переселение преимущественно колхозного населения. Это указывало на слабый учет военных потерь и тенденции сокращения сельского населения. Изменение подобного рода позиции было вопросом времени. С середины 1950-х гг. обозначился переход к формированию переселенческой политики в принципиально новых демографических условиях, завершившийся в целом к середине 1960-х годов. С этого времени государство сосредоточило усилия на решении кадровой проблемы аграрного сектора, одной из форм которого стало переселение. Наконец, социально-экономические преобразования, связанные с деятельностью Горбачёва, обусловили начало четвертого этапа переселенческой политики, приведшего, в конечном счете, к отказу государства от ее проведения.

Примечания

1. РЫБАКОВСКИЙ Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М. 2010, с. 64; Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940—1959 гг. М. 2001, с. 131—132.
2. БОЛЬШАКОВА Г.И. Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940—1960 гг. Дисс. доктора ист. наук. СПб. 2010; ЗАНДАНОВА Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию: (Конец 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Иркутск. 1997; КРУШАНОВА Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х—1970-е гг.). Владивосток. 2014; КОСТЯШОВ Ю.В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны. Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты: материалы всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук: 1994. М. 1996, с. 82—88; ОСМАНОВ А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-е — 70-е гг. XX

века). Махачкала. 2000; СМИРНОВА Е.П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Петрозаводск. 2006.

3. ВЕРБИЦКАЯ О.М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946—1958 гг. — Вопросы истории. 1986, № 12, с. 14.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5446, оп. 1, д. 225, л. 207; оп. 106сч, д. 104, л. 287.
5. Там же, ф. А-327, оп. 1, д. 17, л. 36.
6. Там же, оп. 2, д. 629, л. 19, 31.
7. Подсчитано по: там же, оп. 1, д. 19, л. 150.
8. Там же, ф. Р-5446, оп. 1, д. 622, л. 223—224.
9. Там же, д. 629, л. 304—306.
10. Подсчитано по: Государственный архив Амурской области (ГА АО), ф. Р-22, оп. 3, д. 4, л. 15; ГА РФ, ф. А-327, оп. 1, д. 10, л. 11, 35, 51; д. 19, л. 60—61, 144, 180; д. 31, л. 3, 8; д. 32, л. 3, 98, 111, 204; д. 72, л. 5—6, 59—69; д. 88, л. 7—8, 27, 71; д. 99, л. 9—10, 96; д. 165, л. 127, 163; д. 166, л. 66; д. 170, л. 18—19; оп. 2, д. 473, л. 53—55; д. 629, л. 2, 24—25; ф. А-518, оп. 1, д. 24, л. 41, 47, 50, 56; д. 65, л. 84, 86; д. 100, л. 113—114; д. 133, л. 137—138.
11. Постановление Совета Министров РСФСР от 27 мая 1967 г. № 369. Собрание постановлений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1967, № 10, ст. 58; ГА РФ, ф. 10 005, оп. 1, д. 101, л. 71.
12. ГА РФ, ф. 10 005, оп. 1, д. 9, л. 245.
13. Там же, д. 74, л. 114; д. 273, л. 205; д. 331, л. 225.
14. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 22 декабря 1987 г. (№ 1457).
15. Постановление Совета Министров РСФСР от 18 ноября 1988 г. (№ 473). Постановления Совета Министров РСФСР за ноябрь 1988 г. Для служебного пользования, с. 46—47; ГА РФ, ф. 10 005, оп. 1, д. 1 345, л. 161, 166.
16. ГА РФ, ф. Р-9553, оп. 1, д. 5171, л. 125.
17. Там же, ф. 10 005, оп. 1, д. 1393, л. 219—220.

Основные этапы создания Союза писателей РФ в 1957—1958 гг.

Е.Ю. Колобов

О необходимости создания Союза писателей РСФСР говорили и писали многие литераторы из разных регионов России. Особенно часто эта проблема стала обсуждаться после исторического XX съезда КПСС и предпринятых Н.С. Хрущёвым шагов по признанию большей самостоятельности союзных республик. Решение начать консультации по вопросу о создании новой писательской организации шло в развитие данной партийной линии. И эта идея нашла поддержку у Никиты Хрущёва.

В работе предпринимается попытка изучить причины и движущие силы, способствовавшие созданию Союза писателей Российской Федерации. Делается анализ литературно-политической ситуации после XX съезда КПСС. Ставится задача проследить процесс формирования новой творческой организации и участие в нем писателей автономных республик и областей РСФСР. Внимание исследователя сосредоточено на выявлении роли партийных и государственных органов при формировании Оргкомитета и в ходе его работы вплоть до созыва 1-го Учредительного съезда писателей.

Побудительных мотивов создания нового союза писателей было несколько. Один из них — плохая управляемость общесоюзной писательской организации, другой — необходимость формирования противовеса либеральным тенденциям, проявившимся в московской и ленинградской писательских организациях. Именно эта причина указывается в документах совещания писателей в ЦК, проходившего в мае 1957 года. Еще одним важным обстоятельством было сложное положение в периферийной литературе, особенно в национальных республиках Российской Федерации. Это касалось творческих проблем писателей: издания журналов и книг, работы с молодыми авторами и переводов с национальных языков. Сложным было и материальное положение региональных литераторов, остро стояла жилищная проблема.

Впервые тема создания Союза писателей РСФСР была поднята в записке заместителя министра культуры РСФСР И. Кондакова, направленной им в ЦК КПСС 8 мая 1956 года¹. Замминистра предложил сформировать в Российской Федерации Союз писателей, Союз художников и Союз композиторов, так как

Колобов Евгений Юрьевич — соискатель Исторического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

«отсутствие самостоятельных творческих союзов в РСФСР и имеющаяся централизация руководства этими Союдами в настоящее время отрицательно сказывается на деятельности писателей, композиторов и художников». Далее он привел аргументы в пользу создания Союза писателей России: отделения Союза не получают необходимой помощи и поддержки от Союза писателей СССР, недостаточное внимание уделяется молодым литераторам, слабо развивается национальная драматургия.

Позже данный вопрос поднимался на совещании по вопросам литературы в ЦК в начале декабря 1956 г., проходившем с участием секретарей ЦК и региональных партийных лидеров. На совещании выявились две противоположные точки зрения. Писатель Б. Полевой выступил против создания союза писателей, аргументировав свою позицию тем, что будет создана еще одна бюрократическая структура, которая не улучшит их положения². Г. Марков, напротив, говорил об особой роли русской литературы и о том, что Союз писателей СССР уделяет недостаточно внимания «братским литературам». Он порекомендовал внимательнее относиться к региональным литературным журналам и высказал убеждение, что создание Союза писателей РСФСР «положительно оценит значительная часть писателей, работающих в нашем Советском Союзе»³.

Инициатива формирования новой писательской организации исходила не только из центра, но и от местных отделений Союза писателей. В фондах Российского государственного архива новейшей истории нами найдена Записка Н.Д. Казьмина секретарю ЦК КПСС Д.Т. Шепилову от 15 апреля 1957 г. «О руководстве творческими организациями Российской Федерации». В ней говорится о стремлении ряда областных писательских организаций сформировать объединение писателей РСФСР. Эту идею продвигали в ЦК по их просьбе Новосибирский, Ростовский и Воронежский обкомы партии⁴.

Ситуация с созданием нового писательского союза кардинально изменилась вскоре после встречи Хрущёва с художественной интеллигенцией и совещания с писателями в середине мая 1957 года. В ходе совещания Хрущёв высказал мысль о необходимости создания Союза писателей РСФСР и добавил: «Российская Федерация была в невыгодном положении. Россия лица не имела»⁵. Вероятно, это и дало толчок к более энергичным действиям аппарата ЦК по выработке положительного решения о начале консультаций по созданию Союза писателей РСФСР. Особенно показательной в этом смысле стала встреча партийно-государственного руководства во главе с Хрущёвым с художественной интеллигенцией в подмосковной правительственной резиденции 19 мая 1957 года. В ходе встречи проявилось его негативное отношение к либеральным тенденциям в советской литературе, и он даже высказал свое благорасположение к «лакировщику» Н. Грибачёву⁶. На заседании Бюро ЦК КПСС по РСФСР 22 мая было принято решение о начале работы по формированию будущей писательской организации. В нем давалось поручение отделу науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР вместе с Союзом писателей СССР проработать в короткий срок данный вопрос и внести в Бюро свои предложения⁷.

На III пленуме Правления Союза писателей СССР в мае 1957 г. данная проблема обсуждалась и было утверждено поручение Секретариату и Президиуму подготовить материалы и затем внести их на рассмотрение следующего пленума. Однако в документах Секретариата и Президиума, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства, между 18 мая и 29 августа, когда было принято окончательное решение о создании Организационного комитета Союза писателей РСФСР, не обнаружено никаких документов, относящихся к вопросу о судьбе новой организации. Очевидно, вопрос

решался в других инстанциях, относящихся к директивным органам. Проходили личные консультации функционеров ЦК с ведущими писателями, в частности, с А.Т. Твардовским, который ратовал за создание союза. В конце июля состоялась встреча Твардовского с Хрущёвым при участии заведующего отделом культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарпова, где обсуждался вопрос о необходимости создания Союза писателей РСФСР. Твардовский полагал, что следовало бы реформировать правление и секретариат ССП СССР. Хрущёв, в ходе второй встречи с автором «Василия Теркина», прошедшей 2 августа, в основном поддержал высказанные поэтом предложения о структуре будущего российского союза ⁸.

После кулуарных встреч Бюро ЦК КПСС по РСФСР на заседании 17 августа 1957 г. приняло постановление «Об Оргкомитете Союза писателей РСФСР». В нем был представлен поименный список его членов, в который вошли такие известные писатели, как Твардовский, М.А. Шолохов, В.П. Катаев, С.Я. Маршак, Л.М. Леонов, В.С. Гроссман, В.Ф. Панова, Ф.И. Панферов, М.В. Исаковский и другие. Председателем Оргкомитета стал писатель Л.С. Соболев, а его первым заместителем — Георгий Марков. Леонид Соболев еще до войны стал членом Президиума Правления Союза писателей СССР, а до назначения на должность председателя возглавлял правление издательства «Советский писатель». Выходец из Сибири, Марков с 1956 г. являлся секретарем Союза писателей СССР. Всего в список было включено 56 фамилий литераторов. В оригинале документа постановления была внесена лишь одна правка: зачеркнута фамилия поэта Е.А. Долматовского и вписана фамилия С.П. Бабаевского ⁹. Причина замены была связана, по всей видимости, с определенным недоверием директивных органов к Евгению Долматовскому после истории с обсуждением романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» в Москве 22 октября 1956 года. Вскоре он был снят с должности заместителя председателя правления московской писательской организации ¹⁰. Это стало своеобразным ответом консервативных сил в ЦК и Союзе писателей либеральным настроениям, существовавшим среди части российских писателей. Автор «Кавалера Золотой Звезды» активно критиковался литераторами на Втором съезде писателей СССР за самолюбование и рекламу собственных произведений. Об этом говорила в своем выступлении М.И. Алигер. В постановлении давалось поручение Союзу писателей СССР и Оргкомитету Союза писателей РСФСР решить вопросы по штатам и печатному органу будущего союза. Не дожидаясь созыва очередного пленума Правления, его Президиум на заседании 29 августа принял решение о создании Организационного комитета Союза писателей РСФСР ¹¹.

В обсуждении вопроса об организации Союза приняли участие члены Президиума Правления Союза писателей СССР и приглашенные писатели. Их интересовали разные, в том числе и частные проблемы. Б.А. Лавренёв спрашивал о роли и месте московской писательской организации после создания Союза писателей РСФСР. Он также высказал мнение о нецелесообразности такого большого по численности Оргкомитета, мотивировав это тем, что подобная практика может привести к его плохой работоспособности ¹². Идею формирования российского писательского союза в ходе прений поддержал писатель из Армении Н. Зарьян. Это, по его мнению, позволило бы Союзу писателей СССР и его Секретариату уделять больше внимания деятельности писателей в союзных республиках. На заседании выступили и российские провинциальные литераторы, которые горячо поддержали создание нового союза.

Состав Организационного комитета Союза писателей РСФСР, утвержденный постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР, а затем на заседании Президиума Правления ССП СССР 29 августа 1957 г. выглядел следующим образом. Из общего числа избранных в него писателей 27 были москвичами (включая

председателя Оргкомитета Соболева и его 1-го заместителя Маркова). Ленинград представляли всего четыре литератора, на долю автономных республик приходилось четырнадцать мест. Края и области РСФСР получили 11 мандатов¹³. Руководство Оргкомитета, выполняя рекомендации, данные ЦК КПСС, пригласило в него ряд известных в то время провинциальных литераторов: красноярца С.В. Сартакова, смоленского поэта Н.И. Рыленкова, А.Н. Тимонена из Петрозаводска, чебоксарского писателя А.Ф. Талвира и других. Здесь мы упомянули лишь наиболее активных членов Организационного комитета, внесших ряд важных конкретных предложений по устройству будущего союза. Большинство представленных там писателей являлись членами Правления Союза писателей СССР или руководителями региональных отделений союза. Лишь несколько литераторов, не входивших в руководство Союза, получили право войти в его состав. Одним из них стал Семён Бабаевский. Членами Комитета стали также Василий Гроссман и Вера Панова. Средний возраст членов Комитета составлял от 40 до 55 лет. Молодые литературные силы были представлены четырьмя писателями. Речь идет о Р. Гамзатове, Д. Гранине, М. Кариме и самом молодом литераторе М. Агашиной.

В конце августа 1957 г. все газеты и журналы СССР, в том числе «толстые» литературные, опубликовали статью Хрущёва «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», ставшую программным документом для всего отряда художественной интеллигенции. Она подвела итог дискуссии высшего политического руководства страны с писателями и деятелями искусства весной и летом 1957 года. В статье были определены приоритетные задачи, которые предстояло реализовать в самое ближайшее время на практике. Одной из них стало «укрепление связи с повседневной жизнью народа». В статье Никита Хрущёв определил свою негативную позицию в отношении имевших место «идеологических шатаний» некоторых литераторов. Под «идеологическими шатаниями» Хрущёв имел в виду отход писателей от принципов партийности литературы и изображение лишь темных сторон советской жизни. Когда писалась эта статья, уже был подвергнут критике роман Дудинцева «Не хлебом единым», некоторые публикации молодых литераторов: Е. Евтушенко, Э. Шима. Появление статьи говорило о довольно сильном влиянии на Хрущёва консервативных сил, как среди художественной интеллигенции, так и в самом партийно-государственном аппарате.

Одним из этапных событий в выстраивании структуры будущего Союза писателей РСФСР стало постановление Секретариата Правления Союза писателей СССР, принятое в ноябре 1957 г., о журналах «Москва», «Октябрь», «Нева» и альманахе «Наш современник», которые стали органами Оргкомитета¹⁴. Осень была ознаменована еще несколькими событиями в литературной жизни: в сентябре было создано издательство «Советская Россия» и журнал «Русская литература». Провинциальные писатели Урала получили возможность издавать одноименный литературный журнал. Редакция журнала «Подъем» смогла возобновить в октябре 1956 г. свою деятельность, объединив, как и прежде, литераторов Черноземья¹⁵. В период лета-осени 1957 г. шла интенсивная переписка между Союзом писателей СССР, областными комитетами партии разных регионов России и ЦК КПСС по вопросу расширения выпуска местных литературных журналов. Во многих случаях эти просьбы или отклонялись вовсе, или решение по конкретному вопросу откладывалось на более поздний срок. Так было с намечавшимся изданием журнала «Волга». Об этом в ЦК с ходатайством обращался Саратовский обком партии. Решение вопроса было перенесено на вторую половину 1957 года. Среди аргументов, которые приводились против издания нового литературного журнала, были названы неготовность писателей Поволжья и отсутствие фондов бумаги в регионе. Подобная ситуа-

ция происходила и с изданием журнала «Дальний Восток». Эти просьбы не были поддержаны Георгием Марковым в Союзе писателей СССР и представителями Министерства культуры РСФСР, одним из которых был заместитель министра культуры РСФСР Пашков.

Вскоре после заседания Президиума, на котором было принято решение о создании СП РСФСР, в Москве 25 сентября состоялся 1-й пленум Организационного комитета. По тем или иным причинам отсутствовали многие влиятельные московские и ленинградские писатели: Твардовский, Федин, Шолохов, Маршак, Панова, Сурков, А.А. Прокофьев¹⁶, что, в каком-то смысле, снижало представительный уровень всероссийского писательского форума. На нем было избрано Бюро Оргкомитета и Правление Литературного фонда РСФСР из областных писателей и московских литераторов, причем, соотношение было не в пользу писателей из регионов. Из пятнадцати членов рабочего бюро в него вошли лишь красноярский писатель С.В. Сартаков, литератор из Татарстана Г.Б. Баширов и смоленский поэт Н.И. Рыленков¹⁷. При этом надо иметь в виду, что Сергей Сартаков по своей новой должности заместителя председателя Комитета и месту постоянного проживания становился московским литератором.

Докладчиком на пленуме выступил Соболев. В своем выступлении он отметил, что создание Союза писателей Российской Федерации является не только делом литературным, но, прежде всего, государственным, стоящим в ряду реформ по приданию большей самостоятельности и «повышению роли Российской Федерации», осуществляемым вместе с формированием Союза художников и Союза композиторов РСФСР.

Важным стимулом для роста писательских сил на местах должно было стать их приближение к реальной жизни, к производству, — указывалось в тексте доклада. Это касалось и молодых литераторов. Имелось в виду направление их в народное хозяйство, в том числе в газеты и журналы, для большего приобщения к теме труда. Данная проблема относилась не только к представителям художественной интеллигенции, а была характерным вектором развития страны в целом. Этому служил и принятый в конце 1958 г. Закон СССР «Об укреплении школы с жизнью и развитии системы народного образования». Одним из разделов доклада председателя Оргкомитета явился анализ дальнейших шагов по созданию и воспитанию молодых кадров российских литераторов. Соболев отметил, что, по его мнению, это одна из самых сложных проблем в настоящее время, и оптимальный рецепт ее решения еще не найден. Было признано, что поиск литературных талантов не дал ожидаемых результатов. В качестве примера, Соболев отметил итоги литературного конкурса Всемирного фестиваля молодежи и студентов, прошедшего летом 1957 г. в Москве. Большая часть рукописей на конкурс была прислана профессиональными литераторами, членами Союза писателей СССР.

Довольно кратко председатель Оргкомитета коснулся вопроса о поддержке национальных литератур РСФСР, хотя он требовал более тщательного анализа на пленуме. Прежде всего, это касалось развития литературы «малых народов», таких как калмыцкая, чечено-ингушская, карачаево-черкесская и других. Именно в этих трех автономных республиках формировались писательские организации, были созданы оргкомитеты по объединению писателей. Все это требовало помощи со стороны Оргкомитета СП РСФСР.

Вопросы, касавшиеся материального и бытового положения писателей, были отложены. Финансирование проектов шло из средств Литературного фонда СССР. Его деятельность вызывала справедливые нарекания не только со стороны провинциальных писателей, но и московских литераторов. Весьма показательной являлась статья Ильи Кремлева и Бориса Лавренёва «К вопросу

о Союзе писателей Российской Федерации». Она была прислана авторами в редакцию «Литературной газеты» в 1957 году. В ней писатели довольно подробно останавливались на работе Литературного фонда СССР. Большая часть средств фонда уходила на нужды московских писателей, и денег на поддержку литераторов в регионах практически не оставалось. Статья, носившая острый полемический характер, так и не была напечатана¹⁸.

На сентябрьском пленуме Леонид Соболев сформулировал принципы работы Оргкомитета, которые должны были стать основополагающими в его будущей деятельности: забота о молодых писателях, выезды представителей Организационного комитета на места в регионы и метод терпеливого разъяснения ошибок. По-видимому, имелась в виду высказанная Соболевым ранее в докладе мысль о необходимости исправления ошибок, в особенности молодых писателей, в свете непрекращающейся борьбы двух идеологий, поскольку «враги... пытаются использовать идеологический фронт для ослабления социализма»¹⁹.

Выступивший представитель марийской писательской организации С.А. Вишневецкий крайне негативно оценил предшествующую деятельность комиссии по развитию национальной литературы Союза писателей СССР и выразил надежду, что с созданием Союза писателей Российской Федерации можно будет изменить существующее положение к лучшему. О национальной литературе говорили писатели А.А. Первенцев и И.Д. Воронин. Они отмечали отсутствие должного внимания центра, московских писателей к ней. Воронин привел примечательный факт: за 30 лет существования мордовской писательской организации руководители СП СССР не посещали ее ни разу²⁰.

Практически с самого начала работы Оргкомитет Союза писателей РСФСР старался уделять внимание писательским организациям из национальных автономных республик России. В ходе своих заседаний осени-зимы 1957 г. Бюро Оргкомитета утвердило и провело вечера адыгейской и карачаево-черкесской литературы, начало активную подготовку к декадам дагестанской и осетинской литературы и искусства в Москве. Однако этого было недостаточно. Для более глубокого понимания процессов, происходивших в ходе формирования новой писательской организации, нужно было подробно изучить деятельность областных союзов России. Так, литераторы Татарстана — одной из крупнейших региональных литературных организаций РСФСР — проявляли большую самостоятельность и даже высказывались критически по вопросу создания Союза писателей России. Они полагали, что это «нанесет урон развитию культуры в автономных республиках». Подобные высказывания шли в развитие идеи, высказываемой татарской интеллигенцией об уравнивании в правах союзных и автономных республик. Шла борьба за признание Татарии союзной республикой. Этому способствовал, как считает автор исследования Р. Хаплехамитов, «рост либеральных преобразований в стране...». Местное партийное руководство Татарской АССР во многом продолжало руководить литературой и искусством старыми методами: путем партийных проработок и окрика. Известные либерально настроенные писатели Татарии А. Еники, И. Нуруллин, Ш. Маннур и другие выступали против подобного диктата. Маннур даже обратился с письмом на имя Хрущёва, в котором осудил подобные методы работы²¹.

Несколько слов стоит сказать о писательской организации Краснодарского края, куда входили писатели Адыгеи и Черкессии. Существовала определенная проблема в их взаимодействии с Краснодарской краевой организацией и издательством. Говоря о руководстве Ставропольского отделения Союза писателей, надо отметить, что оно в своей работе зачастую прибегало к показухе: начинающим авторам нередко «помогали» дописывать произведения²².

Частично решались и бытовые вопросы писателей. Приглашенные в Оргкомитет провинциальные литераторы обеспечивались жильем. Для этого Сур-

ков и Соболев даже обращались с письмом в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Не забывали себя и руководители Оргкомитета. Его глава Соболев в то время готовился переехать на построенную для него дачу в писательском поселке Переделкино под Москвой и просил руководство СП СССР о выделении дополнительных денег для ее оснащения в размере 37 тыс. рублей. Для сравнения, 3-х комнатный летний домик, приобретенный в том же году К.И. Чуковским для устроенной у него на участке библиотеки для детей, стоил 20 тыс. 500 рублей. Однако если говорить о положении с жильем в провинции, то оно было существенно хуже. Например, в Воронеже, который в ходе боев в период Великой Отечественной войны получил серьезные разрушения, многие люди, в том числе и литераторы, продолжали жить в подвалах и не приспособленных для жилья помещениях.

В конце года были приняты решения, определившие организационную и творческую деятельность будущего писательского союза. Состоялось решение об издании газеты СП РСФСР «Литература и жизнь» с марта 1958 г.²³, было одобрено создание в том же году издательства российского писательского союза «Современник», прошло первое заседание Литературного фонда РСФСР²⁴. Важным событием для нового союза писателей стало учреждение его печатного органа — газеты «Литература и жизнь», определены ее тираж, штаты и размер авторского гонорара. Организационный комитет утвердил главные направления деятельности газеты. Первым из них должна была стать «систематическая пропаганда политики Коммунистической партии и Советского правительства в области литературы и искусства». Лишь на третьей позиции оказалась работа по «всемерному содействию развития литератур народов Российской Федерации...». Главным редактором был утвержден В.В. Полторацкий-Погостин, ранее возглавлявший альманах «Наш современник». В ЦК КПСС внимательно следили за созданием Союза писателей РСФСР. По его решению был увеличен тираж «Литературы и жизни» с 300 до 500 тыс. экземпляров.

Одним из направлений деятельности Организационного комитета была работа с молодыми авторами. Среди мероприятий, проведенных им, был Всероссийский семинар молодых прозаиков в Ленинграде, состоявшийся в конце сентября 1957 года. Этому предшествовал отбор кандидатур молодых авторов. Первоначально их предлагали местные отделения писателей, а окончательное решение принималось в Москве. На местах не всегда были согласны с мнением Оргкомитета по конкретным кандидатурам. Критерием для отбора, как пояснял один из руководителей семинара А.Д. Карцев, служило, прежде всего, новое литературное произведение молодого автора. Всего на семинар приехали 49 человек из 22 областей, 2 краев и 6 автономных республик Российской Федерации²⁵. Этот литературный форум, по словам ленинградского писателя Гранина, дал зримые практические результаты²⁶. Неформальное общение московских и ленинградских литераторов с областными авторами позволило первым лучше понять проблемы региональной литературы. Еще одним практическим результатом семинара стало то, что большинство обсуждаемых рукописей оказалось «пристроено» в различные журналы, а уровень работ оказался довольно высоким. Справедливо в тот момент было высказывание смоленского поэта Николая Рыленкова о необходимости проводить подобные встречи «поближе к земле». Как итог, на заседании прозвучала рекомендация о приеме некоторых участников в Союз писателей²⁷.

Накопившиеся у областных писателей проблемы рассматривались на пленуме Организационного комитета в столице Башкирии Уфе. Помимо писателей — членов ССП СССР — в его работе участвовали литераторы из местных литобъединений и представители интеллигенции Башкирии. На него приехали писатели из разных областей и городов Российской Федерации, подчеркнув,

таким образом, важность его проведения для новой творческой организации. Об этом в своем заключительном слове на пленуме сказал Соболев²⁸. Одной из основных тем, поднимавшихся на рабочих заседаниях, была подготовка к 1-му Учредительному съезду. На пленуме были определены сроки его проведения и нормы представительства писательских организаций регионов²⁹.

Весной и летом 1958 г. руководство Оргкомитета провело встречи с писателями, критиками, поэтами и драматургами. В этот же период состоялись совещания литераторов по различным жанрам. Рассматривался широкий круг вопросов как творческого, так и организационного характера. Во время дискуссий в Оргкомитете говорилось и о политическом значении предстоящего съезда, его роли не только в общесоюзном, но и «мировом масштабе». Он должен был стать, по выражению Соболева, «ответом партии на неприятные события, которые происходили два года назад...». Руководитель Организационного комитета имел в виду события, происходившие в 1956 г. в Венгрии и Польше, а также в нашей стране на волне демократизации после XX съезда КПСС³⁰.

На многочисленных встречах весны-лета 1958 г. поднимались и вопросы организационной структуры будущего союза, в частности, его руководящих органов. Соболев на одной из встреч внес на рассмотрение литераторов революционное предложение: не создавать громоздкий аппарат Правления Союза писателей, а оставить в качестве оплачиваемых сотрудников председателя Оргкомитета и двух его заместителей³¹. Писательница Н. Емельянова поддержала данное предложение. Эту тему развил в своем выступлении и литератор Первенцев. Его идея заключалась в том, чтобы выстроить систему работы нового Союза, взяв за основу принцип работы Академии наук — собираться литераторам на сессии³². Вряд ли стоит серьезно относиться к подобной инициативе опытного и осторожного писателя с таким большим политическим стажем, как Соболев. Подобную вольность никогда бы не допустили директивные органы, курировавшие создание Союза писателей РСФСР. Руководство Оргкомитета находилось в постоянном контакте с ЦК КПСС, за его работой наблюдали секретари ЦК. Скорее, можно говорить о попытке председателя предстать перед литераторами в образе демократического руководителя.

Одним из важных вопросов, вызвавшем споры в Организационном комитете, была норма представительства местных писательских организаций на съезде. Инструкция по их избранию была утверждена на 2-ом Уфимском пленуме и согласована с ЦК КПСС. Член Оргкомитета писатель Н.М. Грибачёв внес предложение о том, «чтобы Бюро Оргкомитета приняло решение об избрании... дополнительных делегатов» в тех областях, где нет отделений Союза писателей. Однако, по мнению Соболева и Сартакова, эти литераторы уже были однажды внесены в выборные списки тех отделений Союза писателей, где они состояли на учете. В итоге, со стороны Соболева и Сартакова было выдвинуто предложение: выдать представителям писателей тех областей, где нет отделений СП, пригласительные билеты на Учредительный съезд. Вопрос о выдаче им делегатских мандатов предлагалось оставить на усмотрение открывающегося съезда³³.

Этот вопрос был очень актуален, ведь фактически речь шла о широте представительства областных и республиканских писательских организаций, ради которых и создавался российский союз писателей. Выборы на тот момент состоялись во всех 46 отделениях. На съезд было избрано 177 делегатов. В ходе выборов был выявлен ряд нарушений. В некоторых местных писательских организациях, таких как Удмуртская, Воронежская, Иркутская, Курская, Ростовская, Свердловская, Читинская и Ярославская, произошло увеличение численного состава, а выборы прошли, исходя из прежней численности литераторов. Тем не менее, на заседании 28 октября было принято решение утвердить результаты выборов во всех писательских союзах и провести в указанных выше

организациях довыборы делегатов на съезд. Они были согласованы и одобрены Бюро ЦК КПСС по РСФСР³⁴.

На основании большого корпуса архивных материалов из центральных и региональных архивов, целого ряда опубликованных документальных источников можно сделать вывод, что причинами, приведшими к созданию Союза писателей Российской Федерации стала потребность центра противопоставить реальную альтернативу либеральным тенденциям, имевшим место в московской и ленинградской писательских организациях. Кроме того, его формирование отвечало интересам региональных писательских союзов, обделенных вниманием со стороны общесоюзной писательской организации. Активизировался процесс создания и преобразования центральных и региональных литературных журналов и альманахов, создания областных издательств. Правда, этот процесс не был гладким. Число просьб, поступающих от областных отделений, превышало финансовые возможности центра. Особую роль на всех этапах — от принятия решения о начале консультаций до создания Организационного комитета Союза писателей Российской Федерации — играли директивные органы: Бюро ЦК КПСС по РСФСР и его профильные отделы. Самое непосредственное участие в судьбе будущего союза принимал первый секретарь ЦК Хрущёв. Благодаря его поддержке был запущен процесс формирования Союза, завершившийся на 1-ом Учредительном съезде писателей РСФСР.

Примечания

1. Российский государственный архив научной информации (РГАНИ), ф. 13, оп. 1, д. 904, л. 53—56.
2. По словам А.Д. Дементьева, такая позиция Б. Полевого объяснялась его нелюбовью к любым бюрократическим организациям, в том числе и Союза писателей. Интервью автора с А.Д. Дементьевым 12 декабря 2014 года.
3. Совещание в ЦК КПСС по вопросам литературы. Декабрь 1956 г. РГАНИ, ф. 5, оп. 36, д. 12, л. 29—31, 33—34.
4. Записка заведующего Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н.Д. Казьмина «О руководстве творческими организациями Российской Федерации» секретарю ЦК Д.Т. Шепилову. 15 апреля 1957 г. Там же, оп. 37, д. 21, л. 27.
5. Выступление Н.С. Хрущёва на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г. В кн.: Никита Сергеевич Хрущёв: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва. Т. 2. М. 2009, с. 448.
6. Там же, с. 486.
7. Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О создании оргкомитетов писателей, художников и композиторов по Российской Федерации». 22 мая 1957 г. РГАНИ, ф. 13, оп. 1, д. 27, л. 30.
8. ТВАРДОВСКИЙ А. Из рабочих тетрадей (1953—1960). — Знамя. 1989, № 9, с. 135—136, 138, 140.
9. Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «Об Оргкомитете Союза писателей РСФСР». 17 августа 1957 г. РГАНИ, ф. 13, оп. 1, д. 32, л. 17—18.
10. ДОЛМАТОВСКИЙ Е. Очевидец. Нижний Новгород. 2014, с. 135—142; Беседа с В. Огрызко 19 января 2015 г.
11. Постановление Президиума Правления Союза писателей СССР. 29 августа 1957 г. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 631, оп. 30, д. 610, л. 17, 19.
12. Протокол № 3 заседания Президиума Правления Союза писателей СССР. 29 августа 1957 г. Там же, л. 34.
13. Там же, л. 2—5.
14. Протокол № 34 заседания Секретариата Правления Союза писателей СССР. 12 ноября 1957 г. РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 648, л. 4.

15. Докладная записка секретарю Воронежского обкома КПСС «О работе редакции журнала “Подъем” за 1957 год». 31 марта 1958 г. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО), ф. 3, оп. 38, д. 246, л. 45.
16. М.А. Шолохов вообще редко бывал на подобных заседаниях, К.А. Федин отсутствовал по этическим соображениям, поскольку должен был быть назначен на должность председатель Оргкомитета. Остальные могли не прийти на эти заседания по различным причинам. Беседа автора с В. Огрызко 19 января 2015 г.
17. Протокол № 1 первого пленума Оргкомитета Союза писателей РСФСР. 25 сентября 1957 г. РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 1, л. 5.
18. РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 236, л. 74—84.
19. РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 1, л. 34.
20. Выступление С.А. Вишневого. Там же, л. 87; Выступление И.Д. Воронина. Там же, л. 112.
21. ХАПЛЕХАМИТОВ Р. Татарская творческая интеллигенция и власть (1944—1965 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Казань. 2008, с. 107, 111, 125—126, 128.
22. РОМАНОВА Н.В. Культурная политика и художественная интеллигенция Кубани и Ставрополя (1953—1964 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Ставрополь. 2005, с. 108, 187, 190—191.
23. Стенограмма расширенного заседания Бюро Оргкомитета СП РСФСР. 17 декабря 1957 г. РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 3, л. 59.
24. Издательство «Современник» было создано лишь в 1971 году.
25. Протокол № 5 расширенного заседания бюро Оргкомитета СП РСФСР. 17 декабря 1957 г. РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 3, л. 30.
26. Там же, л. 76.
27. Выступление Г.М. Маркова. Там же, с. 100.
28. Заключительное слово Л.С. Соболева. Там же, д. 20, л. 237, 239.
29. Протокол заседания II (Уфимского) пленума Оргкомитета Союза писателей РСФСР. Там же, д. 22, л. 5.
30. Выступление Л.С. Соболева на совещании критиков. 6 июня 1958 г. Там же, д. 15, л. 73.
31. Выступление Л.С. Соболева. Беседа с прозаиками. 20 июня 1958 г. Там же, д. 16, л. 14.
32. Там же, л. 15, 27.
33. Письмо Л.С. Соболева и С.В. Сартакова в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. 30 октября 1958 г. РГАНИ, ф. 5, оп. 37, д. 49, л. 77—78.
34. Было разрешено провести дополнительные выборы в Бурятии, Воронеже, Иркутске, Ростове-на-Дону, Чите, Ярославле и Курске. Там же, л. 79—84.

Формирование образа «Другого» у христиан и мусульман

Ю.С. Зеленцова

Специфика формирования образа «Другого» у христианских и мусульманских народов в VIII—IX вв. предопределяется фактом культурной изоляции их представителей. Под изоляцией в данном случае подразумевается не отсутствие межкультурных контактов, а, скорее, ситуация обособленного развития этих цивилизаций относительно друг друга. В условиях замкнутости средневекового общества особенности мировоззрения, отношение к жизни, религии, человеку у представителей той или иной культуры формировались исключительно в среде существования. Исследование взаимодействий христианской и мусульманской цивилизаций подразумевает, в том числе, определение особенностей восприятия их представителями соседних народов и культур.

Актуальность данной проблемы определяется, прежде всего, тем интересом, который современное общество проявляет к проблеме культурных и этно-конфессиональных взаимодействий. Возможно, для получения ответов на многие современные вопросы стоит обратиться к истории того периода, когда христианско-мусульманский диалог только зарождался.

В контексте тематики данного обзора под понятием мусульманской цивилизации подразумевается культура, сложившаяся в Арабском халифате в VII—IX вв. в процессе взаимодействия арабов и завоеванных ими народов Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Юго-Западной Европы. Под христианской цивилизацией в данном случае понимается культура Западной Европы VIII—IX веков.

В то время для крупных политических образований был характерен эгоцентричный подход в восприятии окружающих народов, культур и государств. В первую очередь, он был связан с формированием и утверждением религиозной идеологии как неотъемлемой составляющей раннесредневекового общества. Кроме того, необходимо указать на проблемы недостаточной осведомленности жителей Средиземноморья об окружающих народах, во многом невежественно пренебрежительного отношения европейских народов — «возлюбленных сынов» Римской церкви¹ — к «врагам» христианской веры, а также относительного отсутствия проявления интереса к неисламским цивилизациям со стороны мусульманской культуры.

В дореволюционной историографии взгляд на проблему формирования образа «Другого» выглядит достаточно односторонним: в качестве фактора, влияющего на появление у арабов определенного отношения к христианам, указывается исключительно исламская религия². Однако, как показали дальнейшие исследования, религиозный фактор в восприятии арабскими

Зеленцова Юлия Сергеевна — аспирант Московского педагогического государственного университета им. Ленина.

авторами западноевропейских народов играл далеко не главную роль. Поэтому в данном случае целесообразно делать акцент на изучении исследователями источников светского характера (арабская историческая и географическая литература), более приближенных к реалиям жизни и быта арабов эпохи раннего средневековья. В то же время в Западной Европе, где вся литература создавалась преимущественно теологами, сложнее найти информацию, свободную от религиозно-идеологических мотивов и отражающую реалии совместной жизни арабов и европейцев на одной территории.

Начало активной фазы взаимодействия христианского мира с миром ислама связано с периодом арабских завоеваний за пределами Аравийского полуострова. В это время западная цивилизация впервые столкнулась с представителями новой монотеистической религии.

Тема исламо-христианского взаимовосприятия в VIII—IX вв. практически не рассматривалась исследователями даже в рамках общих работ. Только в 70-е гг. XX в. в отечественной историографии появились труды, затрагивавшие проблему восприятия исламского мира в Западной Европе. А.В. Сагадеев³ в своей работе отмечает, что негативный облик азиата зарождался в Европе постепенно. Трагедия Эсхила «Персы» подчеркивала межконтинентальный характер греко-персидских войн, Геродот рассматривал Троянскую и греко-персидские войны как продолжение исконной вражды между Европой и Азией. Поэтому появление арабов (сарацин — «людей Востока») в Сирии, Северной Африке, а впоследствии в Испании и Италии могло быть воспринято европейцами как еще одно свидетельство извечной борьбы двух миров — Запада и Востока, как продолжение войн. Кроме того, учитывая, что христианство еще не имело довольно стойких позиций, христианская Европа восприняла мусульман как одного из многочисленных врагов и первоначально не видела особой разницы между ними и язычниками.

Необходимо помнить, что арабские завоевания в Европе были остановлены Карлом Мартеллом в 732 г. и так и не получили в дальнейшем своего продолжения. В связи с этим северные европейцы оказались далеко от сарацин и от той опасности, которую они могли представлять. Недостаток сведений о восприятии христианами арабского народа можно объяснить отчасти равнодушием, отчасти пренебрежением европейцев к представителям «далекой» от них культуры. В связи с этим в европейских источниках преобладают религиозно-идеологические факторы в формировании образа исламского мира. Г.Г. Пиков отмечает в литературе того периода господство идей Евсевия Иеронима и Августина Аврелия, в соответствии с которыми история повседневности понимается европейцами как часть истории священной⁴. Все известные европейцам народы имеют свое, строго определенное место в этой истории. Таким образом, у латинских авторов появилась необходимость привязать и мусульман к священной истории, и основным источником для решения этой задачи становилась, прежде всего, Библия, которая объясняла происхождение современных событий и давала возможность установить родство сарацин с известными народами и религиями. В результате для латинских авторов основным становилось решение именно этой проблемы, а не реальная история, быт и религия арабского мира. Исследователь С.В. Рязанова, утверждая, что «контакты и конфронтации всегда имели сакральную, религиозно-идеологическую окраску», подчеркивает тезис о «полном незнании социально-культурного контекста противостоящего мира»⁵.

Так как Испания первой пострадала от арабского вторжения, закономерно, что очень многие идеи, касающиеся мусульманской религии, попадали в VIII—IX вв. в континентальную Европу именно из Испании. В связи с этим сложилась двоякая ситуация. В северо-западной Европе, в частности во Франкском государстве, где позиции христианской религии были более устойчивыми, эти идеи сразу же сталкивались с принципом превосходства христианства над всеми прочими религиями. В это же время испанским жителям достижения античной мысли и патристика были еще малодоступны, и поэтому культура мусульманской цивилизации на Иберийском полуострове успешно синтезировалась с культурными достижениями подвластных христианских народов (мосарабов — «арабизированных»). Р.Г. Ланда в связи с этим приводит слова одного из лидеров христиан, епископа Альваро Кордовского: «Христиане любят читать

поэмы и романы арабов, они изучают арабских теологов и философов не для того, чтобы опровергать их, а чтобы изучить точный и изящный арабский язык. Можно ли найти сейчас мирянина, читающего латинские комментарии на священное Писание или изучающего Евангелие, пророков или апостолов? Ничего подобного! Все талантливые молодые христиане читают и изучают сейчас с энтузиазмом арабские книги; они собирают огромные библиотеки большой ценности; они презирают христианскую литературу как недостойную внимания, они забыли свой собственный язык. На каждого, кто в состоянии написать письмо другу на латыни, приходится тысяча человек, которые могут изъясняться на арабском с большей элегантностью и писать на этом языке стихи лучше, чем сами арабы»⁶.

Таким образом, исследователи в целом приходят к общему выводу, что образ мусульманской цивилизации в восприятии европейцев был двояким и имел региональную специфику. На северо-западе исламский мир воспринимался с большим пренебрежением, что воплощалось в нежелании вникнуть в культуру арабо-мусульман, в игнорировании очевидных достижений мусульманского мира, образ которого в латинских сочинениях формировался при попытках найти доказательства своих собственных взглядов, при отсутствии стремления действительно узнать и понять учение арабов.

Более объемными и разнородными, в сравнении с источниковедческой базой Западного региона, являются материалы из различных областей арабской письменности. В сравнении с латинскими источниками они имеют более светский характер и научную направленность. Иной является и методика изучения арабских источников. Уровень достоверности сведений, представленных в них, имеет для исследователей наименьшее значение, так как, в первую очередь, ставится задача осветить характер и преемственность в изображении интересующих авторов фактов.

В.Г. Крюков, рассматривая сообщения анонимного автора Ахбар аз-замана о народах Европы⁷, выявляет следующие сюжеты относительно других народов, к которым проявляют интерес арабские авторы: информация по генеалогии народа; географическое положение и размеры территории; города; образ жизни; внешние войны; характер правления.

Приоритеты авторов в освещении указанных сюжетов говорят о том, что на первом плане в арабских сочинениях выступают этнические, а не государственные общности. В.М. Бейлис в поддержку такого тезиса приводит слова арабского историка и географа Ал-Масуди⁸, который в одну из групп помещает древних греков, связанных с ними римлян и византийцев, славян, франков и другие народы. При этом, если в сообщениях о других группах автор отмечает единство их языков, упоминая иногда даже такие детали, как существование наречий, то народы указанной группы явно определяются им как отдаленные, и в конце их описания вводится фраза: «У них один язык и ими владеет один царь». Однако в текстах нет точного системного указания на то, по какому именно принципу Ал-Масуди определяет народы в ту или иную группу: этническому, географическому, языковому, политическому или религиозному. Между тем, из структуры текстов видно, что описание того или иного народа чаще всего помещается по мере географической отдаленности его от мира ислама, и относительно народов Европы авторы придерживаются определенного порядка⁹ их расположения в своем повествовании.

Количественный анализ сведений об известных арабским авторам народах, в том числе о франках и их ближайших соседях, говорит о том, что контакты арабского мира с западноевропейскими общностями случались намного реже, чем с остальными народами. В то же время историки отмечают, что по сравнению с материалами о ближайших халифату соседях, достоверность сведений об отдаленных народах была на более высоком уровне¹⁰. Рассказы о лангобардах (ал-ихтарда), франках (ал-ифранджа), славянах (ас-сакалиба) гораздо короче, чем рассказы о Византии (ар-Рум) и Испании (ал-Андалус), но в них не встречаются рассказы легендарного характера, они включают в себя только четкие и, как сейчас можно утверждать, достоверные сведения, касающиеся расселения описанных народов, их образа жизни, обычаев и верований. Более объемные описания других европейских народов помимо сухих общих сведений содержат и материалы другого характера, а в некоторых из них сказания и легенды

составляют большую часть текста (например, описания ал-Андалус) ¹¹. Этот факт можно связать не только с тем, что, вероятно, случаи реального знакомства с лангобардами, франками, славянами и возможности использования европейских источников были нечастыми, но и с тем, что арабо-мусульмане не испытывали интереса «к далеким и неотесанным» европейцам ¹² и относились к ним даже с пренебрежением и поэтому ограничивались минимальным указанием сведений о них, преследуя исключительно рациональные цели, связанные не с человеческим интересом к другим культурам, а с тем, чтобы дать максимально полную картину известного арабам мира. Однако исследуемые историками источники не дают сведений о проявлениях какого-либо религиозного фанатизма по отношению к европейским народам, грубых противопоставлений или указаний на то, что именно религиозный фактор является причиной определения жителей северо-запада как недостойных внимания. Крюков отмечает, что пренебрежение прослеживалось в следующем: «... Их тела стали велики по размерам, их нравы стали строптивыми, глупость возобладала над их разумом, их языки тяжелы... В их поведении нет постоянства, а это — из-за природы холода и недостатка жара. Кто из них проник далеко на север, теми овладевают глупость, грубость и животность. Это увеличивается среди них по мере удаления на север» ¹³. Из этого описания также ясно видно, что народ ал-ифранджа рассматривается автором в некой исторической перспективе, подчеркивается, что франки только со временем «стали» такими. Историки отмечают, что арабскими авторами древние и современные им цивилизации не определяются как христианские или мусульманские. Принадлежность народа к той или иной древней культуре рассматривается лишь по принципу общности предшествующих исторических событий.

Между тем, Бейлис находит в арабских источниках обобщение народов по принципу государственности и религии и приводит в пример сочинение ал-Истахри, где автор объединяет народы Западной Европы с государством ар-Рум (Византией): «Что касается того, что мы соединили со странами ар-Рума из числа народов ал-ифранджа (франков), ал-джалалика (галлийцев) и других, то язык их различен, однако вера (ад-дин) и государство едины, подобно тому, как в государстве ислама языки различаются, а власть (ал-мулк) едина» ¹⁴.

Сведения арабских авторов о государственном строе западноевропейских народов, в частности государства франков, также не отличаются определенностью и однозначностью. Историки связывают проблему изучения этой информации в арабских источниках с этимологией слов. В арабских сочинениях понятие «государство» обычно обозначается словом «мулк» — «владение», а государь — словом того же корня «малик» — «владыка», «владелец». Однако вне контекста не всегда можно отличить, когда слово «малик» обозначает государя, а в каких случаях — племенного вождя ¹⁵. Кроме того, Ибн Хордадбех, к примеру, среди «титолов владык земли» называет титулы «басил» и «кназ» ¹⁶ (князь). Ему известен и владыка франков (малик фиранджа), но его титула он не называет. Однако Крюков отмечает, что в изучении проблемы государственности в источниках можно отследить сведения о единстве и могуществе отдельных народов. Например, в сравнении с другими западноевропейскими народами «ал-Ифранджа — самое сильное из этих племен по могуществу, самое неприступное по месту нахождения, и самое многочисленное... Их царство — самое обширное, их города — наиболее многочисленны, их управление и подчинение царям — самые лучшие, а их покорность царям — наибольшая» ¹⁷. Но в связи с тем, что имеющиеся в источниках сведения часто представляют собой отрывочную информацию, вероятно, почерпнутую из различных письменных и устных источников, исследователи признают, что арабские авторы вряд ли имели четкое понятие о государстве франков как о политическом объединении с единым центром и управлением. Приводимые конкретные исторические сведения скорее являлись исключением, чем правилом.

Остановившись на проблеме конфессий, Крюков приходит к выводу о том, что арабские авторы особо выделяли христианскую религию. Относительно иных народов они ограничивались лишь коротким замечанием, утверждая, что они являлись «огнепоклонниками» (язычниками). Знания авторов особенностей христианства доказывало, что эта религия выделялась ими как монотеистическая и, следовательно, определялась, как более достойная внимания ¹⁸.

Анализ немногочисленных научных работ по вопросу формирования образа «Другого» в арабских источниках дает формальное основание разделить историографию этой темы на до- и постреволюционную. Первые исследования в восприятии арабскими авторами западноевропейских народов ставили во главу угла религиозный фактор. Соответственно предметом изучения являлась в основном арабская религиозная литература и философия, в связи с чем почерпнуть более приближенные к реальной жизни факты о восприятии народами других цивилизаций оказывается затруднительно. В дальнейшем изучение вопроса стало носить более светский характер (хотя рассмотрение темы продолжалось и на основе религиозно-философской традиции ¹⁹), и первоочередным сделалось рассмотрение арабской географической и исторической литературы. Исследования историков на эту тему не носят дискуссионный характер и направлены в основном на восполнение многочисленных пробелов в вопросе изучения арабской литературы. Количественный анализ сведений из источников позволяет исследователям выделить интересующие арабов сюжеты в истории тех или иных народов. В меньшей степени внимание уделяется достоверности представленных арабами сведений.

На основе исследованных арабских источников историками делаются следующие выводы. Образ западноевропейских народов у арабо-мусульман складывается, как на основе письменных и устных источников, так и на основе личного знакомства с указанными народами. Ярко выраженные попытки объединить западноевропейские народы в группы свидетельствуют об отсутствии интереса к культуре и особенностям образа жизни отдельно взятых общностей. Сравнения и противопоставления народов чаще всего приводятся по фактору внешних взаимодействий: торговли, военной агрессии и связанной с этим опасности. Именно в этой связи Франкское государство выделено как самое сильное из всех, созданных северными народами. Редкие случаи апелляции авторов к определенным историческим событиям являются скорее исключением, хотя и в них можно проследить указанную тенденцию: характеристика деятельности правителей Франкского государства чаще всего дана в связи с их внешними взаимодействиями.

Религиозный фактор в восприятии арабскими авторами западноевропейских народов играет далеко не главную роль. Скорее, их принадлежность к религии, отличной от ислама, изображается в источниках как факт сам собой разумеющийся, то есть характерный для «неотесанных» северных народов. Пренебрежение к «огнепоклонникам» (язычникам) выражено более явно, чем к христианам.

Основываясь на отечественных исследованиях образов христианской и мусульманской цивилизаций, сложившихся у представителей обеих культур, можно говорить об определенном взаимовлиянии. С одной стороны, реальные контакты между их представителями повлияли на характер их представлений друг о друге. С другой, — сложившиеся образы (стереотипы) могли существенно влиять на специфику дальнейших непосредственных контактов цивилизаций.

В любом случае, анализ историками имеющихся источников дает основание опровергать популярную точку зрения о «нашествии» на Западную Европу арабо-мусульман, движимых догмами классического ислама о ведении войны против «неверных». Материалы арабской письменности в сравнении с латинскими источниками имеют более светский характер и научную направленность. Несмотря на явную недооценку христианских народов, равнодушие в религиозном вопросе выглядит скорее, как проявление чувства веротерпимости, что, в свою очередь, было несвойственно европейцам того периода. Стремление христианских авторов обосновать течение истории в контексте религиозной идеологии приводило к формированию негативно-пренебрежительного образа арабского мира и к потере интереса или намеренному игнорированию мусульман как представителей иной культуры. Подобные представления сохранялись в сознании европейцев вплоть до Крестовых походов и Реконкисты в Испании, когда изучение мусульманской цивилизации приобретает более научный характер.

1. ФРАНКО КАРДИНИ. Европа и ислам: история непонимания. СПб. 2007, с. 19.
2. МАШАНОВ М.А. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Казанской духовной академии 8 ноября 1889 г.: Европейские христиане на мусульманском востоке. Казань. 1889.
3. САГАДЕЕВ А.В. «Наследие ислама»: история и современность. М. 1998; МОНТГОМЕРИ УОТТ. Влияние ислама на средневековую Европу. М. 1976, с. 5.
4. ПИКОВ Г.Г. Библия и представления европейцев в VIII—IX вв. об исламе и арабах. В кн.: Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск. 1995, с. 52.
5. РЯЗАНОВА С.В. Межкультурные отношения в эпоху средневековья: христианство и ислам. В кн.: Толерантность в культуре, этнических и межконфессиональных отношениях: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 3.XII.2002). Курган. 2003, с. 202—206.
6. ЛАНДА Р.Г. Взаимодействие цивилизаций на Иберийском полуострове в VIII—IX вв. (этнические и религиозные аспекты). — Восток. 1997, № 1, с. 20.
7. КРЮКОВ В.Г. Сообщения анонимного автора Ахбар аз-заман о народах Европы. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981. М. 1983.
8. БЕЙЛИС В.М. Представление о цивилизациях древности и раннего средневековья в системе исторических знаний ал-Йакуби и ал-Масуди. В кн.: Ислам и проблемы междивизиционных взаимодействий. М. 1994, с. 46.
9. Сначала следуют рассказы о жителях Ал-Андалуса (Испании) и ар-Рума (Византии), далее о славянах (ас-сакалиба) и галлисийцах (ал-джалалика), затем о народе ал-ифранджа (франки).
10. КРЮКОВ В.Г. Ук. соч., с. 197.
11. Там же, с. 204.
12. ФРАНКО КАРДИНИ. Ук. соч., с. 109.
13. АЛ-МАСУДИ. Книга наставления и пересмотра. Цит. по: КРЮКОВ В.Г. Сведения ал-Масуди о народе ал-Ифранджа. Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. М. 1987, с. 75.
14. АЛ-ИСТАХРИ. Книга путей и стран. Цит. по: БЕЙЛИС В.М. Арабские авторы IX — первой половины X века о государственности и племенном строе народов Европы. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985. М. 1986, с. 145.
15. БЕЙЛИС В.М. Арабские авторы IX — первой половины X века о государственности и племенном строе народов Европы. Там же, с. 140.
16. ИБН ХОРДАДБЕХ. Книга путей и стран. М. 1986, с. 16.
17. АЛ-МАСУДИ. Золотые копи и россыпи самоцветов. Цит. по: КРЮКОВ В.Г. Сведения ал-Масуди о народе ал-Ифранджа. Письменные памятники Востока, с. 74.
18. КРЮКОВ В.Г. Сообщения анонимного автора Ахбар аз-заман о народах Европы. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1981. М. 1983, с. 208.
19. Подробнее см.: ШАДРИНА Н.А. История взаимодействия исламской и христианской культур средневековья в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв. Казань. 2009.

**Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг.
Документы и материалы. М. ГБУ «ЦГА Москвы». 2014. 1104 с., илл.**

Великий город во времена «Великой» войны — такова тема сборника документов, изданного Центральным государственным архивом Москвы в соответствии с федеральным «Планом основных мероприятий, связанных со 100-летием начала Первой мировой войны». Это — в прямом смысле весомый научно-публицисти-

ческий труд. Тысяча страниц — 800 документов и газетных сообщений, 1400 имен, во многих случаях с биографическими справками, оригинальные иллюстрации.

В книге, как указано во вводной статье отв. редактора Е.Д. Алексеевой, делается попытка представить Москву как пример «живого бес-

корыстного общественного единения» перед лицом военных потрясений, раскрыть драгоценный исторический урок, осветить «поучительный опыт», по сути, «самые важные, подчас наиболее острые стороны государственного, гражданского, народного, частного быта всей России» (с. 12). Поэтому естественно, что названиями разделов, содержащих тематические группы документов, служат эмоциональные изречения — цитаты из произведений А.А. Ахматовой, В.Я. Брюсова, А.Н. Вертинского либо из самих публикуемых источников. Поставленную задачу осложняло стремление составителей придать труду и другое, академическое предназначение, требующее соблюдения всех стандартов археографии, что неизбежно сокращает доступность издания для неспециалистов. Но в любом случае, появление в библиотеках столь значительного комплекса источников расширяет возможности использования их как в научных целях, так и идейно-воспитательных. И с той и с другой стороны, поставленных перед собой целей составители достигли.

Отбор документов отображает современный подход к освещению состояния и жизни общества в условиях «Великой» войны, он радикально отличается от норм, принятых в документальных публикациях эпохи «исторического материализма». На первом плане — материалы, свидетельствующие не о социальных бедствиях, порожденных войной, не о проявлениях классовых конфликтов, а о стремлении различных общественных кругов прийти на помощь фронту и облегчить положение раненых, беженцев, малоимущих. С этим связано традиционное для московской проблематики (и также характерное для современного состояния историографии) повышенное внимание к руководящему участию в городских делах представителей дворянства, в особенности придворных кругов, церкви, купечества, что, впрочем, согласуется с несомненным фактом сосредоточения властных полномочий у этих социальных групп.

Столь же определенно обнаруживается отсутствие в городской жизни благоприятных условий для проявления действительно общественных начал — в силу такой извечной черты народного быта «всей России», как всепроникающая традиция контроля и опеки над

каждодневной жизнью «меньшого брата» — мириад нуждающихся и разобщенных «Иванов и Петров».

Обстановка войны вызвала благородные порывы у части деловых и интеллигентных кругов, желавших взять на себя многие издержки, направленные на облегчение положения бедствующего населения города путем благотворительности, пожертвований, прямого участия в работе медицинских и социальных служб. Публикуемые документы показывают, что тем самым делались попытки возместить личными, индивидуальными усилиями то, чего не сумела принять на свою ответственность и поддержать материально административная вертикаль, привыкшая имитировать и рекламировать собственную заботу о малых сих, в то же время опасаясь всего похожего на независимую от власти инициативу.

Каждый шаг представителей общественности требовал согласия, разрешения со стороны губернских или городских административно-полицейских или военных инстанций. Московский славянский комитет, наметив проведение сбора пожертвований в пользу черногорцев и сербов («единокровным, единоверным братьям»), не мог сделать этот шаг произвольно: «Должено помощнику управляющего канцелярией московского градоначальника. Приказано разрешить», — гласит резолюция на ходатайстве, воспроизведенная на с. 587. Даже основание на окраине тогдашнего города такого несомненно «богоугодного», гуманитарного учреждения, как знаменитое Всехсвятское (Братское) кладбище, не могло состояться без санкции царя. Документы раздела «Светлые подвиги» детально воссоздают всю организационную историю создания этого мемориала, с акцентированием роли в этом праведном деле великих княгинь и князей, а также некоторых придворных. Здесь же (с. 953—954) приведено извлечение из списка погребенных в феврале — ноябре 1915 г. — только офицерских чинов и сестер милосердия. Этот угол зрения предопределен характером выявленных документов, но также и всем современным духом иерархического восприятия мироустройства, влияющим на работу историков и публикаторов. Некоторые документы, избыточно приведенные в этом и других разделах в полном виде, вероятно, пра-

вильнее было бы использовать лишь в виде основы для примечаний или процитировать в вводной статье.

В начале сентября 1914 г. городской голова, опасавшийся «крупных беспорядков», описал «ужасную картину положения раненых в первопрестольной: их в настоящее время находится там свыше 35 тыс., причем мест в больницах для них нет, и многие ходят по улицам в халатах, выпрашивая милостыню у прохожих... Эвакуация выздоравливающих раненых организована военным начальством из рук вон плохо»¹. Судя по документам сборника, в заботах городских властей центральное место принадлежало организации помощи раненым (устройство лазаретов, формирование санитарных поездов) и беженцам. Многократно, с изобретательностью проводились кампании по сбору теплых вещей и других «подарков» для отправки на фронт — то, чем действительно могли отозваться на военное бедствие москвичи всех состояний. Простой люд как мог исправлял просчеты военных властей, Красного Креста, интендантского аппарата империи, не сумевшего подготовить армию к войне.

Одновременно горожане, лишившиеся нормального заработка, а также беженцы и инвалиды получали средства к существованию в устраиваемых городом швейных мастерских, готовивших для солдат белье и обмундирование. Необходимость таких экспромтов в организации снабжения фронта односторонне истолковывалась как проявление высоких душевных качеств, внимания, патриотической заботы тыла о защитниках родины. На Рождество 1914 г. и на Пасху 1915 г. отправлялись из Москвы (как, впрочем, и из Петрограда) поезда с такого рода, в большей части символическими, «подарками» бойцам. Подобная импровизация военного снабжения сама по себе не могла спасти положение, а нехватка материалов лишь отчасти восполнялась доставкой из-за океана миллионов аршин сукна, кожаных заготовок, сотен тысяч пар башмаков; в организации этих поставок принимали участие московские торгово-промышленные организации, а центральная власть, вынужденно соглашаясь на их содействие, всемерно старалась на всех направлениях контролировать и ограничивать истинно общественную деятельность.

Реальный смысл общественной инициативы сами городские руководители ясно понимали, равно как и ожидаемое сопротивление со стороны центральной власти. Им видно было с самого начала, что «интендантство и вообще военное ведомство, а также Министерство внутренних дел не справятся с задачей, на них лежащей; это угрожает армии остаться без всего необходимого»; не вызвало сомнений, что власть «никогда не согласится» дать независимым организациям «соответствующие права», так что их деятельность «никакого практического значения иметь не будет»². Но все-таки правительству пришлось делать уступки инициативе снизу.

В независимых городских попечительствах о бедных действующими лицами были главным образом «демократические элементы (учащиеся, студенты, курсистки, фельдшерницы, служащие торгово-промышленных заведений и пр.)», «чернорабочие среди общественных работников», не получавшие за это никакого вознаграждения. «Работа эта, протекающая среди людей, озлобленных нуждой, требует от сотрудников большого самоотвержения, так как единственным стимулом ее является любовь к ближнему и единственной наградой — сознание исполненного долга. Кто ищет в общественной работе известности и удовлетворения своего честолюбия, он не пойдет в попечительство; не пойдут туда и те, кто громкими фразами заменяет дело», — так представлялось их положение самим сотрудникам этих организаций (с. 684). Со своей стороны духовные власти создавали собственные попечительства, устраивали сборы средств от благотворителей и прихожан в церквях и приходах и стремились исключить сбор пожертвований учреждениями «вне духовного ведомства» (с. 687—688, 727—733). Но к концу 1916 г. и в среде духовенства возникало опасение, «откликнутся ли прихожане на призыв к жертвованию с такой же готовностью, как прежде; уж слишком дорога стала жизнь... при теперешних весьма затруднительных условиях» (с. 739). Свидетельства о трудном положении рабочих (как и вообще населения Москвы) пробиваются во многих материалах, посвященных попечительству и благотворительности, подкрепляемые публикацией сводок о размере заработков, существенно отстававших от инфляции.

Как результат стремления составителей порвать с прежними стереотипами скромное место отведено комплексу материалов, отображающих промышленное развитие Москвы в годы войны: Московскому и, шире, центральному району («тянущие» к Москве губернии Владимирская, Вологодская, Ивановская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Рязанская, Смоленская, Тверская), не уступавшему своим промышленным потенциалом районам Петрограда и Прибалтики, принадлежала в военной экономике первостепенная роль. Поэтому скудость на «московские» материалы по данной теме трудно объяснима. Активнейшее Общество заводчиков и фабрикантов Московского района лишь упоминается в немногих документах.

Удалось также покончить с рабочим движением — считанные факты забастовок военного времени, иногда лишь бегло названные в какой-нибудь полдюжине документов, во всяком случае, не создающие целостной картины, — это в определенном смысле новое решение проблемы. Но тем самым составители, уже и вопреки намеченному современному подходу, обрекают себя на недооценку той роли в жизни города, которая принадлежала жандармской и полицейской власти. На с. 342 помещен приказ градоначальника по поводу «самовольного оставления рабочими работ» на военных производствах, и комментарий к документу ставит целью уточнение: в России — в отличие от Германии — сохранился свободный рынок рабочей силы, то есть рабочие не были лишены права переходить с одного предприятия на другое (к недовольству московских промышленников — см. документ на с. 340). Но градоначальник имел в виду не это: статья 1359 Уголовного Уложения, на которую он сослался в приказе, запрещала рабочим не переход с одного предприятия на другое, а забастовки. В Германии же переход военнообязанных рабочих тоже допускался, хотя для этого требовалось согласие специального комитета, составленного на основе паритета из представителей хозяев и профсоюзов³. В Москве такую роль профсоюзы играть не могли за их отсутствием.

Выделяются и в какой-то мере спасают положение с освещением промышленной жизни второй столицы два красноречивых итоговых

документа (с. 403—409): вопль Московского биржевого комитета, адресованный министру путей сообщения 4 февраля 1917 г., — о начавшемся глубоком топливном кризисе и прекращении одного за другим важнейших военных производств, и составленный тем же комитетом впечатляющий «Список предприятий, заявивших об остановке работы» по той же причине (21 февраля 1917 г.).

На с. 734—736 воспроизведено по «Московским церковным ведомостям» красочное описание крестного хода в Кремле 27 мая 1916 г., которым сопровождалось отправление в действующую армию чудотворной иконы. «В центре шествия — длинная малиновая лента идущего попарно духовенства. По пути от Успенского собора до Спасских ворот стояли шпалерами части войск Московского гарнизона с оркестром музыки. При прохождении крестного хода оркестры играли “Коль славен”, войска брали “на караул”. Последовал молебен о даровании победы. Малиновый бархат риз духовенства нес на себе изображения «креста Христова с надписью: “Сим победа”». Речь шла, несомненно, о победе не только над явными басурманами, но и над братьями во Христе. А как чувствовала себя в годы братоубийственной войны лютеранская церковь? Призывала ли она к изничтожению дерзкого врага? На этот вопрос материалы сборника ответа не дают.

С точки зрения обеспечения доходчивости можно сожалеть о несколько тяжеловесном оформлении заголовков документов — как по смыслу (текст заголовков, как правило, принадлежит составителям), так и по графике. Заголовков одного из документов читается, например, так: «Ходатайство председателя состоящего под августейшим покровительством Е.И.В. в.кн. Милицы Николаевны комитета по оказанию помощи раненым воинам русским, черногорским, сербским и их семействам и семействам убитых воинов А.И. Успенского главноначальствующему г. Москвы генерал-майору А.А. Адрианову разрешить поместить на афишах театра “Летучая мышь” извещение, что сбор от первого спектакля пойдет на помощь лазарету, открытому артистами театра» (с. 765). Если в самом этом документе отбросить вводные строки обращения и заключительные выражения почтения, то заголо-

вок (казнь египетская: набран, как и все остальные, сплошь прописными) будет больше содержания документа и дублирует его. Дублируется также помещенный на с. 597—598 документ, полностью включенный в другой, расположенный на с. 610—611. Бывает, документ уложился в три строки, а заголовок занимает пять-шесть, и все — прописными (с. 821, 648).

Ощущается отсутствие — учитывая явно имевшиеся широкие возможности в оформлении — исторической карты; не была бы лишней и таблица перевода старой городской топонимики на современный язык города: эпизодические пояснения в комментариях не решают эту проблему в целом. Малополезным представляется увлечение организационно-директивными и агитационными материалами в ущерб отражающим живую практику с ее проблемами и противоречиями. Имеются спорные решения не только в отборе публикуемых источников, но и в датировке, предположительном восстановлении пропущенного текста, встречаются неточности в комментариях, воспроизведении имен (Страгородский — Старогородский, М.М. Ичас — М. Игас). Все это — явный признак ограниченного времени, которым располагали специалисты, готовившие юбилейное издание.

В вопросе об отборе документов нельзя не учитывать, что, несмотря на столетний срок, публикаторская работа по заглавной теме находится — нельзя не согласиться в этом с Алексеевой — лишь в самом начале: «Комплексное изучение и публикация обширного массива

документов, сохранившихся в фондах Центрального государственного архива города Москвы, ранее не предпринимались» (с. 13). Выпуском одного, хотя бы и столь весомого сборника, проблему не решить. На будущее, видимо, выдвигается задача более трудоемкая. Предстоит, оставив позади юбилейный цейтнот, продолжить столь полезную публикацию.

Очевидна необходимость выявить комплекс документов, отображающих еще более ощутимо фактическое положение вещей в жизненном укладе основной массы населения Москвы, которое, как видно уже и из нынешнего сборника, определялось не только устремлениями бюрократических, общественных и псевдообщественных учреждений, деяниями благотворителей и священнослужителей, но и объективно существовавшими условиями. Для этого у московских историков и архивистов имеются большие перспективы. Возможно, в результате картина единения москвичей всех состояний перед лицом войны не станет столь одномерной, но должна проясниться совокупность реалий, определявших быт горожан в столь «интересное» и, действительно, поучительное время.

В.В. ПОЛИКАРПОВ

Примечания

1. ТОЛСТОЙ И.И. Дневник. 1906—1916. СПб. 1997, с. 546.
2. Там же, с. 642, 543, 535—536, 580—581, 654.
3. Горнозаводское дело. 1916, № 18, с. 13477.

А. КАЎКА. *Мае беларусы: Сустрэчы — ростані. Допісы. Прысвячэнні.* М. ПНТ. 2014. 362 с.

А. КАВКО. *Мои белорусы: Встречи — расставания. Очерки. Посвящения.* ПНТ. 2014. 362 с.

Книга белоруса-москвича, многогранного ученого (историка, филолога и культуролога), писателя и поэта А.К. Кавко — явление уникальное. В ней представлена широкая палитра занимавших его проблем в области истории и культуры, а также помещено несколько весьма значимых научных публикаций из числа

последних трудов автора. Это придает книге историографическое звучание. Книга является итогом реализации масштабного проекта «Национально-культурная автономия: Белорусы России», а также ряда других исследований в области истории стран — объектов главных интересов автора: Белоруссии, России, Укра-

ины и Польши. Автобиографическая линия обогащена несколькими авторскими очерками и поэзией.

Из научно-исторических работ следует выделить охватывающую огромный период — с начала присутствия белорусов в Московии в XIV в. до наших дней — монографическую статью «Белорусская Москва» и примыкающую к ней рецензию на книгу Н. Николаева «Белорусский Петербург» (СПб. 2009). В этом разделе нашлось место и для обстоятельной, свидетельствующей о собственных изысканиях автора в сфере становления белорусской государственности в XX в., рецензии на монографию доцента Торуньского государственного университета им. Н. Коперника Д. Михалюк «Белорусская Народная Республика 1918—1920. У основ белорусской государственности»¹.

В три года, после гибели отца на фронте Кавко стал круглым сиротой и разделил трагические судьбы многих своих сверстников, о которых рассказывается в серии очерков. Юноша выстраивал свой жизненный путь с большим упорством: минский библиотечный техникум, сельская библиотека, Белорусский государственный университет, служба в Советской группе войск в Германии. Он — секретарь минского обкома Компартии Белоруссии, сотрудник международного отдела ЦК ВЛКСМ, слушатель АОН при ЦК КПСС. Здесь он получил научную степень кандидата исторических наук. Затем как специалист по современной Польше он был принят на работу в Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР. Здесь, как следует из воспоминаний, ему довелось сотрудничать со знающими и благожелательно настроенными к нему специалистами И. Орликом, Я. Шмералем, А. Бутенко и Н. Бухариным, здесь же была подготовлена и вышла из печати его первая монография «Польша: отечество и социализм. М. Наука, 1977».

Далее научная карьера переплелась с дипломатической: его знания нашли непосредственное применение на посту советника в Посольстве СССР в Варшаве.

Вскоре А. Кавко стал главным редактором журнала «Советское славяноведение», организуя его работу в контексте межславянских культурных связей, единства России, Белоруссии, Украины, Литвы, Польши и других сосед-

них стран, в духе сочетания национально-патриотических и интернационалистических ценностей. До этого журнал много лет возглавлял тоже белорус — профессор И. Костюшко. Это направление, под патронатом ЮНЕСКО, стало для ученого в дальнейшем определяющим.

В годы перестройки в общественно-научной среде резко возрос интерес к историко-культурной проблематике. Вокруг редакции «Советского славяноведения» стали собираться москвичи-белорусы. Возникло Московское общество белорусской культуры. Формировался Народный университет истории Белоруссии, белорусская детская школа. Развернулась популяризация традиций и богатства белорусской культуры, литературы и языка. В сборник включен ряд историко-публицистических работ автора того времени.

Занятия историографией вывели Кавко на изучение биографий и наследия плеяды крупных ученых, в том числе, профессора Института истории АН СССР с белорусскими корнями Н.Н. Улащика, специалиста по аграрной истории, археографии и белорусистике, автора более 400 научных работ, нашедших заинтересованный отклик в российских, английских, американских, немецких, литовских, латвийских, польских, румынских, украинских и чешских изданиях. Изучение творческого пути и научного наследия этого ученого вкупе с публикацией новых источников нашло отражение в рецензируемой книге.

Кавко отдал заслуженную дань уважения многим значимым фигурам современной белорусской культуры и литературы. Защитив в Институте мировой литературы АН СССР докторскую диссертацию, он стал одним из ведущих и наиболее плодотворных московских ученых-белорусистов. В 1988 г. он принял самое активное участие в консолидации белорусской диаспоры в Москве, создав вместе с единомышленниками московское Товарищество белорусской культуры им. Ф. Скорины и выпуская в свет его периодическое издание «Скоринич».

В ходе отмечавшегося в 1990 г. по решению ЮНЕСКО юбилея подвижника просвещения первопечатника Ивана Фёдорова он написал и об этом славном соплеменнике. Изучение белорусского историко-литературного наследия XVIII—XIX вв. позволило восстановить

этнокультурную картину белорусской идентичности, имена многих ее достойных представителей (в том числе С. Александровича, П. Багрима, К. Калиновского, Ф. Богушевича и др.), их органичные связи с Россией.

В 2006 г. вышла в свет монография Кавко «От Скорины до Купалы: Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения»². В рецензируемой книге читатель найдет много нового как о широко известных деятелях белорусской литературы и культуры Я. Брыле, В. Быкове, Я. Колосе, Я. Купале, М. Танке, так и о белорусах-москвичах.

Будучи организатором масштабного проекта «Национально-культурная автономия: Беларусы Расіі. М. 2007», Кавко при помощи научного координатора В. Чайчица провел историческую линию от переселения в Москву в XIV в. нескольких ветвей высшей знати Великого Княжества Литовского (князей Бельских, Воратынских, Вяземских, Одоевских, Глинских), через генеалогию предков выдающихся представителей интеллигенции А. Грибоедова, Д. Писарева, Ф. Достоевского, И. Бунина, К. Малевича и др., до присутствия в российских вузах 1920-х гг. более тысячи студентов-белорусов, а в партийно-политическом руководстве СССР громких имен А. Громыко, М. Зимянина, Н. Слюнькова, Н. Патоличева, В. Шауро и др.

В этом проекте отведено достойное место и многим другим известным белорусам-москвичам, в том числе знаменитым военачальникам — маршалам И. Соколовскому и И. Якубовскому, летчикам А. Кожедубу и Н. Гастелло, космонавтам П. Климуку, В. Терешковой, В. Ковалёнку и О. Новицкому. В научной среде широко известна череда блестящих имен академиков и профессоров различных естественнонаучных и гуманитарных направлений — А. Арцимович, В. Гольдманский, Н. Турбин, Е. Ширяев, Я. Шегидевич, много сделавшие для развития белорусистики; историки и литературоведы — В. Пичета, И. Воронков, И. Костюшко, В. Мочульский, С. Василёнок и др.

Взыскательный читатель найдет в книге список нескольких десятков основных работ автора. Книга снабжена красочным фотоматериалом.

И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ

Примечания

1. MICHALUK D. Białoruska Republika Ludowa 1918—1920. W podstaw białoruskiej państwowosci. Torun. 2010.
2. КАВҚО А.К. От Скорины до Купалы: Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения. М. 2006.

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода, Р.Г. Ланда,
Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Переписка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 8, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25. 07. 2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 2676-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2016 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*



**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**